

ББК 75.82

П41

П41 **Победа Игоря Ерохина.** – М.: Издатель И. В. Балабанов, 2009. – 276 с., ил.

ISBN 978-5-91563-015-3

Авторский коллектив:

Белопухов Андантин Константинович, Богачев Иван Дмитриевич, Быков Борис Захарович, Володичев Николай Николаевич, Вуйта Владимир, Глухов Станислав Васильевич, Дубинин Вадим Алексеевич, Дьяченко Ясен, Ерохин Александр Игоревич, Зверев Георгий Митрофанович, Коршунов Борис Степанович, Локшин Борис Вениаминович, Малахов Владимир Дмитриевич, Мартынов Илья, Нагибин Юрий Петрович, Назаренко Владимир, Нелидов Анатолий Борисович, Стрелков Константин Сергеевич, Кислицына Татьяна, Тихонова Анна Андреевна, Чадеев Валентин Маркович, Чаянов Борис Аркадьевич, Шпагин Михаил Михайлович, Шполянский Владимир Наумович

Авторы фотографий, схем и рисунков:

Быков Борис Захарович, Ерохин Александр Игоревич, Зверев Георгий Митрофанович, Малахов Владимир Дмитриевич, Нагибин Юрий Петрович, Рыльский Илья, Цирюльников Аркадий, Чадеев Валентин Маркович, Шмелев Владимир Егорович, Балабанов Игорь

Ответственный за выпуск *Валентин Чадеев*
Художественный редактор *Марина Балабанова*
Верстка *Алексей Монахов*
Набор *Валентин Чадеев*
Фото на обложке *Виктор Седельников*

Книга издана в авторской редакции

ISBN 978-5-91563-015-3

© Авторский коллектив, 2009
© И. В. Балабанов, макет, 2009

*Когда вокруг все так обыденно,
Как скучный блеклый серый цвет,
Вдруг ясно вспомнишь неожиданно
В горах рассвет...*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2008 г. исполняется 50 лет со времени проведения успешной экспедиции на пик Победы (1958 г.). Руководил командой альпинистов МВТУ и МГУ Игорь Ерохин. В 1958 г. впервые 13 человек прошли траверс массива пика Победы с подъемом по Восточному гребню от перевала Чон-Терен до вершины Победы и спуском по Северному ребру. На Восточную вершину (7020 м) взойшли 44 человека, из них три женщины и четыре альпиниста из Чехословакии. Успешные результаты экспедиции помогли по-новому взглянуть на вопросы, связанные с подготовкой и тактикой высотных восхождений в удаленных районах.

Покорители, траверсанты Победы, во главе с Ерохиным, были удостоены золотых медалей чемпионата Советского Союза по альпинизму в классе высотных восхождений. Игорь Александрович считал покорение вершины этапом подготовки к восхождению на высочайшую вершину мира - Эверест.

История покорения пика Победы - самого северного семитысячника планеты связана с захватывающими сюжетами и человеческими жертвами.

Не обошлось в этой истории и без драматического продолжения. Руководство экспедиции в официальном отчете о восхождении на Главную вершину Победы написало, что все 13 участников траверса были на вершине (на самом деле только 7 человек из 13). Этот факт, а также интриги руководящей альпинистской верхушки тех лет против молодого и энергичного Игоря Ерохина, а также срыв по политическим мотивам уже подготовленной совместной советско-китайской экспедиции на Эверест с севера в 1959 г. дали повод для дисквалификации покорителей Победы. Последовавшая зимой 1960 г. гибель Ерохина и его трех товарищей усугубила ситуацию. Экспедиция 1958 г. и ее блестящие результаты как бы исчезли из истории.

С другой стороны, величие и масштаб этой экспедиции с годами стал все более очевидным.

На русском языке литература об этой экспедиции практически отсутствует, не считая небольшой статьи Белопухова и Божукова в ежегоднике «Побежденные вершины» за 1961 г., а также одной главы в автобиографической книге А. Белопухова «Я - спинальник» (1993). Более подробно об экспедиции написано на чешском языке в книге В. Вуйты, который участвовал в этой экспедиции, - «К вершинам небесных гор». Книга была издана в Чехословакии в 1961 г., позже переведена на немецкий и напечатана в ГДР. На русском языке книга издана не была.

Эти обстоятельства побудили нас, ветеранов этой экспедиции, непосредственных участников событий тех лет, написать собственные воспоминания об экспедиции на Тянь-Шань в 1958 г., о личности выдающегося человека и альпиниста - Игоря Ерохина и обстоятельствах тех лет, сопутствующих этой экспедиции. К сожалению, многих участников уже нет, но память о них с нами. Помимо личных воспоминаний в книгу включены материалы об экспедиции и Игоре Ерохине из разных источников - из книг Белопухова и Вуйты, а также из Интернета. В книгу включены воспоминания сына Ерохина - Александра об отце.

Экспедиции на пик Победы предшествовали две совместные альпиниады МГУ-МВТУ на Кавказе и круглогодичные тренировки в Москве. Руководство предъявляло высокие требования к физической и технической подготовке участников, а также к их отбору.

За два года был создан коллектив, где каждый понимал свою ответственность в общем деле, хотя порой это требовало личных жертв, и принимал строгие правила, существовавшие в экспедиции. Пожалуй, именно поэтому стало возможным подняться на вершину Восточной Победы в тяжелых погодных условиях большей части участников экспедиции - беспрецедентный по тем временам случай массового высотного восхождения. Успех этого мероприятия базировался на хорошо продуманной Ерохиным тактике: организация промежуточного базового лагеря на леднике Звездочка (5200 м), восхождение группы участников на пик Военных Топографов, акклиматизационные выходы на высоту 6200 м над перевалом Чон-Терен, где были подготовлены пещеры в снежном склоне. При восхождении это позволило трое суток пересидеть в пещерах непогоду и благополучно его завершить на высоте 7020 м., т. е. фактически предопределило благополучный исход вопреки погоде.

Принципиально новым по тем временам явилось использование самолетов для заброски грузов в район работы экспедиции. Организация этого мероприятия в Москве потребовала обращений во множество инстанций разного уровня. В итоге было принято решение о

проведении учений военной авиации в высокогорном пограничном с Китаем районе пика Победы (а заодно и десантирования наших грузов - продуктов, баллонов с газом, газовых плит и пр.). Группе наших участников, оставленных во Фрунзе для обеспечения этого решения, выпал нелегкий труд загрузить самолеты несколькими тоннами груза и добиться своевременного вылета самолетов. А главное, помочь штурману самолета с десятикилометровой высоты найти на морене ледника Звездочка маленькие точки палаток передового отряда. Именно туда надо было сбросить контейнеры таким образом, чтобы альпинисты их видели и потом нашли.

В траверсе на высоте выше 7 км принимало участие 13 человек. На Главную вершину пика Победы поднялись 7 человек, а пятеро должны были срочно начать спуск, не дойдя сотню метров до вершины, т. к. один из траверсантов - старейший альпинист-высотник, понял, что он не может продолжать подъем. И Ерохин принял единственно правильное решение в тех условиях - скорейшим образом начать его спуск, а для обеспечения безопасности направить связку из четырех человек. У многих такое решение Игоря Александровича вызывает недоумение: со спуском можно было бы немного подождать. Но история высотных восхождений знает немало примеров, когда ослабевшие от больших перегрузок люди гибли при спуске. Так было в том же районе при первовосхождении на Хан-Тенгри группы Евгения Абалакова, когда уже после спуска внезапно умер его спутник - немецкий альпинист. Об этом не могли не знать руководители Федерации альпинизма страны.

После опасного, но благополучно окончившегося спуска группа восходителей была радостно встречена в базовом лагере. А дальше - вниз, в Москву. Там сначала покорители Победы во главе с Ерохиным были удостоены золотых медалей первенства Советского Союза по альпинизму в классе высотных восхождений. Но затем руководителями Федерации альпинизма была организована расправа, которая косвенным образом содействовала гибели Игоря Ерохина при зимнем восхождении на Домбай-Ульген 8 марта 1960 г.

* * *

Писать мемуары через 50 лет тяжелое занятие. Во-первых, многое забылось, во-вторых, дают воспоминания, уже написанные другими. Дополнительная трудность состоит в том, что число живых свидетелей постоянно сокращается. В нашей экспедиции из 60 участников уже около половины погибли или скончались.

Некоторые утверждают, что человек помнит все прошлое. Возможно, это действительно так, потому что когда несколько стариков собираются и начинают вспоминать, то из закоулков памяти появляются такие детали, которые каждый в отдельности никогда бы не смог вспомнить. Этот синергетический эффект очень помогает восстановить истину.

А что делать с разными точками зрения?

Писатели мемуаров все в той или иной степени видят себя в центре событий. Это вполне естественно, они описывают жизнь со своей точки. Нужны конструктивные критики. Среди тех, кто писал эту книгу, этого недостатка почти не встречается по той простой причине, что нас - авторов около 20 человек и здоровая критика всегда присутствует. Зато появилась другая болезнь - преувеличивается роль *своей команды*. Удалось ли нам решить эти проблемы - судить тем, кто будет читать эту книгу. Современному читателю многие события и действия могут показаться непонятными. За 50 лет произошел громадный технический прогресс, особенно в средствах связи и информатике. Сотовая и спутниковая связь были изобретены гораздо позже. Поэтому следует иметь в виду, что в то время никакой связи между группами, связками, караванами и лагерями, по сути, не было. Обо всех действиях надо было договариваться заранее. За любой информацией нужно было ходить пешком. На короткое время, еще до начала восхождений, на л. Звездочка была коротковолновая радиостанция для связи с самолетами. Когда самолеты улетели, восходители могли связаться с базовым лагерем только с помощью сигнальных спичек один раз в сутки сразу после захода солнца. По сути, передавалась очень скудная информация: «да - нет», «живой - неживой».

Но с другой стороны через 50 лет, когда страсти улеглись, легче отделить «зерна от плевел». И с такого расстояния становится ясно, что это была великая экспедиция! И по организации, и по исполнению и, что самое главное, по силе духа! Естественным ее продолжением было бы восхождение на Эверест с севера, где мы были бы первыми. Но! История не знает сослагательного наклонения.

На Победе нам немного везло. При всех накладках, нестыковках, запретах, плохой погоде и неидеальном снаряжении мы все вернулись живыми, пройдя гребень, где еще не ступала нога человека. Причем все мы сделали сами без носильщиков и финансовых вливаний...

С Эверестом нам не повезло с самого начала. Участники экспедиции были включены в команду для восхождения на него с севера, со стороны Китая. На тренировках выяснилось, что мы были физически подготовлены лучше всех. Но события планетарного масштаба сделали

экспедицию к третьему полюсу невозможной. Никита Хрущев поссорился с Мао Цзе Дуном, началась война, и подготовка к экспедиции прекратилась. Об Эвересте пришлось забыть на долгие годы.

* * *

Книгу писали более 20 авторов. В нее включено много цитат. Имя каждого автора заключено в скобки (набрано курсивом, стоит в начале и в конце текста с указанием года написания). Пример: «*Богачев (2008)*». Некоторые события описывают разные люди. Например, восхождение на Восточную Победу описывают чех Вуйта, Аня Тихонова, Адик Белопухов и еще несколько человек. И эти описания одного и того же события - отличаются! Описания зависят от физического и эмоционального состояния автора, от времени написания (сразу или через 50 лет). Мы старались передать эмоциональное состояние восходителей в то время и сейчас.

Для кого мы пишем? Мы пишем для своих детей и внуков. Жизнь коротка, а дух вечен! Так пусть наши внуки и правнуки узнают правду о нашей прошлой жизни из первых рук.

Мы надеемся, что книга про эту великую экспедицию, прошедшую 50 лет назад, когда еще не было сотовой связи, GPS-навигации, современного альпинистского снаряжения, компьютеров и Интернета, но была сила духа, спортивный азарт, изнурительные бесконечные тренировки, а также воля к Победе и целеустремленность Игоря Ерохина и его команды - будет интересна и современному читателю.

Авторы

НАШЕ МЕСТО В МИРЕ

Богачев (2008). Всевышний создал на Земле горы, наделив их особой силой воздействия на человека. Чем выше гора, тем больше ее сила притяжения к себе. На земном шаре самой высокой вершиной является Эверест или Джомолунгма. Эта вершина находится в горном хребте Гималаев, на границе Непала и Тибета, и с давних времен притягивала к себе умы и чувства людей, желание подняться на вершину Эвереста. Активные действия по реализации этого желания начались в первой половине 20-го столетия. Английские альпинисты под руководством полковника Янгхазбенда, начиная с 1922 г., предприняли ряд попыток подняться на вершину этой великой горы. Было сделано несколько экспедиций, с целью достичь вершины. На протяжении всех довоенных лет - год за годом англичане отправлялись под северную стену Эвереста, со стороны Тибета. Но подняться на вершину им так и не удавалось. На ее склонах погибли лучшие горовосходители Англии того времени - Нортон, Ирвин, Мэллори, Соммервел. Их тела до сих пор покоятся на заснеженных склонах Эвереста, на высоте выше 8000 м над уровнем моря. После Второй мировой войны стремление людей дойти до вершины Эвереста возобновилось вновь.

В этот поток притяжения к вершине вовлеклись и русские альпинисты. Но такая мысль рискнуть подняться на высоту 8848 м над уровнем моря приходит не многим людям. Только избранные становятся на эту дорогу. Среди русских альпинистов первым таким человеком был Евгений Абалаков. Сибиряк, первый поднявшийся на самую высокую вершину СССР - пик Сталина (7495 м) в 1933 г. Пройдя всю Великую Отечественную войну на фронте, он сразу после войны поставил перед собой задачу - подняться на Эверест. 1946 и 1947 гг. Евгений Абалаков посвятил подготовке к этому восхождению. Весной 1948 г. Е. Абалаков завершил подготовку восхождения на пик Победы на Тянь-Шане. Эта экспедиция должна была быть подготовительной перед походом на Эверест. Далее 1949 г. - разведка подъема со стороны Тибета и, наконец, 1950 г. - подъем на вершину. В это же время западные альпинисты интенсивно освоили пути подъема на Эверест со стороны Непала. О намерении Абалакова они знали и стремились, во что бы то ни стало сделать этот подъем раньше. Уже в 1948 г. англичане почувствовали, что Е. Абалаков их перегонит, но случилось следующее. 23 марта 1948 г. на заседании Всесоюзной секции альпинизма нашей страны был окончательно утвержден план и дано добро на проведение экспедиции на пик Победы под руководством Е. Абалакова. А вечером Евгений со сво-

им другом Юрием Арцишевским, сразу после заседания секции альпинизма, приехали в квартиру их знакомых врачей, чтобы отметить это событие. В этой квартире и произошла трагедия. Евгений Абалаков и Юрий Арцишевский в ночь на 24 марта погибли в результате несчастного случая, а по некоторым данным были убиты [1]. Этому были рады на Западе. Теперь русские не могли помешать английским альпинистам вести атаки на Эверест.

Через пять лет после гибели Абалакова, английская экспедиция под руководством Джона Ханта достигла вершины Эвереста. Непалец Тенсинг и новозеландец Хиллари под английским флагом успешно прошли путь на вершину со стороны Непала.

А русские альпинисты продолжили начатую Евгением Абалаковым подготовку к восхождению на Эверест, теперь уже с севера, из Тибета. Взяться за выполнение этой задачи выпало на долю трех русских альпинистов - Виталия Абалакова, Кирилла Кузьмина и Игоря Ерохина. Каждый из них по-своему подошел к такому решению. Но весь тактический план, при подготовке такого восхождения, имел в своей основе дорогу, которую определил Евгений Абалаков. А именно: вначале Кавказ - Безенгийское ущелье, затем Памир и Тянь-Шань - здесь пики Сталина и Победы. После успешного прохождения таких маршрутов можно быть уверенным в успехе на склонах Эвереста. Именно такими были планы у Виталия Абалакова, Кирилла Кузьмина и Игоря Ерохина.

К 1958 г. команды Кузьмина и Абалакова успешно завершили свою подготовительную программу в СССР. Абалаков - Безенги и пик Победы. Кузьмин - Безенги, Мустаг-Ата, Конгур и пик Сталина. В 1957 г. после успешного восхождения на пик Сталина с подъемом на Памирское фирновое плато члены команды Кузьмина убедили своего руководителя - пора на Эверест. Но Кузьмин и без того это понимал. Он это решение принял еще в 1948 г., после гибели Евгения Абалакова. В тот год Кирилл дал себе слово, что он должен встать на путь Абалакова и продолжить начатое им дело.

Осенью 1957 г., после успешного восхождения на пик Сталина, Кирилл начал работу по организации экспедиции. Главная трудность - «пробить стену» спортивной бюрократии в Комитете по физкультуре и спорту страны. Несколько попыток не принесли результата. Председатель Комитета Николай Романов боялся обратиться в ЦК КПСС с таким предложением. Тогда, в октябре 1957 г., я как участник команды Кирилла Кузьмина решился на неординарный шаг - написал письмо от имени нескольких мастеров альпинизма - чемпионов СССР на имя руководителей Китая и СССР - Хрущева и Мао Цзе Дуна. В письме

было предложено провести в 1959 г. совместную советско-китайскую экспедицию на Эверест со стороны Тибета. И посвятить это восхождение 10-й годовщине Китайской Народной Республики. Эта идея очень понравилась Кузьмину. Кузьмин с Богачевым, подготовив это письмо, убедили подписаться под ним еще Виктора Нестерова и Виталия Абалакова. Один экземпляр письма полетел в Пекин, второй опустился в ящик экспедиции ЦК КПСС на Старой площади Москвы.

Авторы письма с напряжением стали ждать реакции Москвы. Прошло чуть более месяца, как последовал ответ из Пекина и ЦК КПСС в Комитет по физкультуре и спорту СССР - организовать в 1959 г. экспедицию на Эверест. Требовалось разработать смету, план подготовки экспедиции, состав команды от СССР и к 1 января 1958 г. эти документы представить во Всесоюзный Комитет по физкультуре и спорту. Так началась работа по организации второй попытки восхождения русских на высшую точку планеты. Кирилл, как опытный стратег, предвидя положительный ответ на письмо, уже подготовил основной пакет документов. Поэтому к 1 января 1958 г. смета, план подготовки и список кандидатов для участия в этой экспедиции были готовы и представлены в Комитет по физкультуре и спорту СССР. Известие о проведении экспедиции в Гималаи разнеслось по всем альпинистским секциям страны мгновенно. Посыпались предложения и заявки на участие. Был создан оргкомитет при Всесоюзной секции альпинизма, К. Кузьмин и В. Абалаков вошли в его состав. Возглавил оргкомитет заслуженный мастер спорта по альпинизму Белецкий Евгений Андрианович.

В это же время Игорь Ерохин также думал об Эвересте. Его ум, ищущий новых задач, давно был подготовлен к этому решению. Команда, которой он руководил, сделала ряд сложных восхождений на Кавказе, включая вершины Безенгийского ущелья. Именно с целью подготовки к Эвересту, Игорь выбрал пик Победы для новой экспедиции в 1958 г. Это решение совпадало с планом Евгения Абалакова в 1948 г.

Далее я расскажу о некоторых событиях, происходивших вокруг этой экспедиции в альпинистских кругах Москвы.

Итак, к 1958 г., среди ведущих команд, участвующих в чемпионатах страны по альпинизму, выделялись команды Виталия Абалакова, Кирилла Кузьмина и Игоря Ерохина. При этом команды Кузьмина и Абалакова всегда занимали первые места в чемпионате страны по альпинизму в том или ином классе восхождений, и практически проводили свои восхождения без замечаний. Работали эти две команды во всех альпинистских регионах СССР - Кавказе, Тянь-Шане, Памире. Команда же Ерохина была, как говорят «притчей во языцех». Ходили еро-

Массив Победы со склонов Хан-Тенгри. Фото Ильи Рыльского (2002)

хинцы на Кавказе по сложным скальным маршрутам. И к ним всегда были нарекания в том, что они, якобы, в ущерб безопасности проходили очень сложные скальные стены сверхбыстро. Тем не менее, тяжелых травм команда Ерохина избегала, и занимала высокие места в чемпионатах страны по альпинизму. А быстрый темп ходьбы достигался за счет очень сильной физической подготовки всех участников команды в предсезонный период и тщательным подбором специального снаряжения. Тем не менее, команду всегда упрекали в необоснованно быстром темпе ходьбы по горам, в ущерб безопасности.

А когда Ерохин заявил о своем намерении провести экспедицию на пик Победы силами вузовских альпинистов и, в случае успешного ее проведения, претендовать на участие в сборной команде для восхождения на Эверест, большая группа альпинистов-ветеранов подняли свой голос за ограничение амбиций Ерохина. Им казалось это недопустимой дерзостью. Особенно против желаний и планов Ерохина выступили участники абалаковской команды.

Это грозило сокращением вакансий в сборную для их участников. И началась кампания против Ерохина.

Для начала предпринимается попытка запретить экспедицию на пик Победы. Еще в период утверждения экспедиции ставится вопрос о том, что в ее составе нет альпинистов, поднимавшихся на высоты выше

6000-7000 м. Тогда Ерохин пригласил в состав экспедиции двух «высотников» - Вано Галустова (поднялся в 1957 г. на пик Сталина) и Петра Скоробогатова (поднялся на Мустаг-Ату в 1956 г., высота 7567 м).

Казалось все - вопрос решен и экспедицию утверждают. Полным ходом идет подготовка, и уже в июле 1958 г. основной состав выезжает в Пржевальск и далее на машинах и караваном движется в верховье ледника Звездочка под пик Победы. И вот когда все грузы и люди находились на подходах к леднику, ряд альпинистов из команды Абалакова, неожиданно ставит перед Федерацией альпинизма вопрос о запрете экспедиции Ерохина.

В начале июля, в пятницу, мне позвонил на работу Кирилл Кузьмин и напомнил, что сегодня будет последнее заседание президиума Федерации альпинизма СССР, и что на ней будут окончательно утверждены план подготовки участников советско-китайской экспедиции на Эверест. В этом плане предусматривалось совместное советско-китайское восхождение участников будущей экспедиции «Эверест-1959» на вершину пика Ленина. Но, кроме того, возможно, будет обсуждаться вопрос об экспедиции Ерохина на пик Победы. - Ты знаешь, - сказал Кирилл, нужно быть готовым к неожиданной постановке вопроса, - будь обязательно на заседании. В 1958 г. я вместе с Кузьминым и Абалаковым был заместителем председателя Федерации альпинизма СССР. Председателем федерации был Николай Романов - председатель ЦС ДСО «Буревестник». Такая была практика в спортивном мире нашей страны - председателями федераций назначали руководителей спортобществ.

В 5 ч вечера закончился мой рабочий день, и я отправился на заседание федерации, на Скатертный переулок. По дороге зашел в кафе, что в здании ресторана Прага, перекусить. Без пяти минут шесть я уже был на Скатертном. К моему удивлению зал заседания был полон, хотя начался альпинистский сезон, и многие альпинисты уехали в горы. Это меня насторожило. Хотя, думаю про себя, все-таки вопрос важный - выезд сборной команды на Памир. Началось заседание.

Романов объявил повестку дня:

- 1-й вопрос - советско-китайская экспедиция,
- 2-й вопрос - разное.

По первому вопросу выступили Е. А. Белецкий и К. К. Кузьмин. Их сообщения прошли гладко, без обсуждений. Было задано несколько вопросов и на этом первый вопрос закончен. Решение принято - все готово к выезду на Памир. Перешли к разному. И тут выступил Н. Романов и сообщил, что в президиуме федерации появилось такое мнение, что экспедиция МГУ-МВТУ на пик Победы недостаточно подготовле-

Массив Победы. Фото Быкова (1958)

на, не укомплектована достаточным числом опытных альпинистов-высотников и это обстоятельство может привести к трагическим последствиям, что в свою очередь может повлечь за собой отмену восхождения на Эверест. После этого сообщения зал зашумел. Послышались реплики - «этого допустить нельзя», «но ведь экспедиция Ерохина уже на Тянь-Шане» и т. д. Романов, обращаясь к членам президиума, поставил вопрос: «Как быть?»

Первыми выступили члены команды «Спартак»: Яков Аркин, Арий Поляков и Александр Боровиков. Смысл их выступления сводился к тому, что нельзя рисковать восхождением на Эверест и поэтому экспедицию на Победу Ерохина необходимо повернуть назад. Кирилл Кузьмин выступил в поддержку Ерохина, мотивируя это тем, что в составе Ерохинской экспедиции находятся два опытных высотника - Галустов и Скоробогатов, и что подготовку экспедиции проверяли и не нашли никаких претензий к ее организации. Разгорелся спор. Одни говорили - вернуть, другие - продолжить работу. Но чаша весов склонялась в сторону запрета. Романов поставил вопрос на голосование. Перед голосованием я попросил слово и выступил с предложением, которое возникло у меня внезапно, как будто кто-то мне подсказал - нужно выручать Ерохина. И я предложил командировать меня в состав экспедиции на пик Победы. К тому времени у меня был достаточный опыт восхождений на вершины выше 7000 м. Зал вторично загудел. На этот раз Кузьмин резко выступил в поддержку такого решения и при этом сказал, что в составе сборной команды СССР на Эверест меня нужно оставить.

Абалаковцам пришлось согласиться, и Романов облегченно вздохнул. Так определилась моя судьба - вместо пика Ленина, вместо экспедиции в составе сборной на пик Ленина, срочно догонять караван экспедиции на пик Победы под руководством Ерохина. *Богачев (2008).*

КОМАНДА ИГОРЯ ЕРОХИНА

Планы

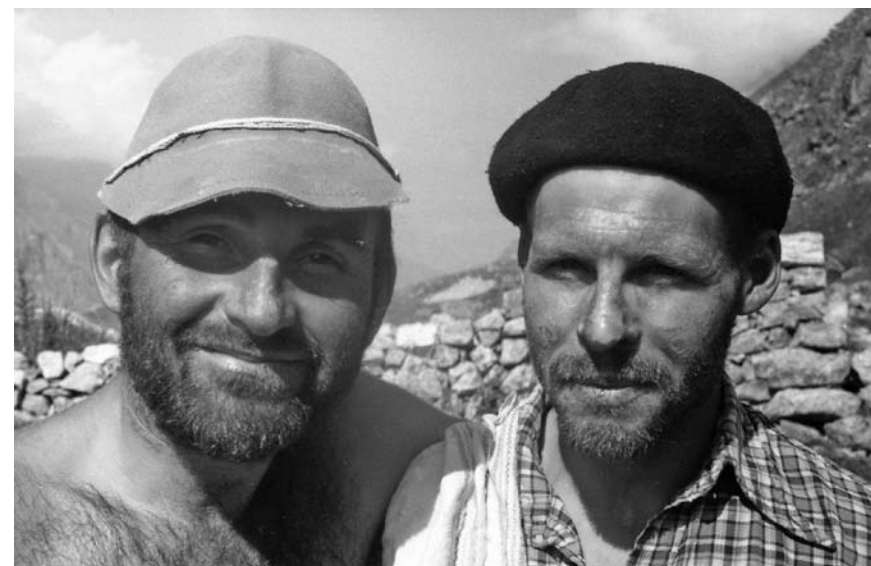
Чадеев (2008). О стратегических планах Ерохина мало кто знал и когда он был еще жив, а теперь, по-видимому, не знает никто. Со студентами он обсуждал только тактические задачи, необходимые для решения проблем ближайшего года. И только по прошествии многих лет стало ясно, что Ерохин создавал команду для восхождения на Эверест.

Почему на Эверест? Да просто потому, что в то время для любого альпиниста не было более высокой цели. И в прямом и в переносном смысле. Эта цель была в амбициозных планах самого Ерохина и, как он полагал, такой целью можно было зажечь любой коллектив. Был бы порох! А порох, в понимании Игоря, - это первоклассная физическая и волевая подготовка.

Формирование команды

Ерохин естественно понимал, что для решения такой стратегической задачи нужно будет решить массу вопросов, начиная от всяких государственных разрешений и кончая стельками в шекельтонах.

Наши стратеги. Слева «верховный главнокомандующий» Игорь Александрович Ерохин, справа - Андантин Константинович Белопухов. *Фото Малахова (1957)*

Инициаторы и организаторы проведения совместных альпиниад МГУ - МВТУ. Слева Игорь Ерохин, справа - Костя Туманов. Фото Бориса Быкова (1956)

Но в первую очередь нужно было создать команду, способную взойти на Эверест. Из кого? Поскольку Ерохин был преподавателем в МВТУ им. Баумана, решение было однозначным: из членов альпинисткой секции Училища - студентов, аспирантов, преподавателей, недавних выпускников и, может быть, других ВУЗов. Сильной альпинисткой секцией среди ВУЗов Москвы была и секция МГУ им. Ломоносова, председателем которой был Костя Туманов - преподаватель университета. Нам не удалось установить, кому принадлежала идея объединить обе секции для проведения совместных альпиниад. По-видимому, это были Ерохин и Туманов. Первая совместная альпиниада МГУ-МВТУ, которая прошла в ущелье Адыл-Су в 1956 г., и была той основой, на которой начала формироваться команда Ерохина.

При формировании команды и организации экспедиции Ерохин придерживался определенных принципов. Вот некоторые из них.

Команда должна совершить восхождение сама - без «шерпов». Этого требовал советский менталитет того времени - все были равны, «эли-

та» тоже должна была выполнять черную работу. Поэтому высокая физическая подготовка должна быть у всех.

Каждый участник экспедиции должен получить награду. Такой наградой должна была быть возможность совершить хорошее восхождение, которое этому участнику по силам.

Все члены команды должны участвовать в подготовке экспедиции. Участие может выражаться в изготовлении снаряжения (например, крючьев из титана), получении снаряжения (например, ботинок из фондов ВЦСПС), получении спецпитания в Институте питания АН и т. д. и т. п. Задания каждый выбирал добровольно в соответствии с наклонностями и возможностями, но контроль выполнения был жестким.

При формировании команды, наряду с физической и морально-волевой подготовкой, должен учитывался вклад участника в подготовку и реализацию экспедиции.

Всего было проведено три альпиниады.

Первая - на Кавказе в ущелье Адыл-Су. На этой альпиниаде буквально из новичков формировался основной костяк будущей экспедиции на Победу.

Вторая была тоже на Кавказе в районе Безенги - в то время малодоступный высотный район Кавказа. Здесь была проведена имитация высотного траверса.

Третья альпиниада - экспедиция на Победу.

Четвертой должна была быть экспедиция на Эверест для первовосхождения с севера, со стороны Китая.

Все альпиниады предварялись мощной физической подготовкой в осенне-зимний период и тщательным отбором кандидатов весной.

Для студентов все альпиниады были школой технической и организационной подготовки крупных мероприятий. Например, кто-то из них посчитал (все ведь были «учеными»), что если кастрюлю на примусе обернуть жаропрочным экраном, то можно расход топлива сократить вдвое. Эта идея была реализована. Для разжигания примусов решили использовать гексан, не имеющего едкого запаха. Гексан, как более летучий, чем бензин, пришлось запаивать в банки. Технологию пайки разработали студенты, собственно пайку тоже делали они. Были разработаны и изготовлены устройства задержки для парашютов, сбрасываемых в горах, и т. д. и т. п.

Большинство участников экспедиции прошли отменную закалку в преодолении бюрократических препон и рогаток. Например, для получения разрешения на получение партии горных ботинок для первой альпиниады в здании ВЦСПС на Ленинском проспекте нужно было получить более де-

сяти подписей в разных концах громадного здания ВЦСПС на Ленинском проспекте. Эту работу выполнял я (в то время студент). Документы из министерства торговли для получения мяса в живом весе для экспедиции на Победу оформлял студент Зверев и т. д. и т. п. И это при том, что студенты были людьми очень молодыми, без жизненного опыта. Большинство из них с бюрократическими препонами встречались впервые. *Чадеев (2008).*

Круглогодичные тренировки

Малахов (2008). Тренировки Ерохина проводились по утрам, в 7.20, и назывались зарядками. В зависимости от погоды они проводились либо в спортзале Училища, либо на стадионе Московского военного округа (МВО), напротив МВТУ за рекой Яуза. В помещении занятия проводились с массой самых различных упражнений, развивающих силу, выносливость и гибкость, в заключении обязательным был баскетбол, в который Игорь хорошо играл. Занятия на стадионе включали те же упражнения, и обязательный кросс на 5-7 км либо бег на 100 м с ускорениями, затем 200 м медленный бег - «отдых», - затем опять 100 м с ускорениями, 200 м - «отдых» и так до полного изнеможения. В теплое время, в солнечные дни суббот и воскресений всей секцией мы выезжали на электричке в Царицыно. Там, в те годы, московские альпинисты использовали недостроенные здания дворцов и разрушенные арки и беседки дворцового комплекса, как скалодром для обучения лазанью по скалам. *Малахов (2008).*

Альпиниада МГУ - МВТУ 1956 г.

Чадеев (2008). Это была первая ерохинская альпиниада. Чтобы попасть в нее, нужно было пройти в Москве строгий отбор по физической подготовке. В этой альпиниаде не совершались выдающиеся восхождения, но именно в ней был создан костяк экспедиции на Победу. Нужно подчеркнуть, что школа Ерохина была не только спортивной школой. Это была школа жизни. Ребята учились организации и реализации больших проектов. Начали понимать мощь коллективной работы, понимать, что маленький вклад каждого важен для крупного дела. Как говорят китайцы, если чихнуть всем миром, буря будет.

Как и во всех последующих альпиниадах, весной проводились интенсивные тренировки с контрольными кроссами. *Чадеев (2008).*

Малахов (2008). Весна 1956 г. была ознаменована активизацией нашей физической подготовки. Кроме обычных тренировок два раза в субботу или воскресенье в парке Покровское-Стрешнево проводились

Строительство столовой в первой совместной альпиниаде МГУ - МВТУ 1956 г. Фото Малахова (1956)

кроссы, обязательные для всех членов альпсекции, - все ребята (и разрядники, и новички) бежали дистанцию 5 км, а девушки - 3 км.

В начале июля почти все члены альпсекций МВТУ и МГУ собрались на Кавказе в базовом лагере альпиниады. Он располагался на «Поляне кошей» в 500-600 м выше альплагеря «Адыл-Су», там, где, выходя на поляну из теснины, река Адыл-Су разливалась на много рукавов.

Место расположения лагеря было выбрано очень удачно. Во-первых, недалеко от стационарного альпинистского лагеря, куда продукты и грузы завозились автотранспортом, а далее самими участниками. Во-вторых, для скальных, снежных и ледовых занятий новичков и значкистов альпиниады, можно было пользоваться скальными лабораториями альплагеря, снежными склонами в верховьях Адыл-Су и ледовыми на леднике Кашкаташ, все на расстоянии 40-60 мин ходьбы, что улучшало учебный процесс. В-третьих, на расстоянии 2-3 ч подхода в ущельях Адыл-Су, Адыр-Су, Шхельды и Баксана находились многие известные вершины 3-5 к. сл.. А если учесть, что срок работы альпиниады был запланирован на 50-55 дней, то вырисовывались прекрасные перспективы спортивного роста у спортсменов, что позволяло им в сжатые сроки совершить по несколько восхождений и быстро набраться опыта.

Так большинство третьеразрядников за 50 дней работы альпиниады успели совершить до десяти и более восхождений. Лично мне удалось совершить 15 восхождений и полностью выполнить норму первого спортивного разряда. Правда, для этого через пару дней после закрытия и отъезда альпиниады мне с Игорем Бачелисом, с разрешения И. Ерохина, удалось совершить восхождение на Эльбрус - вершину-пятитысячник, что было необходимо для присвоения 1 разряда. Для этого пришлось «украсть» несколько дней из производственной практики в Нижнем Тагиле. Забегая вперед, скажу, что это восхождение, сделанное нами после почти двух месяцев пребывания в горах прошло в хорошем темпе. Подъем из «Приюта 11» на Восточную вершину Эльбруса и спуск в лагерь «Терскол» занял всего несколько часов. Кстати, подъемников на Эльбрусе тогда еще не было. В тот же вечер мы уже выехали на попутном грузовике в Нальчик.

В целом участники альпиниады в июле-августе того года совершили несколько десятков восхождений различной сложности; одних восхождений 4-5 к. сл., судя по летописи альпинизма, было совершено 145. А если к этому добавить учебные походы новичков и значкистов с восхождениями и переходами ими перевалов, то будет понятно, почему во «Приют 11». Подъемников на Эльбрус тогда еще не было, но было это элегантное произведение архитектуры, которое сгорело в 1998 г., во времена перестройки. *Фото Игоря Балабанова (1979)*

всех соседних лагерях нас называли самым «ходящим лагерем». Каждое восхождение сопровождалось разбором. Такие разборы проходили практически каждый день и совсем не походили на стандартные мягкие обсуждения. Руководство альпиниады - Игорь Ерохин, Константин Туманов, Адик Белопухов и другие опытные альпинисты обеих секций замечали многие нарушения в использовании снаряжения, тактике и практике восхождений и в резких оценках не стеснялись высказывать самоуверенной молодежи все, что они об этом думали.

А в заключении расплата была суровой - Игорь Александрович обычно говорил: «Три, четыре или пять дней (в зависимости от нарушения) - без восхождений и на кухню чистить картошку и котлы!» Причем к бауманцам, особенно к тем, кому симпатизировал, он был особенно строг. Правда, мы и здесь находили утешения в совершенствовании скалолазания по огромному, с дом, камню, который стоял посреди лагеря недалеко от кухни. Кроме того, на кухне за работой бывали очень интересные для нас, бауманцев, беседы с преподавателями и старшекурсниками МГУ. Ведь с нами в горах в то время были очень интересные люди, уже состоявшиеся ученые, такие как Рем Хохлов, Константин Туманов, Мика Бонгард, Толя Нелидов и многие другие. Так надолго, например, запомнился целый «цикл» рассказов о бионике Мики Бонгарда, который просто приходил к нам «чистильщикам», и рассказывал об этом новом тогда направлении в науке. Да и другие ребята из МГУ бывали очень интересными собеседниками после ужина на «завалинке» или у вечерних костров. Ведь мы были очень молоды, рассказы наши о баллистике или сопромате вряд ли были бы интересны. Да мы уже тогда были «секретными» и чем мы занимались на самом деле, нам рассказывать было запрещено. Поэтому нам оставалось слушать и как «губки» впитывать все, что было в то время передовым и интересным. Так и получалось, что и за это нужно было благодарить Игоря!

Надо сказать, Игорь Ерохин был отходчив, понимал, что время для восхождений надо использовать на сто процентов, и обычно срок наказания сокращался на день-другой, но мы хорошо помнили его нелицеприятные оценки, да еще сказанные в присутствии доброй половины лагеря.

Из происшествий запомнился случай, за который мне здорово попало от Игоря. После восхождения на Восточную Шхельду (4Б) наша группа в составе Володи Шполянского (руководитель), Саши Кабалевского, Вали Чадеева, Славы Черемисинова и меня на спуске, по моему совету, как «изобретателя» этого вида быстрого сбрасывания высоты, который мы называли «глиссер» - села на «пятые точки» почти в верх-

ней части предвершинного снежного склона и вместо того, чтобы спуститься по левому ребру, кстати, занятому в то время спускающейся с той же вершины группой альпинистов «Спартака», поехала, экономя время, прямо в одной связке вниз. В скорости мы, конечно, у этой группы, взиравшей на нас с удивлением, выиграли, но в середине снежного склона сорвали лавину. На ней, то перескакивая ледовые трещины, то заглядывая в них, выныривая, и опять перескакивая, мы съехали прямо к подножью снежного поля, почти к тропе.

То, что мы совершили - поняли только тогда, когда посидев молча по пояс в лавине, мы выбрались с трудом из мокрого вязкого снега и бросились убежать с «места преступления». Саша в лавине потянул ногу и прихрамывал всю дорогу, пока мы бежали вниз по ущелью Шхельды, к базе альпиниады. Конечно, о своем скоростном спуске мы в лагере никому не сказали, но вычислить, кто был на вершине, а потом в лавине, оказалось легко. Слухи дошли до Ерохина, и расправа его оказалась жестокой - все загремели на кухню, а меня с Володей Игорь хотел выгнать с альпиниады. Потом, правда, нас простил, а мне через долгих четыре дня разрешил выход в качестве участника на Малую Шхельду по маршруту 2А, да и то потому, что Славе Черемисинову нужно было руководство на двойке.

Вообще-то Игорь при всей его требовательности и строгости был отходчивый и добрый человек, искренне переживавший за молодежь нашей секции, которой он очень хотел помочь вырасти. В тот год большая группа мастеров спорта нашей альпсекции не поехала на альпиниаду. В соответствии со своими личными планами они отправились на на Домбай. А команда И. Ерохина, как и было заявлено, от альпиниады МВТУ-МГУ, в составе А. Белопухова, В. Иванова и А. Осинцева вышла на покорение Ушбы по Северо-западной стене лишь 10 августа, когда практически все планы по работе с новичками и значкистами (самый большая группа участников) были выполнены. Группа И. Ерохина, как это было в стиле Игоря, применила и здесь новинку.

Изучив заранее маршрут восхождения, И. Ерохин с группой решили проходить первую половину Северо-западного ребра, выводящую на заявленную для восхождения стену, ночью. Нижняя часть ребра простреливалась в светлое время камнями и глыбами льда.

Обычно вечером часов в шесть группы начинают готовиться к биваку, а группа МВТУ в это время 11 августа вышла из лагеря на Ушбинском плато. Уже в темноте, освещая путь укрепленными на шлемах электрическими фонарями, группа спустилась по Ушбинскому ледоподу до ребра, по которому начинался ее маршрут по стене.

Поскольку ребро было в основном ледово-фирновое, для его прохождения в группе был специалист и любитель подъема на кошках - Анатолий Осинцев, который и возглавлял, по его словам, движение на этом участке. Не снижая темпа, группа смогла продолжать подъем всю ночь и большую часть следующего дня.

На отдых группа остановилась только во второй половине дня 12 августа. Сэкономленное во время ночного подъема на кошках время позволило группе пройти оставшиеся до вершины по высоте 350 м вечером и достигнуть вершины к концу дня, затратив на восхождение менее трех суток.

В результате по классу технически сложных восхождений команде И. Ерохина было присуждено третье место, что и явилось заключительным аккордом успешно закончившейся и выполнившей все свои планы первой совместной альпиниады МВТУ и МГУ. *Малахов (2008)*.

Чадеев(2008). Для меня альпиниада 1956 г. была переломным моментом в жизни. Не будь ее и знакомства с Ерохиным моя жизнь была бы другой. Эта история изложена в разделе «Истоки».

В мае 1956 г. у нашей группы была эксплуатационная практика на крейсере «Дзержинский» в Севастополе. Вместе с Сашей Кабалеvским после практики в Крыму мы добирались до Адыл-Су в Баксанском ущелье на Кавказе. Сама альпиниада располагалась на «Поляне кошей» выше альплагеря «Джантуган». Автомашина доходила только до лагеря, а дальше, приблизительно километр, все продукты для нашей столовой приходилось нести на себе. Однажды я нес деревянный ящик, в котором было 1000 куриных яиц.

Мы с Володей Малаховым жили в одной палатке. У нас был полный набор снаряжения, чтобы в любой момент мы могли отправиться на любую вершину: сорокаметровая веревка, крючья, айсбайли и т. п.

Однажды был такой случай. Была плохая погода, непрерывно шел дождь, и никого никуда не пускали спасатели. А нам с Володей не хватало одной тройки, чтобы получить разрешение на четверку. Кто-то сказал нам, что в районе есть самая простая тройка Ирикчат, и ее можно делать в любую погоду. Ерохин разрешил, сказав только, что на самых простых тройках и надо быть особенно осторожными.

Начспас нас проверил, и мы втроем вышли в 4 ч утра. О третьем участнике я помню только, что он был из МГУ. Ирикчаты расположены на другой стороне реки Баксан. От альпиниады до Баксана километров 15, а за Баксаном еще столько же до вершины. Мы еще до обеда дошли до подножья вершины. Решили не ставить палатку, а сначала сделать

траверс. Гора оказалась действительно простой - чисто скальной. На ней можно было бы получать удовольствие, если бы не непрерывный дождь, перешедший на высоте в снег. Все зацепки были засыпаны снегом. Траверс мы сделали быстро и еще засветло спустились к траве. Решили идти вниз, пока светло. Короче, мы добрались до нашего лагеря что-то около 2 ч ночи совершенно вымотанные.

Утром произошло самое интересное. Наша палатка стояла у линейки. Когда мы с Володей проснулись часов в семь, то, выглянув из палатки, увидели, что две группы готовятся к выходу. Начспас их проверяет, тут же Ерохин.

Ерохин подходит к нам: «С Ирикчатами все в порядке? Хотите на четверку? Получайте продукты».

Мы быстро собрались и, присоединившись к группе Володи Шполянского, вышли на траверс Бжедух - Вольная Испания. После небольшого подхода начался подъем на крутой снежник. После оказалось, что на этом подъеме у нас с Володей в головах крутилась одна и та же мысль: «Сколько человек может вытерпеть и не сломается ли что-то внутри». Все обошлось. После первой же ночевки мы полностью восстановились.

На этом восхождении я получил очень важный урок и понял что такое мастер. Где-то в середине траверса есть вертикальная скальная стенка. На нее нужно залезть. Перед ней плоская площадка, на которой с комфортом расположились обе команды. Один руководитель - Шполянский, другого не помню. Шполянский в полном снаряжении с громадным рюкзаком начинает подниматься, но у него ничего не получается. Зацепки маленькие, а ботинки с триконами срываются. Он пытается забить крюк но не может дотянуться до трещины. Это продолжается около получаса. Мы все сидим как в цирке. Солнце, тепло...

Наконец, второй руководитель не выдерживает, начинает давать советы. Они вдвоем обсуждают варианты. Нас они к стенке не подпускают, как я понимаю, залезть самим становится делом чести. Это продолжается около 2 ч. Тут нас догоняет группа Туманова. Они присоединяются к зрителям и тоже некоторое время наблюдают за нашими начальниками.

Потом Туманов снимает ботинки, достает из рюкзака тапочки, надевает их и через десять минут вытягивает репшнуром свой рюкзак на вершину стенки. Без рюкзаков, да еще с верхней страховкой вся толпа зрителей была на верху стенки через 10 мин.

Каждый из наших руководителей в тапочках залез бы на стенку быстрее Туманова!

Это был урок мастера! *Чадеев (2008).*

Локишин (2008). Переломным и в значительной степени определившим судьбу альпинизма в МГУ на последующие годы стал 1956 г., когда альпинистские секции МГУ и МВТУ решили объединить свои силы и провести совместную альпиниаду. Поскольку в то время я еще был в числе «молодых», то я не знаю, как возникла эта идея. Думаю, что это произошло на уровне контактов Ерохина и Туманова. Следует сказать, что после войны сильные секции альпинизма возникли в ряде московских ВУЗов, в первую очередь в МВТУ, МЭИ, МАИ. В этих секциях было много опытных и заслуженных альпинистов. Так или иначе, летом 1956 г. совместными силами МГУ и МВТУ была проведена альпиниада на Кавказе на «Поляне кошей» вблизи лагеря «Джантуган», где вырос большой палаточный городок. Альпиниада прошла более чем успешно. Она была безаварийной, и в ней было совершено большое число технически сложных восхождений. *Локишин (2008).*

Божуков (2008). В МАИ я учился в одной группе с Борисом Бароновым и Сергеем Силиным. Они сразу же после 1-го курса поехали в альплагерь и стали альпинистами. Меня же авиамоделизм задержал на год, лишь после 1-го курса в группе однокурсников я попал в горы и остался с ними на всю жизнь. Именно от Бориса и Сергея я услышал имя - Игорь Ерохин! Друзья, опередившие меня, попали в альпиниаду МГУ-МВТУ в 1956 г. на Кавказ, их рассказам о лагерном стиле жизни и восхождениях не было конца.

Я в профсоюзных лагерях потратил три смены на выполнение 3-го разряда. В то время, когда я уже был тренированным лыжником 1-го разряда. Мне было оскорбительно стыдно за бесполезно потраченные годы. *Божуков (2008).*

Нелидов (2008). В организации 1-й совместной альпиниады я принимал чисто административное участие: ходил в ректорат университета, к начальству спортклуба МГУ, к руководству «Буревестника» (благо хорошо их всех знал).

Как появилась мысль об объединении наших сил МГУ-МВТУ я не помню. Но идея появилась и зажила.

Всю весну и до начала июля 1956 г. я был в геологической экспедиции на Южном Урале, и в Адыр-Су приехал чуть позднее. В каком-то духанчике около остановки случайно встретил Игоря Ерохина - он вел там какие-то переговоры. Довольно быстро их закончил, и мы пошли вверх. Он налегке, а я с большим альпинистским рюкзаком. Он все ускоряется и ускоряется, а я держусь! Игорь был, кажется, доволен. На следующий день дал мне отряд девчонок - загнать их на Койавгана-

уш (крутейший травянистый перевал) и спустить с такой скоростью, чтобы «живых не осталось»! Но это задание я не выполнил - загнал, но спустил живыми. Ближе к вечеру команда: «Через полчаса вниз пойдет машина, вот тебе группа из 3-х человек, оформляйтесь на выход!» В группе: Икуся Соколова из МГУ - спокойный, умный и очень хороший человек и двое ребят - Женя Муравьев из Свердловска и Сережа Морозов из Челябинска, которых я раньше не знал, но которые оказались самой сильной и надежной связкой в моей альпинистской жизни. «Продуктов нет, наберите что-нибудь...» Взяли манную крупу, смешанную с сахаром (впоследствии оказалась несъедобной), кусок хлеба и чай. Пока оформляли маршрут на пик МНР, подписывали маршрутный лист у врача, машина ушла. Но вниз дорога идет там серпантинами, и Сережа догнал ее где-то на повороте, там она нас и подобрала. Проехали километров семь, дальше куда-то вверх; уже темнеет, поставили палатку в самом «удачном» месте, в ложбине, куда сверху скатываются камни. Мы устроились, лежим, и вдруг слышим «стук-стук-стук», как будто кто-то бежит сверху. Все ближе, ближе ... И - удар по верху палатки (к счастью, палатка не разорвалась). Вылезаем посмотреть - сверху скатился булыган в четыре раза больше палатки, остановился в яме в 5 м выше, вышиб камень, который и сбил палатку. Удрали мы мгновенно! На ночь нашли закуток, кое-как устроились, есть нашу бурду было нельзя... Поэтому на гору мы вышли через день рано утром, и на кошках пропилили весь маршрут, хотя теплые уютные скалы были в шаге. Выбранный нами маршрут был, конечно, опасен, т. к. вверху сужение, и с восходом солнца начали лететь камни. Когда я описал своему другу, будущему восходителю на МНР по 4А наш путь, - он поседел от ужаса: не спал всю ночь, точил кошки и до сих пор напоминает мне мой рассказ.

Следующее восхождение - траверс Бжедех - Вольная Испания - запомнился так же. Нас четверо: Ольга Михайлова, Сергей, Женя и я - руководитель. Как всегда, выходим в плохую погоду - день отсидки - и путь, который в 1952 г. мы с Микой Бонгардом прошли за 10 ч, проходим за 1-1,5 ч (научились смотреть по сторонам и находить пути). Но на перемычке между Бжедехом и Вольной Испанией под Ольгой срывается снежная ступенька, и она проезжает вниз по мульде, пытаясь задержаться, но скрывается за перегибом. Мой коротенький айсбайль вылетает из снега, но, к счастью, пояс - не обвязка. Пояс позволяет карабину съехать на спину, меня прижимает к снежному склону, и я вбиваю айсбайль. Я вишу и зову Женю и Сережу, которые ушли недалеко вперед. Ольгу вытащили, посидели, полезли дальше. На жандарме

«Гоголь» я пытаюсь забить крюк, однако айсбайль ломается, головка улетает вниз, и у меня в руках остается только древко. Не без труда я один вылез наверх, нашел не очень удобное место для сидячей ночевки, привязался к камню, ночью мой спальный мешок все время сползал... А утром Сережа одел кошки, и в 20 м от моей ночевки на очень простом склоне обнаружилось вытоптанное место для палатки. Вниз уходят мульды и гребни. У меня нет ледоруба, и Ольга побаивается. Вместо того чтобы спускаться по простому снежному гребню (связка по связке), я принимаю самое глупое решение - уходить вниз по крутому склону по линии падения воды. Снег не лавинный, а внизу громадный высокий бергшунд. Прыгаем через него... Против нас была группа Иванова - Осинцова. Они очень удивлялись нашему спуску.

Потом пошли «пятерки». Игорь выгонял на них так же неожиданно, в темпе. Так он пришел часов в 5 вечера, сказал, что Ушба в хорошем состоянии, и чтобы мы «убирались» немедленно из лагеря. Я помню, что у Сереги на ледорубе болталась авоська с яйцами, а я побирался во всех сборах, мимо которых мы проходили. На Ушбинской «подушке» мы встретились с группой Снесарева, который накормил нас бутербродами с икрой!

Групп на Ушбе было много, но они были рассредоточены по всему маршруту, поэтому мы никого не встречали. Только уже внизу после траверса встретила еще одна группа нашей альпиниады. Но мы решили на один день сбегать в зеленую Сванетию, а не переться в лагерь через надоевший Ушбинский ледопад. И были в восторге! Нашли на спуске веревку, которую поменяли на еду. В лагерь вернулись через перевал Бечо. От Игоря немного влетело.

А потом мы четвером: Ия Соколова - руководитель, Морозов, Муравьев и я решили поехать в Домбай и пройти траверс Домбай-Ульген по 5А. Это нам удалось. Икуся стала мастером спорта СССР, а я еще раз убедился в исключительных качествах связки Сережа - Женя. Они были гораздо сильнее меня, и я горжусь, что ходил с ними. *Нелидов (2008)*.

Чадеев (2008). По альпиниаде 1956 г. есть интересная статистика, взятая из [5]. К сожалению, в ежегодниках «Побежденные вершины» регистрируются только восхождения сложнее троек, а многие участники были начинающими альпинистами. Но и эта статистика весьма показательна. Оказалось, что среди 61 участника альпиниады, совершивших сложные восхождения, только 21 впоследствии поехали на Победу. Зато эти 21 сделали в 7 раз больше восхождений, чем те, кто не поехали. Одним словом поехали самые активные. *Чадеев (2008)*.

Альпиниада МВТУ и МГУ 1957 г. в Безенги

Воспоминания Коли Володичева

Володичев (2008). Летом 1957 г. в одном из самых красивых районов Кавказа Безенги проходила совместная Альпиниада МГУ и МВТУ. Этим сбором руководили Константин Арташесович Туманов от Московского университета и Игорь Александрович Ерохин от МВТУ. Константин Туманов работал старшим преподавателем на физическом факультете, считался ведущим альпинистом в Московском университете в те годы и имел необычайно высокий авторитет у альпинистов МГУ. Он привлекал к себе своей скромностью, спортивностью и высокой образованностью. Уделял много времени альпинистской секции, всегда участвовал в походах секции и тренировках, в распределении путевок в альплагеря среди начинающих альпинистов. Он хорошо знал каждого в альпсекции и был ее душой. В 1952 г., пятью годами раньше описываемого времени, команда альпинистов МГУ и АН СССР, где руководителем был Борис Арнольдович Гарф (участники, из известных мне альпинистов, Юрий Михайлович Широков, Александр Михайлович Балдин и Константин Арташесович Туманов) совершила восхождение по СВ стене по новому пути на красивую кавказскую вершину Чатын. Команда стала чемпионом Советского Союза по альпинизму, а ее участники мастерами спорта СССР. До сих пор этот маршрут на Чатын считается очень сложным.

Безенги в те годы представлял собой труднодоступный район. Под-

Юра Зверев и Ольга Михайлова на поляне Миссес-Кош. Из архива Ольги Михайловой (1957)

ходы к нему проходили по оставленным жителями местам Кабардино-Балкарии. Отсутствовали дороги и горные тропы. Мы добирались туда с караваном ишаков, прокладывая тропы по склонам гор. Через бурную реку Безенги ниже языка одноименного ледника из альпинистских веревок организовали воздушную переправу. Ерохину в конце концов удалось выбить вертолет для нашего сбора и это

несколько сократило трудности. Возможно, это был первый случай использования вертолета в нашем альпинизме. Базовый лагерь разбили на поляне Миссес-Кош. Рядом с альпиниадой расположилась автономная группа альпинистов МВТУ, входившая в состав нашего сбора и работавшая по собственному плану. Руководил ею Лев Калишевский, еще в нее входили Борис Ефимов, Арик Симоник и Борис Волков. Планы нашего сбора были весьма серьезные. Команды МГУ и МВТУ заявили на первенство Советского Союза траверсы массива Дыхтау - Коштантау в двух противоположных направлениях, навстречу друг другу. Команда Льва Калишевского на первенство Советского Союза заявила новый маршрут на Коштантау.

Игорь Александрович Ерохин рассматривал Альпиниаду МГУ-МВТУ в Безенги как этап подготовки экспедиции на Эверест, которая, по его мнению, должна была состояться после экспедиций в районе Безенги и в районе пика Победы. Говоря об этом, он всегда повторял одну и ту же фразу: «Безенги, Победа, Эверест» в полусерьезной, полужутливой манере, которая была присуща Игорю Ерохину.

Альпиниада начала свою работу. Группа Юры Широкова, в которой находились Рем Хохлов, Виталий Пападичев и еще три участника сбора, вышла на один из пятидесяти тысячников этого района - пик Коштантау - через ледовые сбросы ледника Кундюм-Мижирги. Костя Туманов с Володией Бланком и четырьмя чехами из Брно, участниками нашего сбора, пошли на другой пятидесяти тысячник, пик Дыхтау. Я и Борис Миненков повели новичков на пик Брно и на пик Фестивальный в ущелье Мижирги. Этим пикам, бывшим безымянными, только что перед этим мы, по заданию Игоря Александровича Ерохина, вместе с Костей Тумановым, Юрой Широковым и Володией Назаренко дали такие названия. 1957 г. был годом проведения в Москве Международного фестиваля молодежи и студентов. Игорь Александрович считал, что наш сбор, состоящий в основном из студентов, должен откликнуться на этот молодежный фестиваль. А пик, получивший имя пик Брно, был назван в честь десяти чешских альпинистов из Брно, приехавших в нашу Альпиниаду.

К вечеру я возвратился в лагерь. Ночью меня разбудил Игорь Ерохин. Сверху прибежал Володя Назаренко и сообщил о срыве с крутого снежно-ледового склона Дыхтау связки Кости Туманова и Володи Бланка. Два других участника группы Володи Назаренко - Юра Зверев и Володя Шполянский - ночью начали спуск в глубокую ледовую мульду, где остановилась сорвавшаяся двойка, чтобы оказать ей помощь. Ерохин тут же в ночь отправляет спасотряд с Адиком Белопуховым во главе. По дороге узнаем, что Юра Зверев и Володя Шполянский спустились к пострадав-

шим, но их помощь уже не понадобилась и они ушли в лагерь. Из всего спасотряда только нам с Адиком Белопуховым удалось подойти к телам Кости Туманова и Володи Бланка, лежавшим на поверхности льда.

Адик действовал как профессионал. Прежде всего, он забил несколько крючьев в скальный «палец», находившийся рядом, и через эти крючья застраховал нас, а также Костю и Володю, т. к. мы находились на крутом льду мульды. После этого мы вложили тела Кости и Володи в спальные мешки, принесенные снизу, а затем мешки с телами перевязали веревками, чтобы их можно было поднять из кулуара наверх. Далее мы попытались вдвоем поднять их наверх, для чего передвинули их к крутой части подъема. Но на большее наших сил не хватило.

Выше нас находились четыре чеха из группы Кости Туманова. Они были одеты в разноцветные пуховые куртки и сидели на большом коричневом камне, прижавшись друг к другу, и все это время наблюдали за нами. Вниз они так и не спустились, чтобы помочь нам. Адик выглядел спокойным, я рыдал. Для многих из нас это была первая встреча со смертью в горах, со смертью близких товарищей.

Вскоре подошел большой спасотряд, и общими усилиями тела погибших были подняты наверх. Начались транспортировочные работы, которые продолжались целый день. К ночи тела Кости Туманова и Володи Бланка были спущены в базовый лагерь и, через несколько дней, в присутствии их родственников и с их согласия похоронены здесь же, на поляне Миссес-Кош. Группа Юры Широкова о смерти ребят узнала только в лагере. Юра с Костей были друзьями с юношеских лет. После похорон Юрий Михайлович вместе с Ремом Викторовичем уехали в Москву. Команда МГУ от участия в первенстве Советского Союза отказалась.

Но работа альпиниады продолжилась. Я вошел в группу, которой руководил Вадим Николаевич Павлов. Кроме Вадима и меня в группу входили Ия Соколова и Борис Баронов. Нам удалось подняться на Западную вершину Мижирги с юга и пройти траверс Дыхтау. Маршрут на Западную Мижирги с юга проходил по сильно разрушенному крутому скальному гребню, организовать страховку на котором было практически невозможно. Поэтому поднимались очень медленно. Павлов шел в связке с Бароновым, я был в связке с Икусей. Западная Мижирги без малого пяти-тысячник, а место для ночевки можно было найти только около вершины, куда подходил гребень от Дыхтау. Два километра по высоте за один день мы набрать не смогли, поэтому место для ночевки можно было устроить только в снежном кулуаре, который располагался правее нас.

По описанию снежный кулуар простреливался камнями, поэтому располагаться там не очень-то хотелось, но делать было нечего. Подготовив

в снегу площадку для палатки, мы расположились на ночлег. Встали рано утром и чтобы больше не испытывать судьбу сразу же вышли на гребень и продолжили свой путь наверх. Гребень оставался таким же крутым и разрушенным, и скорость нашего движения по-прежнему была невысокой. К концу дня мы поднялись на предвершинный снежный гребень, где можно было поставить несколько палаток. В этом месте мы оставили продуктовую заброску для команды Игоря Ерохина, которая пройдет здесь через несколько дней, совершая траверс Дыхтау - Коштантау. Через час мы поднялись на вершину Западная Мижирги. Вершина представляла собой удобную площадку для палатки, и мы решили заночевать здесь, на высоте почти 5000 м, т. к. погода в эти дни стояла хорошая.

На следующее утро начали спуск. Проходя мимо своей предыдущей ночевки в снежном кулуаре, мы увидели, что на площадке, где стояла наша палатка, лежит огромный камень. Наша судьба к нам была благосклонна. Через три дня мы были в лагере.

На траверс Дыхтау к нам подсоединилась двойка Лев Видавский и Вадим Самойлович. Перед нами этот маршрут прошли Володя Назаренко (руководитель), Виталий Пападичев, Юра Зверев, Гена Фещенко, Толя Нелидов. На второй день нашего восхождения мы траверсировали крутой снежно-ледовый склон шириной около 200 м, с которого дней десять назад сорвалась двойка Кости Туманова и Володи Бланка. Еще был виден след на снегу, оставленный ими при падении вниз. Мы пересекали этот склон, используя страховку через ледовые крючья. Для этого приходилось вырывать глубокие ямы в снегу, чтобы добраться до льда. Снега было много, почти по пояс. Это был самый опасный участок восхождения на Дыхтау по этому маршруту.

На Дыхтау наша группа взшла на четвертый день пути одновременно с командой Игоря Ерохина, которая поднялась на вершину по Северной стене Дыхтау и далее должна была пройти траверсом до Коштантау. Выходя на вершину, Игорь громко ругал Володю Шполянского. Незадолго перед этим Володя упустил вниз свой рюкзак, в котором находился запас шоколада на весь траверс. Володя больше переживал за потерю шоколада, чем за потерю теплых вещей, и поэтому молчал. Вместе с командой Ерохина по Северной стене поднялись еще четыре человека (Вадим Иванов, Анатолий Осинцев, Николай Делоне и Борис Захарьев), которые дальше на траверс идти не собирались.

Следующие трое суток мы все вместе провели под вершиной Дыхтау из-за сильной непогоды. И опять на высоте 5000 м. Без перерыва шел снег, сверкали молнии, гремел гром, сильный ветер стремился разорвать палатку на куски. Постоянно приходилось очищать скаты

палаток от снега и наледей. Мы коротали время, играя в самодельные карты, изготовленные тут же из простой бумаги. В нашей «памирке», кроме нас шестерых, поселился еще Вадим Иванов, потому что в других палатках было еще теснее. В палатке было весело, скучать не приходилось. На четвертые сутки погода улучшилась.

Игорь Ерохин, Адик Белопухов, Володя Шполянский, Валя Чадеев и Володя Малахов начали свой траверс в сторону Коштантау. Пожелав команде Игоря Александровича удачи, наша группа и четыре человека, которые поднялись вместе с Ерохиным, стали спускаться с Дыхтау на юг. Первый день целиком у нас ушел на спуски дюльфером. Во второй день спуск продолжался и к концу дня мы пришли в свой базовый лагерь на поляне Миссес-Кош.

Команда Игоря Ерохина вернулась в лагерь дней через восемь, успешно пройдя траверс Дыхтау - Коштантау. Игорь Ерохин, Адик Белопухов, Володя Шполянский, Валя Чадеев и Володя Малахов стали серебряными призерами в первенстве Советского Союза по альпинизму в классе траверсов и были награждены серебряными медалями. Игорь Ерохин, вернувшись в лагерь с траверса Дыхтау - Коштантау, разрешил всем, кто входил в спасательный отряд во время его отсутствия, совершить любое восхождение.

Некоторые сразу же уехали на море, в том числе и я с Борисом Бароновым. Два других участника нашей группы, Икуся Соколова и Вадим Павлов, остались. Ия Соколова, как руководитель, Вадим Павлов, Борис Локшин, Дмитрий Дубинин и Дмитрий Черешкин поднялась на Коштантау по СЗ стене, по маршруту Льва Калишевского. Его группа заняла в том году второе место в классе технически-сложных восхождений в первенстве Советского Союза по альпинизму.

Первая часть плана Игоря Александровича Ерохина «Безенги, Победа, Эверест» была выполнена. *Володичев (2008)*.

Вертолет

Чадеев (2008). Ерохин послал меня в Невинномысск за вертолетом, снабдив деньгами и телефонами. Деньги не для подкупа чиновников, а мне - студенту на проезд. Вертолет стоял на аэродроме в Невинномысске, готовый к полету. Но лететь летчики не хотели, вернее не могли, т. к. не было приказа начальства, и дали мне телефон управления в Ростове.

Связь с Ростовом с переговорного пункта была только в течение двух часов в сутки. Когда я дозвонился до них, мне ответили, что вертолет мне не дадут, т. к. нет приказа начальства из Москвы. Связь с Москвой была всегда. Я по телефону, который мне дал Ерохин, позвонил маршалу

Наш вертолет на аэродроме в Невинномысске. Заводится с помощью веревочной петли и палки... Скоро полетим. *Фото Вали Чадеева (1957)*

авиации и рассказал о своих проблемах. Он меня доброжелательно выслушал и сказал, чтобы я шел получать вертолет. Я пошел на аэродром, но вертолет мне не дали - не было приказа из Ростова. Дождавшись времени связи, позвонил в Ростов, мне сказали, что у них нет приказа из Москвы. Когда я попросил их позвонить в Москву и убедиться, что приказ уже есть, мне ответили, что они не могут нарушать субординацию и надоедать вышестоящему начальству. Пришлось снова звонить маршалу. Он очень удивился, но заверил меня, что вертолет мне дадут. Действительно, на этот раз приказ прошел.

Тут каким-то образом мне на подмогу в Невинномыск прибыл Володя Малахов, и мы на вертолете Ми-4 полетели в Безенги. В этом полете я с удивлением узнал, что, во-первых, вертолет может летать только по долинам (через хребет надо слишком много бензина), во-вторых, по земле за вертолетом приедет бензовоз, в-третьих, на высоте нашего лагеря вертолет может взлетать только по самолетному. К вертолету прилагалась очень большая лупа. По регламенту экипаж каждый день обязан был рассматривать основания лопастей на предмет обнаружения микротрещин. *Чадеев (2008)*.

Малахов (2008). Вертолет вначале приземлился у заброшенной балкарцами фермы, до которой была автомобильная дорога. Ферма служила перевалочной базой между Нальчиком и будущим лагерем альпиниады.

Вертолет под разгрузкой. Слева Ольга Михайлова. Фото Володи Малахова (1957)

Вертолет полетел вниз за новой партией грузов. Фото Володи Малахова (1957)

Чтобы быть уверенными в пригодности площадки для посадки и взлета вертолета на поляне Миссес-Кош, расположенной на правой (орographically боковой) морене Безенгийского ледника, мы пешком провели пилотов от фермы до места будущего лагеря. В течение следующей пары дней альпинисты под руководством пилотов подготовили приемлемую площадку - увеличили и выровняли ее.

И началось. По несколько раз в день - рано утром и в вечерние часы перед закатом, когда прохладный воздух лучше держит винтокрылую машину, - над поляной Миссес-Кош раздавался незнакомый для гор звук, и из-за гребня морены появлялся вертолет. Он заходил на посадку и садился, не глуша двигателя; группа «грузчиков» сразу же начинала разгрузку, и через несколько минут вертолет взмывал вверх и уходил за новой партией грузов на ферму, где другая группа студентов быстро загружала его вновь.

Конвейер по переброске грузов от промежу-

точной базы в лагерь, к восторгу всех участников альпиниады, заработал. Вертолетом в лагерь к радости поваров были заброшены и деликатесы: свежие овощи и даже бочка сметаны, которую разливали по ведрам, которые крепились к рейкам на потолке кабины.

В завершение своей работы вертолетчики помогли И. Ерохину и группе мастеров провести воздушную разведку Северо-западной стены Дыхтау, которая была знаменита своими мощными камнепадами и была заявлена группой МВТУ на первенство СССР в 1957 г.

Вертолет, а идея его использования в горах принадлежала тому же Ерохину, в значительной мере содействовал успешной организации лагеря совместной альпиниады МВТУ и МГУ. На поляне Миссес-Кош за короткое время был разбит отлично оборудованный лагерь на 200 участников с 50 палатками, кухней с газовыми плитами, столовой, запасами продуктов на 2 месяца и домиком спасотряда. Малахов (2008).

Спортивные восхождения

Назаренко (2008). В альпиниаде был разработан обширный план восхождений - от вершин 1Б для значкистов и третьеразрядников до рекордных восхождений категорий 5Б для мастеров спорта и перво-разрядников.

Игорем Ерохиным было задумано авантюрное по тем временам мероприятие - привлечь к участию в альпиниаде чехословацких альпинистов. В это время на Северном Кавказе была делегация чехословацких альпинистов из города Брно, которых «Интурист» знакомил с туристскими маршрутами на хорошо освоенном Западном Кавказе.

Замысел Ерохина осуществил Толя Нелидов, который в Минеральных Водах «под расписку» забрал группу чехов в 19 человек и увез их в Безенги. Этот район, в котором сосредоточены основные пятитысячники Кавказа, произвел на чешских альпинистов потрясающее впечатление. До этого они кроме своих Высоких Татр почти ничего и не видели. Большое оживление вызвала подвесная веревочная переправа через бурный Черек.

Чехословацкие альпинисты практически не имели ледовой подготовки, но были замечательными скалолазами. По части снаряжения они кое в чем были обеспечены лучше нас: удобные штормовки, ботинки «Вибрам» - легкие и прочные, замечательные силоновые веревки, разнообразные скальные крючья и станковые рюкзаки, в которых можно было переносить самые неудобные грузы: ящики с консервами и газовые баллоны.

Приезд чехов. Справа налево: Ольга Михайлова, Владимир Вуйта - будущий автор книги «К вершинам Небесных гор» об экспедиции на Победу, Лев Видавский, Галя Рябенко, чех, Елена Соболев, Женя Муравьев, чех, Женя Панков (стоит), чех, хозяйка гостиницы. Фото Бориса Быкова (1957)

После проведения занятий и тренировок начались восхождения.

Первое восхождение чешские альпинисты совершили совместно с участниками альпиниады на вершину Ляльвер высотой 4350 м (2Б).

Затем было организована смешанная группа для восхождения на вершину Миссестау высотой 4421 м (3Б). В группу входили: Владимир Назаренко - руководитель, Анатолий Нелидов, Владимир Шполянский, Юрий Зверев и чехословацкие альпинисты Владимир Вуйта, Зденек Шмерда, Мирослав Холечек, Иван Ситарж, Моймир Тихак и Радек Ванничек. Группа выступила рано утром вверх по морене ледника Безенги, затем поднялась на скальный гребень и вышла на традиционное место ночевки «Русский бивак». После ночевки в 4 ч 30 мин утра 17 июля вышли на восхождения. С ледника, спускавшегося со склонов Дыхтау, начали подъем на седловину между Дыхтау и Миссестау.

За день до нас на вершину Дыхтау (5198 м, 4Б) вышла группа в составе: Костя Туманов - руководитель, Володя Бланк и наиболее подготовленные чехословацкие альпинисты Мирослав Илек, Властимил Шмида, Долимил Форейтник, Владимир Новак. Поднимаясь по склону, мы видели их следы, идущие на седловину.

Склон крутой, под тонким слоем снега - лед. Нам пришлось забивать ледовые крючья и идти с попеременной страховкой: одна 40-метровая веревка за другой. Подъем занял 4 ч. Вышли на гребень Миссестау с крутыми жандармами. Когда стали обходить первый жандарм по почти отвесному скально-ледовому склону, стало ясно, что не всем чехословацким альпинистам это будет под силу. Поэтому уставших Зденека Шмерду и Радека Ванничка в сопровождении Шполянского и Зверева пришлось отправить вниз по пути подъема. Остальная группа благополучно достигла вершины Миссестау. Из тура на вершине была снята записка грузинских альпинистов 1951 г.

Солнце уже клонилось к западу, и руководитель группы принял решение спускаться прямо с вершины по снежному кулуару, минуя технически сложные жандармы. Вверху кулуар очень крутой, затем он выполаживается. Снег в кулуаре под действием солнца превратился в мокрую кашу, и была опасность схода лавин и камнепадов. Шли двумя связками, с попеременной страховкой, придерживаясь боковых стенок кулуара. И все-таки травмы избежать не удалось - падающим камнем задело Володю Вуйту. Но он мог двигаться самостоятельно и спуск продолжался. Выйдя из кулуара, увидели наверху, почти у седловины, четыре черные точки. Это наши товарищи, но почему они еще так далеко вверх?

Как выяснилось потом - раскисший снег сильно осложнил спуск, пришлось добираться до твердого льда и страховаться с помощью ледовых крючьев. Видимо, сказалась и усталость. Поэтому когда штурмовая группа спустилась на «Русский бивак» группа Шполянского и Зверева еще находилась наверху, под седловиной, где им пришлось организовать бивак. Ночью группа на «Русском биваке» приняла сигналы бедствия со склонов Дыхтау. Как выяснилось потом - сигналы подавал Шполянский, первым подошедший к сорвавшейся двойке Туманов - Бланк.

Нелидов и Назаренко вызвали спасательный отряд, который организовал транспортировку погибших на поляну Миссес-Кош.

В то время когда совершались восхождения на Дыхтау и Миссестау остальные девять чехословацких альпинистов вместе с инструкторами альпиниады совершили восхождения на безымянную вершину в отроге Миссестау высотой 4150 м. Вершине дали название пик «Брно» в честь родного города чехословацких альпинистов.

На этом их восхождения на Кавказе закончились. Расставание с нашими чехословацкими друзьями было теплым и грустным. Обменивались адресами, снаряжением, штормовками, ботинками «Вибрам»

Спассти не смогли... Фото Бориса Быкова (1957)

и кошками. Смело можно сказать, что мы приобрели в Чехословакии преданных и бескорыстных друзей, что впоследствии блестяще подтвердила жизнь. Были поездки в Чехословакию двух групп альпинистов МГУ и МВТУ и участие четырех чехословаков в экспедиции Ерохина на пик Победы в 1958 г. А это уже гималайские масштабы.

С некоторыми альпинистами из Брно переписка и личное общение продолжались практически непрерывно. А 17 июля 2007 г. в Брно отметили 50-летие восхождения на пик «Брно», которым гордятся чешские альпинисты. Назаренко (2008).

Спасательные работы

При восхождении на Дыхтау по маршруту 4А группы под руководством Кости Туманова, в которую входили еще Володя Бланк и два чеха, произошло несчастье. При спуске на ледовом склоне сорвалась двойка Туманов - Бланк. Они пролетели несколько сот метров и погибли. Ниже события тех дней описывают непосредственные участники. Володя Шполянский - он первым, уже в темноте, вместе с Юрой

Зверевым подошел к сорвавшейся двойке и подал сигнал бедствия. Назаренко и Нелидов приняли сигнал на «Русском биваке» и ночью прибежали в лагерь Миссес-Кош. Белопухов - начальник спасательной службы и Коля Володичев первыми поднялись, еще не зная, что случилось.

Шполянский (1998). Когда мы со Зверевым и двумя чехами спускались с перемычки между Дыхтау и Миссестау уже близились сумерки. Спускаясь первым, я увидел, как слева (по ходу) по склону с гребня Дыхтау медленно катятся два каких-то предмета, которые я принял за рюкзаки. Они, сопровождаемые небольшой мокрой лавиной, шурша проскользили в 20 м от нас, и скрылись за перегибом. Мы с Юрой нервно переглянулись. Наша группа была на виду. Мелькнула мысль, что рюкзаки могли принадлежать кому-то из группы Кости Туманова. Немного поразмышляв, мы с Юрой продолжили спуск. И в это время услышали крики и увидели группу людей, находившихся выше нас. Это были чехи из группы Туманова. В конце концов, разобрали фразу на ломаном русском языке, что Костя и Володя упали.

Далеко внизу, под ледовым склоном на леднике, была видна группа Нелидова. Пытаемся кричать им, но слишком далеко - если они нас и слышали, то все равно ничего не поняли. Мы с Юрой оставили чехов на одном из выступов, а сами с максимально доступной для нас скоростью продолжили спуск.

Быстро темнело. Мы спешили, чтобы до полной темноты найти Бланка и Туманова и подойти к ним. Нашли их, когда полностью стемнело. Уже в наступившей темноте карманным фонариком подали сигнал бедствия - шесть миганий в минуту. Они застряли в небольшом ранткюфте, на краю последнего ледового сброса. Костя Туманов был мертв, а Володя Бланк - без сознания, иногда конвульсивно шевелил руками. Оба перепутаны и перетянуты веревкой. Вытащили Володю из-под снега, завернули в палатку и уложили. Было очевидно, что он очень сильно поломан, и шансов, что останется жить, практически нет. Оказать медицинскую помощь мы не могли и стали спускаться.

На «Русский бивак» спустились только в 2 ч ночи. Спустя еще 2 ч появился спасательный отряд во главе с Белопуховым. Мы снова пошли вверх, чтобы показать, где находятся тела погибших. *Шполянский (1998)*.

Сигнал бедствия, который послал ночью Шполянский, принял Володя Назаренко. Вот дословный текст объяснительной записки, написанной им сразу после аварии для следователей прокуратуры.

Объяснительная записка

16 июля 1957 г. в 15 ч группа в составе Назаренко - руководитель, Нелидов, Шполянский, Зверев и чешских альпинистов: Голечек, Сибарт, Тихак, Вуйта, Ванечек, Шмерда вышли на восхождение на вершину Миссестау по пути 3А. Группа должна была помимо восхождения осуществлять взаимодействие с группой Туманова, вышедшей на Дыхтау с той же перемычки по пути 4А. 17 июля группа вышла в 5.30 с «Русского бивака» и начала подъем по широкому снежному (в нижней части) кулуару между Дыхтау и Миссестау; на перемычке были оставлены кошки и часть рюкзаков. Далее при обходе большого жандарма группа замедлила темп движения, что грозило либо срывом восхождения, либо холодной ночевкой. Мною было принято решение разделить группу, причем 1-я группа в составе: Назаренко, Нелидов, Тихак, Голечек, Сибарт, Вуйта должна была идти на Миссестау, а вторая в составе: Шполянский (назначенный мною руководителем), Зверев, Шмерда и Ванечек должны были вернуться по простому пути на перемычку, забрать кошки и рюкзаки и спуститься по пути подъема. Это позволяло 1-й группе на обратном пути не осуществлять сложный подъем на жандарм, что заняло бы очень много времени, а спуститься по южному кулуару (одному из вариантов подъема) с Миссестау. Между группами была договоренность, что когда 2-я группа спустится вниз быстрее к месту, где сходятся оба кулуара (предположительно к 13 ч), она подаст голосом сигнал 1-й группе. Если же в кулуаре будут видны следы спуска 1-й группы, то 2-я группа спустится на «Русский бивак».

1-я группа совершила восхождение на вершину в 16 часов и в это время она видела группу Туманова, спускающейся в нижней трети гребня Дыхтау, идущего на перемычку. Группы обменялись однократными звуковыми сигналами. Затем 1-я группа начала спуск (при спуске на Сибарта свалилась большая сосулька и, как потом выяснилось, повредила ему ребро). К 19 ч группа спустилась на ледник, куда сходятся оба кулуара. В верхней части кулуара мы увидели четверку, которая медленно спускалась вниз. Увидев нас, они начали кричать, но слов нельзя было разобрать. Что-либо, напоминающее сигнал бедствия «6 раз в минуту» отсутствовал. Я полагал, что это группа Шполянского опасается попасть на холодную ночевку и поэтому сигнализирует нам. Но нам было известно, что группа имеет 2 палатки, пуховые куртки у чешских альпинистов, кошки и ледовые крючья, а мы не имели кошек и не могли подняться к спускавшейся группе. Я крикнул им, чтобы они вернулись на перемычку, куда, как мы видели, спустилась группа Туманова, и заночевать там.

Затем мы увидели, как сверху к четверке подошла двойка, которая потом снова ушла наверх. Из этого мы заключили, что группа Туманова видит нас, знает о ней; т. к. крики после подхода двойки уже не обращались к нам, мы спустились на «Русский бивак», который находился в 15-20 мин ниже. Это было около 20 ч. Мы иногда слышали голоса наших товарищей, но это были голоса перекликавшихся между собой альпинистов, как мы полагали. Наконец в 21.00 мы услышали крики «помощь», произнесенными по-чешски, которые давались с правильным чередованием «6 раз в минуту», иногда 5 раз подряд. Мы дали сразу ответный сигнал фонариком и голосом, и двойка Назаренко - Нелидов отправилась вниз в базовый лагерь за спасательным отрядом. Куда и прибыли в 23.00. Среди сигналов бедствия, подававшихся в 21.00, мы различили слова Дыхтау, но чем вызваны сигналы бедствия, мы понять не могли. Назаренко (1957)

Нелидов (2008). Как мы с Володей Назаренко уцелели при спуске в темноте? Глиссировали, прыгали через камни, спотыкались ... Фонариков не было - их отдали наверху. Когда мы прибежали в лагерь первым человеком, который выглянул из палатки на поляне Миссес-Кош, была жена Володи Бланка. Всего месяц назад мы гуляли на их свадьбе. На ее вопрос: «Что случилось?», - я ответил, что кошки потеряли. Разбудили Игоря, он проснулся мгновенно. Последовала четкая команда: «Передовой отряд ведет Назаренко».

Через час, захватив веревки, карабины и вспомогательное снаряжение, я выхожу со вторым отрядом. Когда мы поднялись на «Русский бивак», все стало ясно. По снежному плато от подножья кулуара два человека по снегу тянут два тела, завернутые в палатки, а за ними - розовый снег ... Оглушительная тишина...

Уже после похорон пятеркой уходим на траверс Дыхтау по 5А, руководитель - мой друг Володя Назаренко. У места срыва двойки Кости и Володи валяется варежка, след срыва ледоруба, и вниз уходит страшная полоса снега ...

Мы еще будем ходить на всякие горы. У меня будет еще очень много новых горных районов, вершин. Но потеря для нас Кости - ничем невосполнима для всех. Его заменить не смог никто.

Вернувшись с Дыхтау, я и Гена Фещенко шлямбурами на камне поляны Миссес-Кош выбиваем «Туманов. Бланк. 1957 г.» возле их могил. А через три года, в марте 1960 г., под стеной Домбая в глубоком снегу я буду искать тела погибших Гены Фещенко, Ии Соколовой, Игоря Ерохина и Аркадия Цырюльников. Это горы и от них никуда не уйти. Нелидов (2008).

Белопухов (1993). Сверху, с ледяных склонов Дыхтау, подавали сигнал тревоги. Я был на наших сборах начальником спасательной службы.

Сигнал тревоги во тьме... Шесть раз в минуту мигает фонарь, потом перерыв и опять шесть раз в минуту. Иногда, это бывает, - галлюцинация, иногда - звезда, подошедши под склон, мерцает. Но на этот раз сигнал настоящий, четкий, зовущий. Мы и подтверждение получили от спустившихся Назаренко и Нелидова.

Как начспас и как один из сильнейших я возглавил первую спасательную группу из шести человек (Володичев, Назаренко, Малахов, Чадеев и еще кто-то). В нашу задачу входило - как можно быстрее подойти к месту происшествия, выяснить, уточнить - что произошло, кто пострадал, оказать первую помощь. При свете налобных фонариков мы поднимались. Сначала по осыпям, потом вышли на скалы. К рассвету подошли к группе ребят, из рассказа которых можно было составить первое представление о случившемся. Они видели - летела связка, застряла где-то выше, ночью оттуда слышны были стоны. Володя Шполянский, который ночью подошел сверху в темноте к сорвавшимся и подал сигнал бедствия объяснил, где они лежат.

А в моей команде во время ночной гонки отваливались один за другим. Из шестерых нас осталось только двое. К тому месту, откуда ночью раздавались стоны, мы подошли вдвоем - я и Коля Володичев.

Восхождение совершала команда из четырех человек. Туманов и Бланк из университетской секции и два чеха. Связка Туманов - Бланк шла впереди. На льду ребята сорвались, полетели по кулуару. В конце концов, в том месте, где кулуар сужался, их заклинило. По-видимому, они сразу очень сильно разбились, поэтому не могли выбраться самостоятельно. Их стоны и хрипы в ночи были предсмертными. Но вряд ли их можно было спасти. Чехи не решились спуститься в кулуар. Срыв настолько парализовал их, что они просидели всю ночь чуть выше, на полочке, без палатки, дрожа от холода и от стонов, слышимых снизу. Один из них был врачом по профессии. Но в кулуар они не полезли.

Когда подошли мы с Колей, никаких стонов уже не было. Тела Кости Туманова и Володи Бланка лежали на поверхности льда. Мы вложили их в спальные мешки, затем мешки с телами перевязали веревками, чтобы их можно было поднять из кулуара наверх. Мы даже попытались вдвоем поднять их наверх и передвинули тела к крутой части подъема. Но на большее сил наших не хватило.

Для меня Туманов и Бланк были людьми незнакомыми. Коля был их другом, ходил с ними много лет. Для него это были тела близких, и он очень переживал их гибель. Я впервые в жизни видел, чтоб человека

так была дрожь. Коля вроде бы стоял на месте, а его подкидывало на двадцать сантиметров вверх.

Подошел большой спасотряд и общими усилиями тела Кости и Володи были подняты наверх. Начались транспортировочные работы. Тела спускали вниз на длинных шестах, подвесив, а я еле-еле добрал до лагеря и свалился. Спал целые сутки напролет. А может, и больше, я даже сам не мог разобрать, сколько я сплю. *Белопухов (1993)*

Малахов (2008). Мы с Валею Чадеевым жили в одной палатке и были членами спасотряда. Ночью нас разбудил Ерохин и сообщил о трагедии. Сразу же спасотряд из 6 человек во главе с Адиком Белопуховым вышел к месту трагедии. После нескольких километров подъема вверх вдоль реки и языка Безенгийского ледника повернули налево, чтобы подняться на ребро, отделявшее нашу долину от снежно-ледового склона Дыхтау, на котором и произошел срыв. После подъема на ребро, примерно в 3 ч ночи спасотряд разделился. Адик с несколькими членами отряда начали спуск с ребра на снежный склон Дыхтау и далее в глубокую ледовую мульду, где остановились тела погибшей двойки. Несколько спасателей, в том числе Валя и я, остались на гребне, чтобы дожидаться, когда к нам доставят тела погибших. Мы должны были организовать их спуск по ребру на тропу, идущую к лагерю: подобрать подходящие кулуары снежные или ледовые, наметить места крепления веревок, чтобы сразу же начать спуск погибших на тропу, куда должен был подойти отряд значкистов и унести тела в базовый лагерь. Встреча в горах со смертью товарищей потрясла многих, в том числе и нескольких спасателей, и их пришлось самих сопровождать в базовый лагерь.

С гребня по кулуару до тропы тела Бланка и Туманова спускали мы с Валею вдвоем. Поколотило нас о камни здорово, спуск продолжался долго, но к вечеру погибшие были на тропе и к ночи доставлены в базовый лагерь. *Малахов (2008)*.

Через несколько дней Костя Туманов и Володя Бланк в присутствии их родственников и с их согласия были похоронены здесь же, на поляне Миссес-Кош.

Траверс Дыхтау - Коштантау

На первенство СССР Ерохин заявил траверс Дыхтау - Коштантау с подъемом на Дыхтау по Северо-западной стене.

Маршрут восхождения по Северо-западной стене Дыхтау с местами ночевок. Фото Быкова (1957). Маршрут нарисован Ирой Чадаевой (2008)

Чадаев (2008). Еще в Москве Ерохин предупредил, что все, кто пойдет на траверс, должны застраховаться. Моя мама долго плакала, когда случайно увидела страховой полис на ее имя. Интересно, что в то время при страховании играла роль только профессия, а то, что я альпинист «Госстрах» не интересовало. По профессии - я инженер, так что взнос был очень небольшим.

Перед траверсом необходимо сделать заброски продуктов в середину гребня. Эту задачу должны были решить молодые альпинисты. Володе Малахову, Володе Шполянскому и мне под руководством Бориса Захарьева поручили подняться на Крумкольский гребень в его центральной части и оставить там продукты. Это был «турецкий поход» - необходимо было пройти весь Безенгийский ледник, подняться на перевал Дыхнауш, спуститься к подножью южных склонов Крумкольского гребня, подняться на него по одному из контрфорсов, оставить продукты в условленном месте, чтобы на траверсе не тратить время на поиски. Мы сделали все очень тщательно и в назначенное время возвратились в базовый лагерь на Миссес-Кош. На траверсе свою заброску мы нашли и съели.

В это же время руководители команды разрабатывали тактику восхождения и разведывали маршрут, используя вертолет.

В этот год мне запомнилось несколько эпизодов.

Учитывая камнеопасность маршрута, особенно в нижней его части, вышли на стену в 12 ч ночи. Из лагеря вышли 10 человек:

Ерохин Игорь - руководитель

На Северо-западной стене Дыхтау.
Фото Володи Малахова (1957)

Висячая ночевка. Отсюда Володя Шполянский уронил свой рюкзак. Слева вверху вне палатки в спальном мешке спит Ерохин. Фото Володи Малахова (1957)

Я оказался весь в «крови». Мне почти каждому пришлось объяснять, что это не кровь, а экстракт.

Ночевали на очень маленькой площадке. Палатку к стене прикрепили крючьями. С этой площадки Володя Шполянский уронил в пропасть свой рюкзак с общественным шоколадом. Володе на этом восхождении вообще не везло. Уже дальше при подъеме на Коштантау он уронил свой ледоруб. Возможно, сказалась психологическая травма, от спасательных работ Бланка и Туманова. Он первым подошел к ним...

На стене был крутой ледовый участок. Его проходил Толя Осинцев - большой специалист и большой любитель льда как однородной структуры. Многие же чувствуют себя увереннее на скалах. Этому есть при-

Белопухов Адик
Делоне Николай
Захарьев Борис
Иванов Вадим
Малахов Володя
Миненков Борис
Осинцев Толя
Чадеев Валя
Шполянский Володя.
По дороге к стене Миненков подвернул ногу и вернулся, так что стену прошли девять человек
На стене запомнилось несколько моментов. Стена действительно крутая.

И когда утром ее осветило солнце, то мимо нас начали лететь плоские оттаявшие камни. Они вертелись и издавали самолетный звук пропеллера. При подъеме по скалам мне на рюкзак сполз камень. Мне он вреда не причинил, но разбил 100-граммовую бутылочку с клюквенным экстрактом.

Верхняя часть стены Дыхтау. Фото Володи Малахова (1957)

Конец стены. На снежном гребне позирует Валя Чадеев. Фото Володи Малахова (1957)

Интересно, что во время грозы мы отслеживали молнию - в кого вошла, где шла и из кого вышла - и не один раз. Но никого не убило. Пошел снег. Один день мы просидели в палатках, а на следующий день Ерохин сказал, что завтра будем выходить в любую погоду.

На траверс вышло пятеро:

Ерохин - руководитель,
Белопухов,
Малахов,
Чадеев,
Шполянский.

Весь траверс шли в одной связке - по придуманной Адиком Белопуховым схеме на пять тактов:

1-й лезет и бьет крючья, не экономя,
2-й его страхует и передает крючья снизу вверх,

чины. Дело в том, что ледовые крючья днем и под нагрузкой вытасивают, и долго на одном крюке висеть и страховать нельзя.

Ледовый участок перешел в острый снежный гребень. Длинная связка двигалась по нему сидя на остром гребне. Ерохин предупредил: «Без моей команды, не прыгать». Я был где-то в середине связки, и прикидывал про себя в какую сторону прыгать с гребня, если кто-то передо мной сорвется вниз. Уже наверху Ерохин признался, что боялся, что все прыгнут в одну сторону. На вершине Дыхтау собралось много народа, и погода испортилась.

Была гроза, мы немножко спустились с гребня.

Хорошо после непогоды на солнышке. Стоит Валя Чадеев. Фото Володи Малахова (1957)

3-й передает второму крючья,
4-й страхует последнего и передает крючья вверх,
5-й выбивает крючья.

Во время движения связка сжимается и разжимается, как гусеница. Конечно, крючья передаются не по одному, а когда их у последнего наберется достаточное количество. Естественно передача зависит от рельефа местности, когда удобно и безопасно. Самая тяжелая работа у последнего, т. к. крюк легко забить, но вынуть его удастся не всегда.

Адик считал так же, что оптимальная команда должна состоять из пяти человек. Во-первых, для нее достаточно одной палатки. Во-вторых, достаточно двух спальных мешков. Спали мы так: я и Малахов в одном, Шполянский и Белопухов в другом. Ерохин спал в середине между мешков в пуховой куртке.

Дежурный вставал на 20 мин раньше и готовил завтрак. Остальной команде на завтрак и сборы отводилось тоже 20 мин. Чадеев (2008)

Шполянский (1998). Для меня это было первое действительно сложное восхождение, а поэтому многое запомнилось. В целом оно прошло успешно. Стену прошли за три дня, на двенадцатый спустились с Коштана. Участие в этом восхождении не только доставило огромное удо-

влетворение и радость, но и послужило уроком для меня. На маршруте необходимо быть собранным и всегда внимательным. Даже теперь неприятно вспоминать допущенные мною досадные промахи. Началось с того, что на одной из ночевки на стене я упустил свой рюкзак, в котором находились шоколад, предназначенный для всей группы, спальный мешок, теплые вещи и многое другое необходимое на траверсе. А произошло это так. Стал снимать рукавицы, неловко повернулся и не пристегнутый рюкзак улетел вниз. Так расстроился, что хотел после подъема на вершину Дыхтау спускаться вниз вместе с Делоне, Захарьевым, Ивановым и Осинцевым. Эта четверка после прохождения стены отказалась от дальнейшего траверса. Спасибо Игорю Ерохину - он меня удержал. При разведке пути подъема на пик Тихонова залез на какие-то немыслимые стены в стороне от маршрута и к тому же упустил айсбайль. И хотя, учитывая мою молодость, друзья по команде все это мне простили, неприятный осадок остался на всю жизнь. *Шполянский (1998)*.

Малахов (2008). Нижнюю часть стены мы прошли ночью достаточно быстро (камнепадов не было), и устроили первую ночевку. За второй день практически при постоянном камнепаде, но не очень опасном, т.к. из-за крутизны стены камни пролетали далеко от стены и от нас, нам по кулуарам и под прикрытием нависающих участков удалось подойти к ледово-снежному карнизу, где организовали вторую висячую ночевку. На следующий день мы преодолели карниз и по ледяному куполу вышли на вершину. В целом прохождение стены заняло 3 дня. На вершине нас встретила гроза, которая продолжалась двое суток. Несмотря на то, что металлические предметы (ледорубы, крючья, карабины и прочие) были спущены на веревках ниже палаток, молния несколько раз ударила по соседней палатке и прошла через всех, находящихся в ней, правда, никто не пострадал. Шипение молнии часто было слышно рядом.

Пребывание на вершине высотой почти 5200 м в сильную и длительную грозу оказало определенное влияние на мастеров, и они принимают решение отказаться от траверса до Каштана. После прекращения грозы Делоне, Захарьев, Иванов и Осинцев объявили, что спускаются с вершины в лагерь. А оставшиеся И. Ерохин, А. Белопухов и мы, молодежь, впятером решаем продолжить восхождение и выходим на траверс 12-километровой Мижиргийской стены.

На двенадцатый день после выхода из лагеря мы спустились с Каштантау. Наши команды, участвовавшие в первенстве, завоевали серебряные медали: команда И. Ерохина - в классе траверсов, а команда А. Калишевского - в классе технически-сложных восхождений. Альпиниада

закончилась успешно: подготовлен новый отряд молодых альпинистов, а разрядники совершили несколько сложных восхождений. Однако гибель наших друзей Кости Туманова и Володи Бланка омрачили наши достижения. *Малахов (2008)*

Воспоминания Бориса Локшина

Локшин (2008). Мой приезд на альпиниаду в 1957 г. был омрачен тяжелым известием. Еще на вокзале в Нальчике я встретил возвращающуюся в Москву группу альпинистов, которая сообщила мне, что при восхождении на Дыхтау погибли Костя Туманов и Володя Бланк. Для меня Туманов был образцом того, как следует ходить в горах. Он был прекрасно подготовлен физически и технически, был спокоен, осторожен, уверен и надежен. Я был уверен, что если ходить в горах так, как ходит Туманов, то тебе ничего не угрожает. Я считал, что альпинисты гибнут из-за того, что они плохо подготовлены, пренебрегают страховкой или неправильно выбирают маршрут. После гибели Туманова и Бланка я понял, что в горах бывают ситуации, которые нельзя предвидеть, и что для любого, даже самого опытного, восходителя доля риска при восхождении не только всегда присутствует, но и является существенной. К моему огромному сожалению, в последующие годы я не раз имел возможность убедиться в этом, теряя друзей, с которыми вместе бывал в горах. Этот список весьма велик и в нем, наряду с другими моими товарищами, есть и Игорь Александрович Ерохин, памяти которого посвящены эти наши воспоминания. И мой ближайший друг Дима Карпов, с которым мы вместе пришли в секцию альпинизма МГУ, и который погиб в Безенги в 1960 г.

Однако, возвращаясь в 1957 г., я должен сказать, что и здесь Ерохин сделал для меня очень много. Когда я пришел в лагерь в середине работы альпиниады первое что сделал Ерохин - послал меня в соседнее ущелье Мижирги за продуктами, которые туда были заброшены вертолетом. В Безенги не было подходящей площадки для посадки вертолета, и мне и еще несколькими опоздавшим пришлось включиться в активную акклиматизацию. Мы спустились вниз к развилке ущелий, поднялись вверх по Мижирги, нагрузили рюкзаками по 30-40 кг (по-моему, я нес сахар) и проделали с этим грузом обратный путь до Миссес-Коша. Надо сказать, что такая активная акклиматизация в итоге была очень полезна, и я за оставшееся до конца альпиниады время успел совершить важные для меня 3 восхождения 3, 4 и 5 категорий сложности. Четверочное восхождение было на Дыхтау, что психологически было весьма непросто после гибели на этом маршруте незадолго до этого Туманова и Бланка. После возвращения с Дыхтау Ерохин спросил меня: «Что бы ты еще хотел в этом сезоне»? Я хотел восхождение

пятой категории сложности, которого мне не хватало для того, чтобы выполнить норму первого разряда. Альпиниада уже завершалась, но Ерохин собрал довольно сильную команду из таких же как я ребят, мечтавших о «пятерке». Все мы имели право идти на такой маршрут, но никто из нас не имел права руководить пятерочным восхождением. А маршрут Ерохин нам предложил технически весьма сложный - восхождение на Коштантау по Северо-западной стене. Этот маршрут был пройден незадолго до этого группой Калишевского в рамках первенства Союза в классе технически сложных восхождений. В качестве руководителя мы попросили пойти с нами мастера спорта Ию Соколову. Маршрут мы успешно прошли, а спустились с вершины уже не в Безенги, а в соседнее ущелье Думала, поскольку к этому моменту альпиниада уже перебазировалась вниз и ждала нашего возвращения у входа в это ущелье...

Маленький штрих к портрету Ерохина. Перед выходом на Коштантау он посмотрел на мои отриконенные ботинки и выразил сомнение, что в ботинках с такими триконями можно идти на пятерочный скальный маршрут. Когда я возразил, что у меня нет других ботинок, Ерохин спросил, какой у меня размер и вскоре принес свои собственные ботинки с абалаковскими триконями, которые мне прекрасно подошли. Так что свою первую пятерку я совершил в ботинках Ерохина. В результате после сезона 1957 г. я стал спортсменом 1-го разряда, и это сыграло определенную роль в моей дальнейшей альпинистской судьбе.

Во-первых, осенью 1957 г. меня избрали председателем секции альпинизма МГУ. На меня легла большая ответственность. С одной стороны, у меня не было того большого опыта организационной работы, какой был у Туманова и других альпинистов старшего поколения. С другой стороны, в 1958 г. всем нам предстояла очень большая и сложная работа по организации экспедиции МГУ-МВТУ на пик Победы. *Локишин (2008)*.

Чешская команда

В альпиниаде 1957 г. участвовали альпинисты из Чехословакии - 19 чехов и один словак. Из них четверо на следующий год участвовали в экспедиции Ерохина и совершили восхождение на Восточную Победу. В то время это было неординарное событие.

Нелидов (2008). СССР в то время жил за «железным занавесом». В 1957 г. я был председателем московской секции альпинизма студенческого спортивного общества «Буревестник». В начале зимы мне было передано письмо из города Брно от альпинистов с вопросом: «Как можно приехать на Кавказ для восхождений?» Письмо это было переправ-

лено руководством «Буревестника» в нашу секцию альпинизма. Я в то время думал, что мы живем в самой свободной стране мира, и не знал, что за согласованиями надо обращаться в иностранные отделы МГУ и МВТУ. Это письмо я передал Игорю Ерохину - преподавателю МВТУ и фактическому руководителю альпиниады МГУ-МВТУ. Альпинистским лидером со стороны МГУ был Костя Туманов - преподаватель физфака. И вот мы - Ерохин, Туманов и я - посоветовавшись, никуда не стали обращаться и рекомендовали чехам прибыть на Кавказ по туристическим путевкам, а дальше мы все берем на себя. Так они и сделали...

Ясным июльским утром 1957 г. я встретил на станции Невинномысская группу, состоящую из 21 участника: 19 альпинистов, одна девушка-переводчица и один молодой человек с непонятными функциями. Все переговоры окончились просто распиской, что я, такой-то, забираю такую-то группу в Безенги и обещаю доставить их в Теберду через 20 дней. После этого чехи и я залезли в грузовик и поехали в Безенги по недавно проложенной дороге между Невинкой и Нальчиком. Эта дорога очень красива, особенно в районе Передового Скального хребта, и чехи были в восторге. Но автомобильная дорога заканчивалась у селения Верхнее Безенги; дальше пришлось идти пешком по тропе до языка ледника, где через реку Черек была налажена тросовая переправа. К сожалению, один из чешских альпинистов (Зденек Шмерда) поскользнулся на мокрых камнях, упал и довольно сильно расшиб голову. Так что в лагерь на морене Миссис-Кош мы пришли с одним раненым (*голова обвязана, кровь на рукаве...*). Мне сильно влетело от Ерохина, хотя моей вины - я так считал - в том не было.

Хочу отметить еще два эпизода. Очевидно, «пропажа» чешских альпинистов вызвала озабоченность властей, т. к. главное туристское начальство на «Волге» приехало к нам в Безенги. И, несмотря на то, что у машины камнем в районе Передового хребта пробило крышу, до конца дороги они доехали... Там в то время был кто-то из альпиниады и на поставленный вопрос: «Где чехи?», тот ответил: - «Идите вон туда!» и показал рукой в сторону Безенгийской стены. Когда я впоследствии отвозил группу в Теберду, то мне пришлось встретиться с главным туристским начальником - героем Советского Союза. Он лишь укоризненно проговорил: «Вы их всех там могли поубивать...» *Нелидов (2008)*.

Поездка в Чехословакию

Одним из этапов подготовки экспедиции на пик Победы стала поездка в зимние студенческие каникулы в 1958 г. в Чехословакию. Несмотря на кажущуюся развлекательную суть этой поездки, она сыграла

громадную роль в обеспечении экспедиции на Победу снаряжением. Силоновыми пуховыми куртками, которых в Советском Союзе в то время не было, экспедиция полностью была обеспечена с помощью чехословацких друзей.

Зверев (2008). Дружба с чехами началась летом 1957 г. в Безенги. Там были совместные восхождения, общее участие в спасательных работах после трагической гибели Туманова и Бланка. Продолжением стало приглашение альпинистам МГУ и МВТУ провести студенческие каникулы в Чехословакии: покататься на горных лыжах в Высоких Татрах и совершить ряд тренировочных зимних восхождений. Чехи оплатили наше пребывание в Чехословакии, а мы - проезд туда и обратно. Поддержки профкома мы не получили, поэтому поехали в основном молодые преподаватели и аспиранты, студентов практически не было. В группе советских участников было около 20 человек, примерно поровну от МВТУ и МГУ. Руководили поездкой Игорь Ерохин и его помощник Чернобровкин. Надо сказать, что в 1958 г. зарубежные поездки были большой редкостью, контакты с границей начались лишь после Фестиваля молодежи и студентов 1957 г.

И вот мы сидим в плацкартном вагоне поезда, который едет к границе с Чехословакией. С нами рюкзаки со снаряжением, горные лыжи, сувениры. Пограничный контроль. Почти все спортсмены 1 февраля 1958 г. впервые пересекают границу СССР.

Близ границы к нам в поезд подсел В. Вуйта, стал кормить шоколадом, далее кнедлички, пиво в вагоне-ресторане, и мы ощутили гостеприимство и радушие хозяев с первых часов пребывания в Чехословакии. С пересадкой мы приехали в город Брно - первый пункт нашего пребывания в стране.

Нас поселили в общежитии, где обычно живут девушки-фармацевты. Уже на следующее утро после небольшой ознакомительной прогулки по Брно, мы поехали в горы. Там в заповеднике на Палавском хребте тренируются местные альпинисты- скалолазы. Это самый юг Чехословакии, 8 км до границы с Австрией и всего 60 км до Вены... Так мы впервые прикоснулись к Европе. Полазили по несложным учебным скалам с романтическими названиями маршрутов: Цветок, Индиана, Шоколад.

Гостеприимные хозяева сразу после скал затащили нас в винный погребок местного рислинга. В полуподвальчике, среди огромных необразимых размеров деревянных бочек, мы пробовали белое легкое сухое вино. Наливали рюмки нам из литровых стеклянных сосудов с узкой трубкой внизу. Вино из бочек засасывалось через эту трубку

силой разрежения наверху сосуда, создаваемой легкими хозяина через резиновую трубку. Вскоре оказалось, что и легкое сухое вино, когда его количество не ограничено, делает нас всех очень веселыми...

На следующий день вместо гор мы отправились... под землю, в знаменитые многокилометровые карстовые пещеры Мацоха, рожденные в глубинах Моравских гор водными потоками речки Пунквы. Наибольшая глубина Мацохи - 138 м, протяженность 7 км. Хорошо оборудованный и освещенный туристский путь проходил мимо сталактитов и сталагмитов, через огромные подземные залы. Часть маршрута (около 600 м) шла по реке - мы плыли на лодке по подземному озеру. У всех нас, ранее не видавших ничего подобного, подземная экскурсия вызвала бурный восторг!

Последний день нашего пребывания в Брно - родине основной группы наших чешских друзей - начался с приема в городской ратуше, где зам. городского старосты вручил нам памятные значки и угощал вином. После прогулок по городу мы посетили местное варьете, и далее продолжили праздник в ночном клубе «Белый крокодил». Там я впервые пробовал коньяк «Наполеон». Веселье с танцами продолжалось до 4-х утра.

5 февраля мы переехали в Прагу и провели там три дня. Там нас также принимали местные альпинисты. Нас разместили в общежитии с 2-х этажными койками. С интересом мы рассматривали этот старинный и красивый европейский город. Градчаны - резиденция президента. Соборы святого Витта и Святого Иржи, старинный Карлов мост. Мы с Толей Нелидовым, как представители МГУ, посетили физический факультет Карлова университета, старейшего в Европе. В народном театре все слушали оперу Сметаны «Губички». Не могли мы не побывать и в знаменитой пивной «У Калиха», где все пропитано атмосферой бравого солдата Швейка. На стене висел портрет австро- венгерского императора Франца- Иосифа.

7 февраля был спортивный день. Мы вместе с пражскими альпинистами Копалом, Прохаской, Сухим ездили на скалы в «Чешский рай» - заповедник со скальными выходами и столбами близ города Турнов. Там много разнообразных маршрутов - и простых и очень сложных. В том числе потрясающие столбы из песчаника. Коля Володичев быстро уверенно прошел сложный маршрут, Ия Соколова также прошла, но с трудом, а Володя Шполянский застрял, чем вызвал неудовольствие нашего «главного» - Игоря Ерохина. На следующий день в местных спортивных газетах, которые нам подарили хозяева, мы прочитали о нашей тренировке и увидели фотографии Володичева на маршруте.

В ночь на 9 февраля мы выехали в Высокие Татры - основная цель нашей поездки. Сначала поездом до Попрада, где нас встретил Доли-

мил Форейтник, далее на мотовозе - и мы в Татрской Ломнице. Там полно горнолыжников. Все хорошо одеты, с красивыми горными лыжами. Едем на канатном вагончике на 30 человек вверх к хижине - она будет нашим домом 10 дней.

Хижина оказалась довольно комфортабельным жилищем - электричество, водяное отопление, радио. Внутри все помещения отделаны лакированным деревом. Кормят на белых скатертях, хотя кухни нет - пищу приносят со станции канатки. Помещаются в хижине 28 человек. Вокруг снег: вышел, встал на лыжи - и катись.

Ерохин с Чернобровкиным объявили распорядок дня: он жесткий и плотный, как в альпллагере. И зарядка, и чтение утреннего приказа, и занятия два раза в день. Подъем в 7 утра, отбой в 10 вечера. Насыщенная спортивная программа - горные лыжи и несколько зимних восхождений на вершины Татр.

Горные лыжи были для многих из нас вновинку. Мы осваивали азы на пологих склонах, тогда как два наших университетских товарища - Володя Назаренко и Вадим Павлов - блистали классным мастерством, легко и быстро преодолевали более сложные маршруты. Погода была великолепной - солнце, ослепительно белый снег. Подъемниками склоны тогда не баловали - они только начали появляться - и мы усердно поднимались вверх пешком, укрепляя дыхание и физическую выносливость, так необходимые для высотных восхождений.

11 февраля мы совершили первое зимнее восхождение на вершину Ломницкий Штит (2634 м). Она расположена в восточной части Высоких Татр, и вместе с Кежмарским Штитом (2556 м) доминируют в этом районе как самые высокие и сложные вершины. Высочайшая вершина Высоких Татр - в то время называлась Сталинский Штит, а сейчас - Герлаховский Штит (2663 м) расположена много западнее нашей хижины. Восхождение на Ломницкий Штит было несложным, в нем участвовали и чехи, и наши альпинисты почти в полном составе. Встали мы очень рано, в 6 утра. Впереди шли Н. Делоне, Д. Форейтник, Чернобровкин. Запомнились пиляжка по снегу, подъем по обледенелому кулуару без ледорубов с ледовым крюком в руках. А наверху стоят -обсерватория, ретранслятор, дорожки, огороженные цепями на случай непогоды, и подъемник, ведущий почти до вершины. Последние метры лезем по-мнойкой обсерватории. В это время погода испортилась, и спуск проходил в тумане. Вернулись домой мы к обеду, и еще успели с Долимиллом сбегать вниз за продуктами. Там уже были Илек, Лобан, Шмида. Из-за непогоды подъемники-вагончики стояли, и мы поднимались вверх в соседней долине на фуникулере - колесном вагоне с зубчаткой. А от-

туда, почти по горизонтали, с легким подъемом - к хижине. В этот день у меня был день рождения - мне исполнилось 24 года. Ерохин меня поздравил публично, а Володя Назаренко подарил старинный значок альпиниста-перворазрядника с фигурой спортсмена, спускающегося дюльфером по веревке; по слухам, он принадлежал раньше Косте Туманову. В пятидесятых годах значки спортивных разрядов по всем видам спорта стали обезличенные, без привязки к видам. Так что подарок был действительно ценным.

На следующий день - отдых и горнолыжные склоны. Наш ветеран, проректор МВТУ на склоне неудачно двинулся и сломал ногу. Тут полностью проявился горноспасательный талант и опыт Илека. На санках пострадавшего спустили вниз и оказали всю необходимую медицинскую помощь.

13 февраля был большой день восхождений. Основная группа под руководством чешки Эммы взойшла на Кежмарский Штит; я шел в связке с Икусей Соколовой. Погода была ужасная - сыро, скользко, туман, снег. Чехи легкомысленно относились к страховке, выходя вверх на полную веревку. Нас это удивляло - отличие стилей. Спускались с вершины по кулуару вниз, даже использовали дюльфер. По кулуару слетали вниз мелкие снежные лавинки. В этот же день две группы - МВТУ и МГУ - совершали встречный траверс Ломницкий Штит - Кежмарский Штит (МВТУ: Ерохин, Шполянский, Захарьев и Хвостов и еще кто-то?) и навстречу им группа МГУ: Назаренко, Володичев, чех Властик Шмида и Нелидов. Ерохин на маршруте постоянно подгонял Володю Шполянского, который шел впереди: «Быстрее, быстрее». Тренировка к скоростным восхождениям - конек Игоря.

Вернулись мы с восхождения к обеду вместе с группой Ерохина. Вечером отдыхали, пели песни. Впервые уже захотелось домой...

Последующие два дня прошли в горных походах, спусках на горных лыжах и ожидании чешских киношников, причем «артистами» выступали Боб Захарьев, Коля Делоне, Ия Соколова и Ольга Михайлова, Папир и Чернобровкин. Вообще, наше пребывание в Чехословакии вызвало заметный интерес у прессы и кино - о нас и чешских альпинистах писали местные газеты, и даже был сюжет по телевидению.

Мне же с группой Юры Дерды довелось сходить вверх в Териго-хату - это очень высоко в горах. Мы шли пешком и тащили на себе лыжи. Зато спуск был фантастический: круто и страшно, жуткий ветер и холод. Экстремальные ощущения.

Вечером 15-го был прощальный ужин в хижине: допили все спиртное. Утром мы съехали с гостеприимной хижины на канатном вагон-

чике вниз в Старый Смоковец - горнолыжный курорт, где провели последние два дня в домике с двухэтажными кроватями. Наш хозяин Илек подробно знакомил нас с «горской службой» - работой горноспасателей, со снаряжением, альбомом спасательных акций. В службе курорта всего 10 профессионалов и около 100 добровольцев. Сам Илек - доброволец, т. е. не получает зарплаты за свою работу. Зато у него есть хижина в горах и он водит туристов.

Последние два дня прошли в лыжных походах из Старого Смоковца в Гребенок и Штрбске плесо. Это районы горнолыжных маршрутов и красивых видов. Во время спуска к Гребенку по целине на пологом склоне я попал на скрытые под снегом скалы и отломил носок лыжи. На этом моя горнолыжная эпопея в Татрах закончилась, хотя друзья на следующий день еще ходили с лыжами на Штрбске плесо.

Вечером 18 февраля, в последний вечер, мы смотрели кино про горы - Пик Победы и Монблан со стороны Шамони, пили кофе в роскошном доме отдыха и прощались с гостеприимным Илеком - сильным и добрым человеком, замечательным профессионалом-спасателем. На следующий день мы отправились домой.

Конечно, спортивные результаты нашей поездки были довольно скромными, горы были невысокими, а маршруты - короткими. Но мы пожили вместе с чехами, укрепили здоровье, потренировались в зимних условиях, ближе познакомились друг с другом. *Зверев (2008).*

Важным результатом этой поездки было то, что Ерохин сумел договориться о получении полуфабрикатов пуховых курток почти для всего состава экспедиции. Без этой поездки экспедиция ходила бы, в лучшем случае, в телогрейках.

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ НА ПОБЕДУ

ОТБОР УЧАСТНИКОВ

Малахов (2008). В 1958 г. планка, поставленная И. Ерохиным перед студенческими коллективами альпинистских секций МВТУ и МГУ, была поднята снова высоко - в этом году мы будем проводить экспедицию на пик Победы, самый северный семитысячник мира высотой 7439 м, расположенный на Центральном Тянь-Шане на границе с Китаем. Было предложено мероприятие, за которым явственно просматривались планы будущего участия наших коллективов в высотных восхождениях даже в Гималаях, в это время уже шли переговоры с китайскими спортсменами о совместном восхождении на Эверест с севера. Все это требовало от наших секций перехода на более качественный уровень подготовки экспедиции.

Под руководством И. Ерохина был создан штаб подготовки экспедиции. Поставленная цель воодушевляла. Руководство проводило консультации на разных уровнях: от спортивных специалистов и врачей до руководителей Министерств и различных организаций. Будущие участники экспедиции были разбиты на группы, каждая из которых была ответственна за конкретный вопрос и отвечала за него перед штабом. В физическую подготовку кроме тренировок и кросса были включены барокамера и ряд других исследований, которыми подвергались некоторые предполагаемые участники экспедиции или штурмовой группы, в том числе и я. Все это происходило под трибунами стадиона в Лужниках. Деталей исследований я не помню, запомнил лишь, что наблюдатели через окошки барокамеры следили за моим самочувствием, поведением и предлагали мне в зависимости от высоты «подъема» решать разнообразные задачи. Среди различных приборов, которые крепились на разные части тела, мне запомнился прибор с фотоэлементом и лампочкой. Он крепился на мочке уха и определял время задержки дыхания. Я запомнил, что у меня вышло около 5 с половиной минут, у кого-то меньше, у кого-то больше. В беседе со мной, говоря об исследованиях в Лужниках, Ерохин в числе моих результатов похвалил эти мои 5 с половиной минут, и я понял, как серьезно он подходил к отбору участников и всесторонне изучал всех нас. Тогда я уже закончил МВТУ и работал на одном из предприятий системы Миноборонпрома, что не позволяло мне регулярно принимать участие в тренировках секций, неизменно проводимых в Училище. На тренировках я бывал только в воскресные дни, но, понимая, что для подготовки экспедиции этого недостаточно, я стремился

принимать участие во всех весенних стартах и соревнованиях на своем предприятии, организуемых по линии ДСО «Зенит».

В мае или июне, в один из выходных дней, было объявлено о проведении в Царицыно кросса по пересеченной местности на 10 или 15 км. Результаты его, по распоряжению Ерохина, были определяющими в отборе участников в экспедицию. Я, как и все члены альпсекции, мечтал попасть в экспедицию. И я попросил одного моего приятеля по работе, инженера и перворазрядника по бегу и нашего чемпиона, поехать со мной на кросс, чтобы подкорректировать с секундомером мой бег во время его проведения. Он согласился и обещал взять с собой какие-то витамины, чтобы я принял их во время разминки.

В то воскресенье родители были за городом в гостях, я проспал и, жутко боясь опоздать на контрольный кросс, помчался в Царицыно. В то время до станции Царицыно можно было доехать с вокзала на электричке, а от станции мы ходили пешком в дворцовый, недостроенный тогда, комплекс. Там были занятия по скалолазанию и старт с финишем кроссов, маршруты которых пролегли по каким-то полям и перелескам.

Короче, я успел только получить номер и кросс начался. День был жаркий, бежать было тяжело, большая группа спортсменов сбилась с маршрута и забежала на какое-то старое кладбище. О кроссе я помню только, что бежал я хорошо, т. к. удалось обойти нескольких ребят, в том числе Мишу Шпагина и Севу Григоренко, которых я до этого никогда не обгонял. Очнулся я уже в какой-то лодке, на которой меня наши ребята, сейчас не помню кто, и мой товарищ по предприятию везли в скорую помощь. К вечеру из больницы меня отпустили домой, сказав, что у меня был солнечный удар.

Мой товарищ позже рассказал, что за 250-300 м до финиша, который был на горке, я остановился, постоял некоторое время на месте, никого не узнавая, потом махнул рукой и, высоко поднимая колени, как нас заставлял на тренировках за городом бегать И. Ерохин, побежал в горку. Когда догнавший меня товарищ уже на горке, дотронулся до меня, я потерял сознание и упал.

Сейчас эта история выглядит нелепо, но для меня в то время это была трагедия, т. к. я понял, что в экспедицию я не попаду. Я пропустил пару воскресных тренировок, а потом мне передали, что со мной хотел поговорить Игорь Александрович. Когда я приехал к Ерохину он спросил, почему перед экспедицией я пропускаю тренировки. Я ответил, что не добежал до финиша и не уложился в норматив. Запомнил слова, которые тогда он мне сказал: «Ты же не сошел с дистанции и не отказался от бега.

Не валяй дурака, тренируйся, в состав экспедиции ты включен». Мою благодарность Игорю за внимание и доверие трудно было передать.

Из моей памяти о дороге на Тянь-Шань я помню, что летел каким-то спецрейсом, сейчас подозреваю, что он был организован штабом экспедиции. Это был полувоенный транспортник ИЛ-12 или ИЛ-14, вылетевший из аэропорта Быково во Фрунзе (теперь Бишкек) с несколькими посадками, из которых помню Уральск и какой-то Джусалы посреди пустыни. Пилот сказал, что когда-то здесь был проведен пробный взрыв атомной бомбы, высоту рейсу назначили небольшую, и будет трясти. Поэтому во всех воздушных ямах самолет трясло. Для меня это был первый полет и чувствовал я себя отвратительно. В самолете было немного пассажиров, в основном молодые парни, которых я не знал, но они пытались себе помочь знакомыми мне упражнениями: отжимками от пола, «пистолетиками» и прочее. Сейчас мне кажется, что это были Валя Божуков, Олег Космачев и Борис Коршунов и другие, которых я тогда не знал. *Малахов (2008).*

АВИАЦИЯ (БЮРОКРАТИЯ)

Доставку грузов экспедиции на ледник Звездочка Ерохин планировал реализовать двумя путями. Во-первых, традиционным - с помощью каравана. Во-вторых, как человек, служивший в армии и прошедший войну, он понимал, что для десантной авиации нет лучшей тренировки, чем решение реальных задач. И он готов был убедить в этом главного маршала авиации. Ерохин, как и многие в то время, «думал сначала о Родине, а потом о себе». Нужно было только попасть к маршалу. Для этого придуман был «финт ушами», о котором рассказывает Юра Зверев.

Зверев (2008). Взаимодействие с МВТУ придало нашей альпсекции МГУ совершенно новые рамки - масштаб деятельности Игоря Ерохина был несоизмеримо больше. Он решительно ставил перед всеми грандиозные, трудные, практически неразрешимые задачи.

В начале 1958 г. нам вместе с доцентом (а позже академиком) Ремом Хохловым удалось подписать у ректора МГУ - известного математика, академика и депутата Верховного Совета СССР Ивана Георгиевича Петровского - обращение к главному маршалу авиации Константину Андреевичу Вершинину. В нем мы просили выделить для экспедиции МГУ - МВТУ в район пика Победы военную авиацию для десантирования грузов.

В письме был упомянут международный геофизический год (1957-1958) и указана научная ценность намечаемой экспедиции для изуче-

Стратегический бомбардировщик Ту-4. Эти самолеты сбрасывали нам контейнеры, а теперь мирно стоят в Монинском музее под Москвой

ния этого малодоступного района. Обращение ректора помогло Игорю Ерохину добиться выделения для обеспечения экспедиции эскадрильи тяжелых стратегических бомбардировщиков ТУ-4. По-видимому, факт подключения к альпинизму военной авиации такого калибра до сих пор не имеет аналогов в истории. *Зверев (2008)*.

После этого письма Ерохин получил от маршала авиации приглашение «на предмет обмена мнениями». Вот как описывает этот поход в министерство обороны Адик Белопухов.

Белопухов (1993). Первостепенная задача подготовки всей экспедиции - придумать способ сбросить грузы в намечаемое место базового лагеря с воздуха. В 1955 г., во время спасательных работ, грузы пытались сбрасывать с самолетов, но безуспешно. Все разлеталось в разные стороны, т. к. найти, собрать и использовать по назначению удалось лишь жалкие крохи.

Значит, необходимо было изобрести что-то новое. И Ерохин придумал. Грузы надо сбрасывать на таких парашютах, которые раскрывались бы только у самой земли. И наши ребята - братья Стрелковы, распределившиеся после учебы в парашютный НИИ, - занялись разработкой специальных дистанционных трубок, которые, сгорая, давали задержку в раскрытии парашюта. Эта разработка стала их дипломной работой.

Но, где взять сами самолеты?

Если бы на месте Игоря был любой другой человек - не додумался бы ни за что до такого решения. Я просто представить себе не могу, как такая безумная идея вообще могла в голове возникнуть, даже если эта голова - Ерохинская. Но такова была вся жизнь его. Он ставил безумные задачи и решал их, в голове его рождались безумные идеи - и он реализовывал их. Авиация? А чем нам не подходит военная авиация?

И вот мы с трудом открываем массивную дверь министерства обороны. Дежурный офицер с недоумением разглядывал двух невысоких в спортивных костюмах.

- К маршалу авиации Вершинину!

Произошло чудо. Игорь сумел уговорить маршала провести очередные учения не где-нибудь на Украине, не в пустыне Кара-Кум, а в горах высокого Тянь-Шаня. Он сумел убедить Вершинина в том, что учения в горах гораздо полезнее и интересней. Ведь все равно те же деньги уйдут, тот же бензин-керосин. А эффект будет гораздо выше. Ведь никто еще никогда в горах не летал!

Это было непостижимо! Я стоял рядом, слушал, разинув рот. Немыслимо, но мы получили «в свое распоряжение» четыре бомбардировщика типа Ту-4, самые крупные по тому времени машины. И вместе с нами во Фрунзе должен был прибыть весь обслуживающий персонал. Мелочь по сравнению с выброской, но мы еще и сэкономили деньги на том, что из Москвы наши грузы летели бесплатно, на «наших» самолетах. *Белопухов (1993)*.

Божуков (2008). Командованием военно-транспортной авиации было отдано указание - в рамках международного геофизического года доставить во Фрунзе и сбросить (десантировать) на парашютах в контейнерах грузы экспедиции на ледник Звездочка. Сообщение о том, что самолеты будут, и контейнеры с продуктами будут сброшены, придало Ерохину уверенности в успехе экспедиции студентов, никто из которых, да и само руководство, выше пятитысячников Кавказа не бывало.

Именно тогда Ерохин произнес свою знаменитую фразу: «Если в базовом лагере будет продуктов на 2-3 месяца, я свою маму на Победу заведу!» *Божуков (2008)*.

Чадеев (2008). Итак, экспедиция получила возможность использовать военно-транспортные самолеты. Реализовывали эту возможность тоже наши участники экспедиции. Задачу нужно было решать с двух сторон - сверху и снизу. Двое наших студентов летали на самолетах и помогали

штурману найти место сброса. С другой стороны еще до вылета самолетов на ледник нужно было доставить двух военных радиостов с рацией для корректировки грузометания. Вертолетов, способных садиться на высоте 4000 м тогда еще не было, ламповая коротковолновая рация и велогенератор весили более 30 кг, и все это надо было доставить на ледник Звездочка за 400 км от Пржевальска. Подробнее обо всем этом будет рассказано ниже.

СНАРЯЖЕНИЕ

Для высотных восхождений требовалось специальное снаряжение. В первую очередь обувь и пуховые куртки. Советское снаряжение того времени было добротным, но очень тяжелым. Игорь Ерохин решал эту проблему одновременно с нескольких направлений. С одной стороны, как всегда, поощрялась собственная инициатива. С другой стороны, использовался и зарубежный опыт. *Чадеев (2008)*.

Пуховые куртки

Зверев (2008). Благодаря фантастическому таланту и предприимчивости Игоря Ерохина из поездки в Чехословакию были привезены полсотни раскроенных из силона и частично простроченных пуховых курток (чехи успели пошить только половину). Уже в Москве куртки были дошиты и набиты гусиным пухом. Юра Зверев лично получал этот пух по разнарядке на птицефабрике в Зарайске под Москвой. Эти куртки реально выручили нас в экспедиции на Победу - ничего легче и комфортнее пуховых курток для высотного альпинизма нет до сих пор. *Зверев (2008)*.

Кроме этой партии дошитых пуховых курток Игорь организовал бартер. Приезжавшие к нам чехи привозили пуховые куртки и меняли их на советские часы «Победа». Одна куртка - одни часы. Часы в то время стоили 400 рублей.

Шекельтоны

Володичев (2008). Размещение писем-заказов на изготовление десяти пар шекельтонов по организациям-изготовителям и контроль за их работой Ерохин поручил мне и в помощь дал паренька из МАИ.

«Валя Божуков» - представил его Игорь. Так я познакомился с Валентином Божуковым. Мы с ним в точности повторили весь тот путь по организациям-изготовителям, какой прошла за несколько лет перед этим команда Виталия Михайловича Абалакова при изготовлении шекельтонов для своей экспедиции на пик Победы. К нашему отъезду из Москвы шекельтоны были готовы. Оставалось только привинтить к подошвам стальные шипы, изготовленные в механических мастерских МВТУ. Это мы проделывали уже в поезде, который вез нас во Фрунзе. Последние шипы были привинчены в базовом лагере на леднике Звездочка. *Володичев (2008)*.

Закалка шипов. Фото Быкова (1958)

Подготовка снаряжения продолжалась и в Пржевальске. Приходилось что-то доделывать и обновлять.

Быков (2008). Целыми днями мы были заняты подготовительными работами. Ия Соколова, Аня Тихонова и Света Шукшина на швейной фабрике шьют абалаковские пояса и разное снаряжение. Ребята заняты изготовлением шекельтонов. Шипы для них приходится сначала закалывать, а затем крепить к подошве. Этим были заняты Ю. Зверев, О. Космачев, Ю. Нагибин, Д. Карпов, В. Божуков, В. Малахов, В. Шполянский, они шили из ремней необходимую амуницию. *Быков (2008)*.

Крепление шипов к шекельтонам. Слева Юра Зверев, справа - Олег Космачев. Фото Быкова (1958)

Питание

Глухов (2008). Заниматься составлением списка продуктов в экспедицию И. А. Ерохин поручил Адике Белопухову. Из каких соображений я не знаю. Опыта у Адика в определении рациона высотного питания и его особенностях не было, как не было его и у других участников экспедиции. Поэтому не обошлось без курьезов.

В своей книге «Я-спинальник» Адик пишет: «Игорь понимал, что первым, чаще всего, иду я и энергии трачу больше всех. И после этого требую сгущенку... Конечно, в список продуктов я включил не только одну сгущенку. Пришлось учесть будущую потерю продуктов при сбросе с самолетов. Поэтому количество продуктов, предназначенных на выброску, было удвоено. Такая предосторожность оказалась не излишней, но все же чрезмерной. К примеру, той же сгущенки после удвоения мы собирались сбрасывать две тысячи четыреста банок. Но наглухо был потерян только один контейнер из четырех. Так что где-то на склонах Победы до сих пор лежит закованный во льдах огромный ящик с 600 банками сгущенки, а в распоряжении экспедиции оказалось

1800 банок... Многие команды, работавшие в этом районе, еще много лет подряд питались, оставшейся после нас сгущенкой...»

Это один из многих парадоксов экспедиции И. А. Ерохина. Желание видеть в своем рационе сгущенку можно объяснить следующим. В голодные военные и послевоенные годы была жуткая нехватка сладкого. И когда на складе альплагерей появилась сгущенка, то она становилась заменителем и молока и конфет и мороженого. У некоторых это вызвало определенное привыкание, и без этого продукта они не могли существовать. Этот феномен в горах я наблюдал не только у Адика. Таким образом, Адик составил список основных базовых продуктов, который и утвердил, бегло просмотрев, Ерохин.

При этом просмотре, а он проходил в преподавательском буфете МВТУ, среди будущих участников экспедиции, присутствовал и я. Ерохин оглядел присутствующих, остановив свой взгляд на мне, произнес такую фразу: «Этим будешь заниматься ты». Естественно, я воспринял это как приказ, т. к. было понятно, что если я его не выполню, то Тянь-Шаня мне не видать. Но надо сказать, что при этих «приказах» или указаниях Ерохина ни у кого не возникало чувство страха или принудилки. А возникало чувство ответственности и обязательности выполнения этого задания, т. к. ты понимал, что это твой вклад в гигантскую задачу и тебе это поручил человек, несущий основной груз ответственности в формировании и реализации идеи, которую до него никто не ставил и не реализовывал.

Были написаны и мне вручены письма в Мосторг от имени ректоров МВТУ им. Баумана и МГУ о необходимости приобретения определенного количества продуктов для экспедиции альпинистов на пик Победы. К письму было приложение - перечень продуктов.

В итоге количество продуктов составляло по весу порядка 6 тонн. Я разыскал адрес Мосторга и направился туда, не сомневаясь в положительном исходе. Показав письмо охраннику при входе в Мосторг (оно оказалось в районе улицы Кирова, ныне Мясницкой), поднялся на второй этаж в приемную начальника Мосторга, и показал письма секретарю. Прочитав их, она отправилась с ними в кабинет начальника, кажется, его фамилия была Калмыков.

Сквозь не плотно закрытую дверь я услышал крик: «Кто это хочет вывезти из Москвы 6 тонн продуктов. Позови его сюда». Я вошел. Представьте картину: взбешенный каким-то наглым требованием чиновник и длинный тощий пятикурсник, которому зачем-то надо 6 тонн продуктов, причем, очень для того времени дефицитных. Он сразу перешел на «ты» и на крик: «Снабжение Москвы - государственная задача! Здесь на-

ходятся центральные органы партии и правительства! Москва - много-миллионный город! Снабжение Москвы - это жизнь государства! и т. д. И какие-то студенты хотят вывести из Москвы 6 тонн продуктов!»

Я, естественно, молчал, т. к. не мог в крик вставить ни одного слова. После этой тирады он размашисто написал на письме: «Отказать» и отдал его мне, даже его не зарегистрировав, хотя оно было достаточно весомое, за подписями ректоров МВТУ и МГУ. То, что я письмо не зарегистрировал в канцелярии и с отказом пришел к Ерохину И. А., получил за это нагоняй и урок общения с чиновниками.

Но тут же Игорь Александрович распорядился приготовить новое письмо на имя министра Министерства торговли СССР, а мне записаться к нему на прием, но уже зарегистрировав письмо в канцелярии министерства. Письмо было готово через неделю, и я с ним отправился в министерство, которое находилось в районе Новой площади, рядом с ул. Варварка. В приемной министерства, в канцелярии, письмо было зарегистрировано, мне выдали квитанцию с входящим номером письма и назначен день ответа. Я с радостью поскакал на одной ноге в Училище и доложил о своих достижениях Игорю. Тому было не до меня. Они с Адиком решали вопрос доставки продуктов с помощью авиации и готовили письмо маршалу Вершинину. «Ну и иди на прием к министру», - буркнул Игорь, - «Мне сейчас не до тебя». Подошел день приема и я, помня, как со мной обошлись в Мосторге, потащился в Министерство торговли СССР. В канцелярии мне выписали пропуск и сказали, чтобы я прошел к товарищу министра (помощник), т. к. он взялся курировать наше письмо лично. Назвали кабинет, в котором сидит этот «товарищ», и я направился туда. Лифтом пользоваться не стал, взбежал на третий этаж и робко постучался в тяжелую дубовую дверь. Молодой голос ответил: «Войдите». Я открыл дверь. В небольшом кабинете, заваленном папками и бумагами, сидел за большим двух тумбовым столом относительно молодой «товарищ» в белой рубашке с галстуком. На вопрос, что мне надо и для чего все это, я рассказал о нашей экспедиции, о ее целях, о том, что это будет самое сложное восхождение в Советском Союзе, и собираются это сделать преподаватели и студенты двух главных вузов страны.

К сожалению, я не помню фамилию этого «товарища», но, как оказалось, он тоже имеет отношение к альпинизму, был в «Узунколе» и даже ходил на Эльбрус. В итоге разговора он обещал этот вопрос решить и получить положительную резолюцию самого министра. Но на решение этого вопроса нужно пять-шесть дней, сказал он. И действительно, по истечении недели была получена положительная резолюция на наше письмо и распоряжение министра о прикреплении нашей экспедиции к какой-то

торговой базе. Но дальше эту задачу решал не я. Ее Игорь поручил Моисееву Юре, а я нашел себе другую задачу по обеспечению питания экспедиции.

Вторая задача появилась следующим образом. Кто-то из туристов МВТУ им. Баумана мне рассказал, что есть такой Всесоюзный институт питания, и там можно раздобыть что-то интересное из сублимированных продуктов. Признаюсь, я тогда не знал, что такое сублимированные продукты. Необычное слово меня заинтересовало и кто-то из знакомых, более знающих чем я, объяснил мне его смысл, из которого я понял, что это для восхождения то, что надо. Узнав в справочной адрес инсти-

Противень с сублимированной рыбой был с аппетитом съеден прямо перед траверсом Победы. Фото Чадеева (1958)

тута, я отправился туда. Дирекция института находилась в одном из домов, которые располагались напротив метро «Новослободская». Войдя в один из дворов, я увидел вывеску института и вошел в подъезд. Не было никаких охранников, коридоры были пустые, на дверях таблички. На одной табличке было написано: «Зам. директора по научной части Волков».

Фамилию, несмотря на то, что прошло 50 лет, помню точно, т. к. не раз давал и адрес и фамилию этого человека своим друзьям по альпинизму для получения у него питания, но вот инициалы уже не помню. Постучался, мне разрешили войти. Волков пригласил сесть и спросил о цели визита. Я рассказал об уникальности экспедиции, о трудности восхождения, о погодных условиях этого района, о высотах, на которых придется существовать альпинистам по 6-10 дней, а может и больше. Что-то начал говорить о сублимационных продуктах и мне повезло, оказалось, что Волков является одним из разработчиков этого процесса у нас в стране.

На Победе сублимированную рыбу ели все участники траверса. Фото Чадаева (1958)

стал доставать брикеты из коробки и объяснять, как готовить из них различные блюда. Во-первых, коробка делилась на три отсека, а в каждом отсеке лежало три брикета. Первый отсек содержал завтрак, второй - обед, третий - ужин. К примеру: завтрак - пачка галет, растворимый какао с сахаром, овсянка с молоком; обед - суп картофельный с мясом, гречневая каша с луком, фруктовые палочки, куда входили сушеные сливы, кишмиш, инжир и т. д. Брикет надо было размять, залить горячей водой, подождать пять минут и еда готова. При этом гарантировано получаешь 3000 калорий в день, а вес коробки около одного кг. Но - предупредил Волков - на много не рассчитывайте, т. к. линия по производству таких пайков еще не запущена и все пока делается вручную на их производственной базе в Бирюлево. Я, естественно, не колеблясь, согласился написать отчет о первой дегустации. А после испытаний пайков десантников в горах представить отчет о результатах этих испытаний. В итоге, я вышел от Волкова нагруженный коробками

Он долго мне рассказывал о технологии сублимации продуктов, о достоинствах сублиматов перед консервами, о преимуществе их использования и приготовления и т. д. Позвонив по телефону в какую-то лабораторию, Волков попросил принести комплекты десантных пайков. Пришла женщина в белом халате и принесла несколько картонных коробок. Узнав, что я студент МВТУ им. Баумана и имею степень секретности, Волков меня предупредил, что данная разработка и состав пайков - вещь секретная и о том, что это пайки для десантников, разглашать не надо. После этого он

с десантными пайками, радостный и довольный и немедленно отправился в МВТУ проводить дегустацию.

Вот что написано о дегустации этих пайков в книге Адика Белопухова «Я - спинальник»:

- Слава приходит и говорит, - Адик, я вот нашел на подмосковном заводе наборы сухого пайка для десантников, самые лучшие. Попробуй - подойдут ли они нам. Я пробую, качество отличное, то что нужно.

Тут следует некоторые моменты дегустации уточнить. Приехав в вуз, я нашел Адика и еще каких-то альпинистов, и мы пошли в преподавательский буфет, тот который недалеко от «Красной площади». Там мы взяли посуду, чайник кипятку и стали готовить еду. Некоторые супы и каши нам не понравились. Особенно те, где был лук. Эти блюда в результате сублимации горчили и здорово пахло горелым. Но все остальное пошло на «ура», особенно фруктовые палочки.

Я потом узнал, что их также, с удовольствием, ели наши космонавты, т. к. это же НИИ разработало и для них наборы питания. Главное, что особенно пришлось по душе - это ржаные галеты. Вот здесь следует отметить, что ржаные галеты, к сожалению, я после этого случая нигде и никогда не встречал. В итоге, нам было разрешено приобрести порядка 25-30 таких комплектов, хотя Ерохин хотел иметь их 300 штук. Но это было невозможно по причине, которую я изложил выше. В оформлении оплаты и получении я уже не участвовал, т. к. уехал на преддипломную практику в Севастополь, которая проходила на крейсере «Кутузов», в ту пору флагмане Черноморского флота. Слава Глухов (2008).

Оружие без охоты

Шпагин (2008). Так получилось, что в состав участников экспедиции были включены два мастера спорта СССР по пулевой стрельбе - Саша Абреимов и я, Михаил Шпагин. К тому времени мы оба уже более десяти лет отдали этому виду спорта, любили его, имели определенные достижения. Во время учебы в МВТУ познакомились и увлеклись альпинизмом. Трудно было совмещать учебу и свои спортивные увлечения, но молодость помогала находить время и силы для этого.

Занятие пулевой стрельбой оставались для нас с Сашей основным и постоянным увлечением. Мы постоянно тренировались, выезжали летом на тренировочные сборы, участвовали в соревнованиях, которых было множество. Но почти каждый второй летний сезон отдавались альпинизму, в течение года работу в альпсекции не прерывали.

В 1958 г., когда я уже окончил МВТУ и работал на предприятии, к моему удивлению и радости получил приглашение принять участие в экспедиции на Тянь-Шань. Уговаривать себя не заставил, вместе со всеми включился в подготовительную работу.

С большим удовлетворением узнал о планах взять в горы оружие - боевые трехлинейные винтовки. По официальной версии для защиты экспедиции от диких хищных животных и охраны.

Вначале я сомневался, что удастся получить необходимые разрешения в высших государственных и спортивных инстанциях. Однако все прошло благополучно - авторитет спортклубов МВТУ и МГУ возымел свое действие. Непосредственно перед выездом мы с Сашей получили из хранилищ общества ДОСААФ (мы были членами ее сборной) закрепленные за нами боевые винтовки. Патроны к ним мы получили в большом количестве, ведь предстояло нести охрану. Упаковали все в один большой и тяжелый тюк, как мы это обычно делали при переездах на соревнования в другие города. Возили обычно без охраны на себе. Никаких сложностей, как правило, не возникало.

В конце июля в составе небольшой передовой группы вылетели из Москвы во Фрунзе на самолете Ил-14. Запомнилась невероятная болтанка самолета, когда он на относительно небольшой высоте пролетал над песками пустыни Кызылкум. Не все пассажиры переносили ее спокойно - очередь в заднюю часть самолета, туда где находился туалет, стояла все время пути. *Шпагин (2008).*

ЧЕХИ

Нелидов (2008). К лету 1958 г., когда надо было готовить экспедицию на пик Победы, вопрос о чехах встал очень остро. Вряд ли без Рема Хохлова, который пользовался огромным авторитетом, и тогдашнего ректора МГУ Ивана Петровского его удалось бы решить. Дело в том, что пик Победы стоит на самой границе с Китаем, а город Пржевальск вообще отсутствовал в почтовых справочниках Чехословакии в перечне городов СССР. Замечательно, что у Советского Союза в 1958 г. были хорошие отношения с Китаем. (Позднее, когда отношения с ним испортились, пик Победы долгие годы был вообще недоступен не только для иностранных альпинистов, а и для советских тоже).

Мы должны были жестко придерживаться требований КГБ: чехи прилетают во Фрунзе (теперь Бишкек), далее едут на такси в сопровождении Бориса Маречека - чеха, мастера спорта СССР, еще со времен гражданской войны жившего во Фрунзе. Но чешской группе было по-

ставлено условие - не останавливаться в Пржевальске, а сразу же выехать в район восхождения. График их передвижения был составлен таким образом, чтобы условие было выполнено. Естественно группы экспедиции растянулись во времени и пространстве: кто-то перегонял лошадей для каравана, кто-то обеспечивал транспортные самолеты для выброса грузов на ледник Звездочка. Я ехал в одном грузовике с чехами из Пржевальска. Когда мы спустились через перевал Чон-Ату в долину Сары-Джаз, и машина остановилась, то чехи были поражены склонами, усыпанными эдельвейсами (в Чехословакии один цветок эдельвейса в целлофане стоил 1 крону!) *Нелидов (2008).*

НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ

ПЕРЕДОВАЯ ГРУППА

Задачи передовой группы

Чадеев (2008). Весной 1958 г. на заседании штаба экспедиции МГУ - МВТУ на Победу, которое как обычно, проходило дома у Ерохина в Шестом Монетчиковском переулке у Павелецкого вокзала, было решено отправить на Тянь-Шань в район ледника Иньльчек передовую группу, чтобы принять сбрасываемые с самолета на парашютах контейнеры. Группа должна была выехать на две недели раньше основного состава экспедиции.

Задачи передовой группы состояли в следующем:

1. Договориться с председателями колхозов Иссык-Кульского района о выделении вьючных лошадей для нашей экспедиции.
2. Выбрать место для базового лагеря на леднике Звездочка.
3. Просмотреть и разметить дорогу по леднику Иньльчек для каравана с лошадьми.
4. Выбрать место для сброса контейнеров на леднике Звездочка.
5. Спуститься к «зеленке» и встретить группу, которая приведет солдат-радиотов для связи с самолетами.
6. Привести радиотов в базовый лагерь, кормить, поить и объяснить, куда кидать контейнеры.
7. Встретить самолеты и найти сброшенные контейнеры.
8. Снова спуститься к «зеленке» и встретить основной караван экспедиции.
9. Провести караван с лошадьми по леднику Иньльчек до базового лагеря. Этот караван должен был привезти продукты и для передовой группы. Конечно, все получилось не совсем так, как планировалось, но основные задачи мы выполнили.

Состав передовой группы

Руководителем передовой группы был назначен Ваню Артемьевич Галустов - опытный альпинист-высотник из Армении. На нем же лежала и ответственность за выполнение перечисленных пунктов плана. В состав группы вошли те, кто сумел договориться на работе об очень длительном отпуске. Все договаривались по-разному. Моя история такая. После окончания МВТУ в 1957 г. я попал по распределению на почто-

вый ящик в городе Красногорске Московской области. Предприятие принадлежало Министерству оборонной промышленности, а у министерства было спортивное общество «Зенит». В обществе была секция альпинизма. Не знаю, кто и когда это пробил, но в министерстве был издан приказ, по которому предприятия должны были предоставлять альпинистам-разрядникам отпуск на два месяца в летнее время без сохранения содержания для совершения восхождений. Этот приказ для меня лично оказался очень к месту. Кстати, по этому же приказу в экспедицию приехал и наш главный экспедиционный фотограф Борис Быков - тоже выпускник МВТУ, с которым мы работали на одном заводе.

Всего в передовой группе Галустова было пять человек:

Гена Лоцилов - врач,
Сергей Морозов,
Евгений Муравьев,
Валентин Чадеев.

Члены группы добирались до Пржевальска разными путями. Из Москвы передовая группа во главе с Галустовым выехала 15 июня на поезде и прибыла во Фрунзе 18 июня. Оттуда автобусом до Пржевальска. Сергей Морозов и Женя Муравьев были инженерами и работали в почтовых ящиках на Урале. Они ехали своим путем.

Мне отпуск дали чуть позже, и я не смог поехать с основной передовой группой. Пришлось лететь самолетом. Самолет, по-моему, ИЛ-14, вылетал из аэропорта Быково и до Фрунзе делал несколько посадок. Я летел в самолете один, и при мне было две стюардессы. Как они мне объяснили, самолет полетел бы и без меня - его все равно нужно было перегонять во Фрунзе. При посадках мне приходилось выходить, т. к. самолет заправлялся. По аэропорту объявляли: «Пассажира рейса 76042 просят пройти на посадку». Среди пунктов посадки запомнился Байконур. Во Фрунзе я пересел на двукрылый АН и перелетел в Пржевальск. Когда я, наконец, добрался до условного адреса, оказалось, что я обогнал группу Галустова и следующий день просто гулял по Пржевальску.

Переговоры о лошадях

Когда прибыл Галустов, началась работа. Галустову в том году было 48 лет. Это был крепкий горец-армянин. Кстати, по специальности - сварщик. Остальным было лет на 20 меньше. Для нас он был уважаемым аксакалом.

Сначала мы ездили по окрестным колхозам и договаривались о лошадях для основной экспедиции. Однажды за этим занятием нас до-

гнал ГАЗик и предложил подвести. Подвез он нас в отделение милиции. У нас была какая-то бумага к местным советским и партийным организациям оказывать нам содействие. Бумага не помогла - нас допросили - чем мы занимаемся в погранзоне, и мы просидели сутки в КПЗ, пока что-то выясняли в Москве с нашими пропусками. Предварительная договоренность о лошадях - это первая наша задача и мы ее выполнили, хотя помогло ли это основной экспедиции, я не знаю.

Вторая задача - найти место для базового лагеря и выброса контейнеров, а также дорогу для лошадей по леднику Иныльчек.

Из Пржевальска выехали на грузовой машине. Ехать километров 250 через перевал Чон-Ашу (3822 м). Было только начало лета, дорога на перевале была покрыта льдом, и мы вылезали из кузова подталкивать машину в нужном направлении, чтобы она не упала, куда не надо.

Машина довезла нас до реки Сары-Джаз и даже немного дальше вверх по ее течению. Выгрузив нас, она развернулась и быстро уехала. А мы, взвалив рюкзаки, отправились вверх искать переправу через реку, мостов тогда еще не было. Судя по киргизской карте-километровке, их в этом месте и сейчас нет.

Ночевали около палаток противочумной экспедиции. Экспедиция ловила сусликов капканами, проверяла, есть ли чума, а шкурки сжигала. Стащить шкурку - уголовное преступление, т. к. она может привести к эпидемии чумы. В капканы попадают и другие звери. У них был целый зоопарк, точнее - лазарет, в котором зверей лечили.

Переправу нашли выше устья реки Тюз, вдоль которой шла тропа к перевалу. Попробовали разные способы переправ: по одному, по двое, на лошади. В конце концов, с помощью местного пастуха-киргиза оказались на той стороне Сары-Джаз.

В тот же день группа подошла к перевалу Тюз. На следующий день его прошли и за три дня добрались до левой (орографически) морены ледника Звездочка. Погода была прекрасная. Ледник был открыт, и почти все время мы шли по льду, обходя многочисленные трещины и ручьи. По дороге турами из трех камней отмечали тропу, по которой, на наш взгляд, могли пройти лошади. Нужно было класть обязательно не менее трех камней, потому что вероятность случайного возникновения такой пирамиды очень мала.

Манера Ваню двигаться по леднику была неторопливой и обстоятельной, с периодическими остановками на отдых. Для нас, учеников Ерохина, этот стиль был необычен. Мы вообще привыкли двигаться непрерывно, если не было технически сложных участков. Но у неторопливого стиля были и свои преимущества: мы могли любоваться окру-

Схема движения каравана.
Рисунок Иры Чадеевой (2008)

жающим миром - пики Нансена и Хан-Тенгри, да и сам 70-километровый ледник сверкали «алмазами». В середине ледника по небольшому ледопаду влезли на ледник Звездочка.

Осмотрели площадку на морене. Никакие лавины до нее добраться не могли. Победа возвышалась над ледопадом, ведущим к верхней части ледника Звездочка, и с морены видна была отлично. Вид ослепительный. Потом, когда уже вся экспедиция была в базовом лагере, неоднократно большие лавины сходили со склонов Победы, а ветер от лавин доходил до базового лагеря. Зрелище великолепное. Все происходило, как в замедленной киносъемке. Из-за большого расстояния казалось, что лавина и снежная пыль клубами ее сопровождающая, движутся медленно, хотя пыль долетала и до лагеря, и ветер был сильный.

Определившись с местом для базового лагеря, первую задачу передовая группа выполнила. Мы переночевали и во главе с Ваню Артемьевичем пошли обратно вниз, встречать солдат-радиостов. Тем более что продукты у нас были на исходе, и по плану их должен был привести караван с солдатами. Предполагалась, что передовая группа возьмет продуктов всего на две недели. И будет ждать небольшой караван с радиостами в долине Иныльчек под перевалом Тюз. Караван должен привести продукты и для передовой группы. Чадеев (2008).

Первая охота

Муравьев (2008). Мы с Сергеем Морозовым были в первой группе, в задачу которой входило разведывание и маркировка пути по ледни-

ку Инылчек до плато «Звездочка». Этот поход мы осуществили и вернулись в базовый лагерь у камня Чан-Таш, под которым мы ночевали. На камне я вывел надпись при помощи сгущенки и зубного порошка «Отель Троглодитъ». Время шло, в нашей группе были съедены все продукты, кроме соли. Я привез малокалиберную винтовку ТОЗ-16 и попытался пополнить наш рацион охотничьими трофеями. На нашем склоне бегали зайцы. Так как я был стрелок, а не охотник, то на каждого зайца, а я подстрелил их 4 штуки, тратил по 20 патронов. Кроме того, приходилось бегать за ними по склону, что сильно изматывало. В конце концов, мы с Морозовым решили спуститься по ущелью до пограничной заставы «Мойдодыр», приблизительно 50 км, в надежде увидеть людей и купить продукты.

До заставы мы бежали 8 ч, переправлялись на левый берег через реку Иныльчек почти вплавь. В то время застава не функционировала и никого, и ничего мы не нашли. Спустившись еще на километр, увидели юрту и людей. Оказалось - это семья пастухов, пасут лошадей. У них удалось купить несколько килограммов муки и штук 20 яиц. Переночевав и позавтракав лепешкой с соленым чаем мы за 7 ч вернулись к Чон-Ташу. Жизнь наладилась. Мы замешивали тесто, делали лапшу, заправляли ее конским щавелем, который в изобилии рос вокруг. *Муравьев (2008)*.

Встреча радистов

Чадеев (2008). Мы несколько раз ходили на перевал Тюз, нет ли каравана с радистами?

Наконец он появился во главе с Петром Скоробогатовым. В караване было 4 лошади, 2 погонщика, 2 солдата и альпинисты.

Караванщики довели лошадей до стоянки Чон-Таш у языка Иныльчека, но по леднику подниматься наотрез отказались и быстро ушли назад.

Караван (без лошадей) для доставки на ледник Звездочку коротковолновой ламповой радиостанции (по-моему, РБМ), весящей килограмм двадцать и двух солдат, ее обслуживающих выглядел так:

Петр Скоробогатов - руководитель,

Валентин Божуков,

Борис Баронов,

Вано Галустов,

Олег Космачев,

Боб Коршунов,

Жора Лоцилов - врач,

Сергей Морозов,

Евгений Муравьев,
Саша Повлючков,
Валентин Чадеев,
солдат-радист,
солдат-моторист. *Чадеев (2008)*.

Коршунов (2008). Еще в Москве мы знали, что в составе экспедиции на пик Победы будет Галустов. Меня это очень обрадовало. Там где Галустов - всегда весело.

Передовой отряд, вышедший к Победе, был предупрежден о возможном прорыве озера Мерцбахера. При прорыве огромное пульсирующее озеро за несколько часов бешеными реками устремлялось вниз, производя невероятный шум. Причем русла стока всегда разные. Время прорыва тоже непредсказуемо.

Когда передовой отряд вышел на ледник Иныльчек, Ваню дал каждому задание, как себя вести и что делать на случай прорыва озера. Александру Павлючкову, горнолыжнику, который тащил на себе лыжи в надежде покататься со склонов пика Победы, выпала честь вперед смотрящего. Ваню давал команду и Сашка Павлюков должен был лезть по верхушкам моренных валов и смотреть, не прорвалось ли озеро. Ходил Галустов медленно и приговаривал так: «Куда спешить - впереди целая жизнь». *Коршунов (2008)*.

Чадеев (2008). Переночевав, группа в составе двух солдат и альпинистов отправилась вверх по леднику к базовому лагерю. Кроме своего снаряжения, еды и радиостанции приходилось нести еще и велогенератор. Естественным ограничителем скорости были солдаты. Именно их мы должны были довести до Звездочки живыми и здоровыми. В большой мере от их здоровья зависела судьба всей экспедиции. Естественно, мы их разгружали, как могли. Хотя скорость движения была небольшой, для альпинистов этот поход тоже не был прогулкой. Разгружая солдат, мы нагружали себя. До базового лагеря сделали три ночевки.

Поселив солдат в отдельной палатке, проверив работу радиостанции и велогенератора, группа выполнила вторую задачу.

Теперь осталось дожидаться самолетов и основного каравана. Прошло несколько дней, а ни каравана, ни самолетов не было. Ситуация обострилась. Оказалось, что еды мало. Решено было оставить только команду для приема самолетов, а остальных, которые поздоровее, отправить вниз к перевалу Тюз, чтобы не объедали солдат.

Борьба с голодом

Я, Женя Муравьев, Сергей Морозов, Жора Лощилов и кто-то еще побежали вниз, встречать основной караван. Палатки поставили на травке под перевалом. Прошел еще день. Еды не осталось совсем. Погода прекрасная: тепло, солнечно только, есть нечего.

По обоим зеленым склонам долины Иныльчек от камня к камню строго горизонтально пробегали зайцы. Зайцы бегали и по нашей стороне, где стояла палатка, и на противоположной - за рекой Иныльчек. У нас была малокалиберная винтовка и много патронов. Все по очереди ходили охотиться. Но оказалось, что попасть в зайца из винтовки почти невозможно. Получалась - как стрельба по тарелочкам. Но в отличие от спортинга у стрелка был не патрон с дробью, а одна дробинка. В результате только владельцу винтовки Жене Муравьеву удалось подстрелить зайчиху, а затем поймать ее руками.

Последний раз, поднявшись на Тюз и убедившись, что Ерохина нет, решили опять послать кого-нибудь вниз по Иныльчеку достать продуктов. На этот раз выпало бежать мне и Лощилову. Все продукты (несколько ложек крупы) оставили в базе. Мы с Жорой переправились на левый берег Иныльчека и побежали вниз. Через несколько километров по левой стороне появилась погранзаезда, но в ней никого не было. С Китаем тогда еще были хорошие отношения, и ее расформировали. Пришлось бежать дальше.

Наконец, уже недалеко от устья реки, где Иныльчек впадает в Сары-Джаз, мы увидели несколько юрт. От стоянки под Тюзом мы пробежали около 50 км. Что-нибудь купить у пастухов не удалось. Они поили нас чаем (типа супа), но что-либо дать или продать, тем более для нескольких человек, отказывались наотрез. Приходилось часами (это не преувеличение) беседовать в юрте с хозяином за пиалой на очень ломаном русском языке. Беседа больше склонялась к положению в мире, и только случайно мы узнали, что на том берегу «большая экспедиция». И действительно, на том берегу Иныльчека мы увидели кого-то из наших ребят. К сожалению, хотя расстояние между нами было небольшим, разговорить было невозможно из-за рева реки. Пришлось опять уговаривать киргиза дать нам лошадь для переправы. Без лошади в этом месте через Иныльчек переправиться нельзя.

Когда мы, наконец, переправились, выяснилось, что Ерохин прислал сюда наших стрелков с киргизскими охотниками, чтобы заготовить мясо диких туров для экспедиции. Заодно выбрать один из двух вариантов движения основного каравана к леднику Иныльчек: по долине

реки Иныльчек или через перевал Тюз. Взвесив все за и против, Ерохин решил идти через Тюз.

Только что окончившие МВТУ Михаил Шпагин и Саша Абреимов были мастерами спорта по стрельбе из боевой винтовки. Когда мы появились, они уже вернулись с охоты, туры уже были разделаны, а мясо туров варилось тут же в больших котлах. Готовили еду киргизские женщины.

Наевшись до отвала после долгого голодания, легли спать. Поразмыслив, решили, что с основной экспедицией, хотя и в обход, но на грузовиках до наших голодающих товарищей доберемся быстрее, чем вверх по Иныльчеку.

Рано утром охотники и мы на машинах проехали километров 50 вверх по течению Сары-Джаза к маленькому селению Кен-Су, где был расположен палаточный лагерь основной экспедиции. Далее караван уже с лошадьми, которые были собраны в окружающих колхозах, двинулся к устью реки Тюз. Там была организована переправа через Сары-Джаз на лошадях. После переправы лошади были завьючены, и караван двинулся в сторону перевала Тюз и остановился в середине дня, не доходя перевала. Я поговорил с Ерохиным и объяснил ему, что за перевалом ребята уже второй день без еды, а перевал простой, и я его недавно проходил. Этих аргументов оказалось достаточно, чтобы получить разрешение пойти одному. Дело в том, что без акклиматизации все наелись уже на подходе к перевалу. А я, бегая по ледникам вверх и вниз, был в отличной спортивной форме. Набив рюкзак продуктами питания, я, не торопясь, пошел через перевал, спасать голодающих. Погода прекрасная, перевал простенький, хотя и 4001 м высотой. Еще засветло подошел к нашей палатке и «голодающим Поволжья». Интересно, что на следующий день, когда к перевалу подошел основной караван, на нем бушевала пурга, и лошадей переносили чуть ли не на руках.

Время передовой группы заканчивалось. Оставалась группа на леднике Звездочка, которая все еще ждала самолеты, но продукты у нее должны быть.

Дня через три-четыре караван точно будет там. *Чадеев (2008)*

Авиация (вид сверху)

Стрелков (2008). На рассвете 18 июля 1958 г. столица Киргизии была разбужена гулом бомбардировщиков Ту-4, взлетающих с аэродрома Фрунзенского авиационного училища. Эти четырехмоторные «летающие крепости» направлялись к высочайшей вершине Тянь-Шаня - пику

Победа, чтобы доставить грузы - снаряжение и продукты для экспедиции альпинистов московских вузов МВТУ и МГУ.

Руководитель высотной альпиниады Игорь Александрович Ерохин понимал, что обеспечить экспедицию, в состав которой входило более 50 человек, с помощью каравана весьма затруднительно, поэтому возникла мысль об использовании авиации. В настоящее время авиация широко используется для обеспечения альпинистских экспедиций, но даже и теперь масштаб десантной операции 1958 г. впечатляет.

Ерохину удалось договориться с главнокомандующим Военно-воздушными силами - заместителем министра обороны СССР К. А. Вершининым о проведении учений по доставке грузов в высокогорный район Тянь-Шаня. Из Бобруйска прилетели три бомбардировщика Ту-4 со специальными контейнерами, предназначенными для десантирования грузов.

Работы по загрузке контейнеров и организации десантирования были поручены двум участникам экспедиции - Владимиру Шмелеву и Константину Стрелкову. Володя Шмелев в то время уже работал в НИИ Парашютно-десантного снаряжения и имел профессиональное понятие об этой работе.

Началась доставка грузов на аэродром и загрузка контейнеров. Мы долго беседовали со штурманами экипажей. Их интересовали особенности погоды в горах, направление ветровых потоков, место сброса и т. д.

Сразу обнаружилось немало проблем.

Во-первых, необходимо было получить разрешение на заход самолетов в Китай, т. к. граница с Китаем проходит по хребту Кокшаал-тау, в котором и находился пик Победы. Время шло, а разрешение на пролет в Китай получить не удавалось. После отъезда Ерохина к экспедиции, разрешение этой проблемы поручили Алексею Чернобровкину. В конце концов, после нескольких разговоров по ВЧ с Министерством иностранных дел, «добро» было получено.

Но возникли еще и другие осложнения. Одним из них был размокший от дождей грунтовый аэродром. Каждое утро командир майор Казанли, ковыряя землю, ходил по взлетной полосе и определял, что взлетать нельзя.

Впрочем и это еще не все. Выяснилось, что дистанционные приборы, которые обеспечивают раскрытие парашюта на заданной высоте, имеют границу срабатывания - 2500 м и ниже, а сбрасывать груз надо было на ледник Звездочка, находящийся на высоте 4500 м, т. е. эти дистанционные приборы были непригодны для сброса грузов в этих условиях. Тяжелые контейнеры, сброшенные с минимально возможной за-

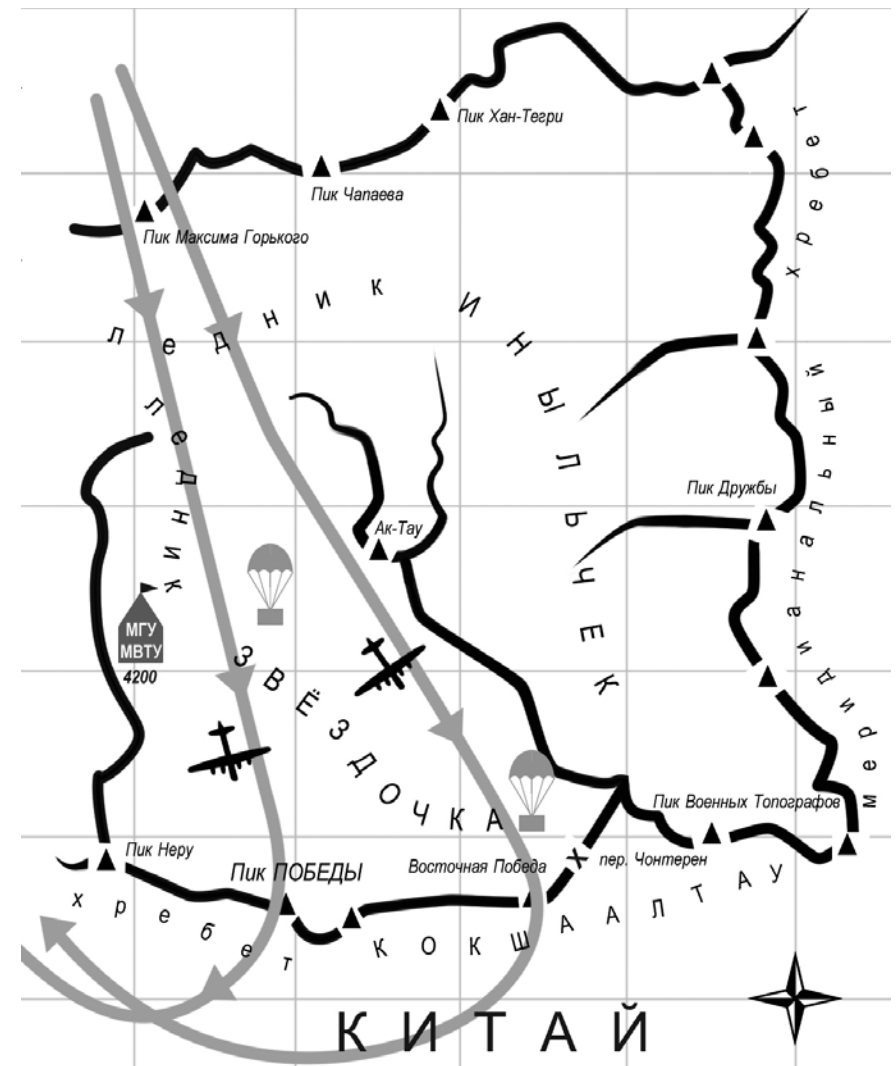

Схема захода самолетов для сброса контейнеров. Рисунок Иры Чадаевой (2008)

держкой, разбились бы вдребезги о ледник на высоте 4500 м, просто не долетев до высоты раскрытия.

Володя Шмелев оперативно спроектировал дистанционные приборы с управлением временем задержки раскрытия по образцу устройств, применявшихся еще в годы Великой Отечественной войны.

В мастерских авиационного училища они были срочно изготовлены и опробованы, однако бдительный начальник училища, опекавший нашу

деятельность, запретил их применение. Поэтому пришлось выполнять десантирование с принудительным открытием парашюта сразу после выхода контейнера из бомболюка. А т. к. высота полета составляла около 8 км, то 3,5 км до земли контейнеры спускались на парашютах, при этом порывы ветра могли унести их достаточно далеко от цели, что и случилось...

Итак, каждое утро, часа в 3-4, майор Казанли шел проверять полосу, а экипажи собирались у курилки и рассказывали всевозможные истории, анекдоты и байки в ожидании решения командира.

Командир приходил, в очередной раз говорил, что пока еще рано - полоса не готова, и экипажи уходили в казарму.

Но 17 июля радисты с ледника Звездочка передали, что в базовом лагере кончились продукты, и альпинисты находятся в критическом положении.

Наши летчики встrepенулись - надо спасать экспедицию.

Майор Казанли на своем самолете порулил по полосе и объявил - «взлетать можно».

И вот ранним утром 20 июля наша армада, состоявшая из трех огромных Ту-4, взлетела, направляясь в сторону пика Победы. А т. к. необходимо было набрать высоту 8 км на малом, по меркам авиации, расстоянии от Фрунзе до пика Победы, самолеты сделали еще 2 круга над Фрунзе, чем еще больше напугали местных жителей.

Картина, которая открылась нам, была великолепна. Небо темно-синее и сверкающие горы. Узнаем Хан-Тенгри, пики Горького и Чапаева и рядом с ними огромным медведем лежит массив Победы.

Готовясь к экспедиции, мы хорошо изучили карту района. Поэтому помогаем штурманам разобраться в обстановке. Наконец, видим ледник Звездочка и лагерь на нем. Все самолеты делают проход над лагерем, впереди пик Победы. И тут одному из летчиков показалось, что высоты недостаточно, и самолет летит на гору. Он закричал: «Мы сейчас вмажемся!» На это штурман спокойным голосом сказал: «У тебя превышение полкилометра, что ты орешь?» И действительно, мы прошли над вершиной, оставив ее далеко внизу.

Затем, развернувшись в Китае, мы совершили второй заход и сбросили груз. Естественно, что контейнеры разнесло ветром на площади примерно 1 км², а т. к. поверхность ледника представляет собой не ровную поверхность, а имеет трещины, впадины, озера, то поиск контейнеров был бы весьма труден.

Потом, через 2 дня, было проведено второе десантирование. При загрузке контейнеров выяснилось, что все грузы не влезают в оставшиеся контейнеры, а парашютов нет. Тогда мы решили мешки со свежей

Снимок района хребта Кокшаалтау и массива Победы с самолета.
Фото Владимира Рацека (1955)

капустой, свеклой и армейскими галетами сбросить без парашютов в больших пятилитровых консервных банках. Когда они летели к земле, то издавали такой угрожающий свист, что все находившиеся в базовом лагере были изрядно напуганы. Зато потом капусту и свеклу для щей не приходилось шинковать.

После выброса грузов майор Казанли отдал команду экипажам возвращаться на базу, а сам решил, сделав еще один круг и переговорив с землей, убедиться, что операция была успешной. Надо сказать, что в то время международная обстановка, из-за кризиса в Ливане, не была безоблачной. Экипажи наших самолетов Ту-4 (точных копий американских «летающих крепостей» В-29) находились в постоянном боевом напряжении. Когда самолет командира развернулся, то мы увидели сбоку

от нас летящий бомбардировщик, как две капли похожий на В-29. По внутренней связи раздалось: «Американцы! Экипаж к бою!» Прошло несколько секунд суеты, экипаж занял свои места у пушек и пулеметов. Отрезвил всех голос кого-то из экипажа: «Спокойно, это наша «девятка». И, действительно, мы рассмотрели бортовой номер второго самолета из нашей тройцы, не выполнившего команду командира. Майор, не выбирая выражений, пообещал «девятке» горячий разговор дома.

Наша миссия была выполнена. Мы поблагодарили летчиков и в компании А. Чернобровкин, В. Шмелев, Ю. Нагибин и К. Стрелков направились к пику Победа. Опоздание к началу экспедиции обошлось нам всем четверым потерей акклиматизационного периода и поэтому альпинистских подвигов мы не совершили.

Но участие в полетах оставило незабываемое впечатление, а чувство хорошо выполненной работы, также немного компенсировало потери. *Стрелков (2008).*

Десантирование грузов на Звездочку. Взгляд из базового лагеря

Божуков (2008). Непогода задержала на несколько дней вылет самолетов для сброса грузов. Самолеты готовы, мы - передовая группа на Звездочке, а метеорологи не дают взлета! Потому столь велика была наша радость, когда мы услышали гул моторов и увидели отделившиеся от самолетов черные точки, стремительно падавшие на ледник. Возникшее беспокойство сменилось ликованием в момент раскрытия белых парашютов, затем последовал плавный спуск контейнеров на ледник.

Большую роль в поисках контейнеров сыграл мудрый Ваню Галустов. В то время когда все радовались спуску с неба контейнеров, он спокойно сидел и засекал ориентиры на противоположном склоне для определения места падения каждого из них. Затем, когда начали искать контейнеры, он показал поисковым группам ориентиры, на которые надо идти, чтобы найти грузы.

Гениальное решение - ориентиры на другом склоне. Казалось бы - проще запоминать место падения каждого контейнера.

Надо сказать, что контейнер представлял собой (уже тогда) сложное техническое устройство - там был специальный маячок для облегчения поиска ночью, инструмент для вскрытия и т. п.

Часть грузов - свежая капуста, свекла и галеты в пятилитровых банках - были сброшены без парашютов. Они сильно побились. Мы все тщательно

но соскребли со льда и съели. Особенно долго выковыривали из консервных банок типа «Церетели» армейские галеты и ели их как семечки.

Кстати, Адик Белопухов рассчитал все с большим запасом. И если бы мы нашли только один контейнер со стуженкой - этого бы вполне хватило. А мы нашли все 4 контейнера!

Сброс контейнера в верхний цирк ледника был нам не виден, но точность оказалась поразительной. Груз падал в центре цирка. Именно возле него и встали впоследствии палатки верхнего базового лагеря. Контейнеры таскать не пришлось. Они стали стационарным продуктовым складом. *Божуков (2008).*

ДВИЖЕНИЕ ОСНОВНОГО СОСТАВА ЭКСПЕДИЦИИ

Фрунзе

Быков (2008). В июле вместе с основной группой альпинистов мы на поезде отправились в столицу Киргизии. Наконец город Фрунзе. Перрон вокзала сплошь завален нашими вещами. Начинается этап разгрузки и перетаскивания тюков, коробок, ящиков и другого оборудования. Освободить перрон и железнодорожные пути надо быстро. Уносим враз два-три рюкзака или тюка. Я, обвешанный фотоаппаратами, не только таскаю, но и стараюсь успеть запечатлеть все происходящее. Вот на почти пустом перроне остались два небольших зеленых ящика с удобными ручками. Бодро подхожу, хватаю и понимаю, что сильно «промахнулся». Ящики - это свинцовые аккумуляторы весом в 24 кг и 35 кг каждый, именно по этому они и остались последними. Несу, обливаясь потом по южной жаре, перрон очень длинный, останавливаться и отдыхать стыдно, подумают, что слабак. С трудом, но допер. Дальше возим вещи на каких-то тележках на базу Ала-Арчи и в школу. Все наши действия слаженны, как будто подчиняются некому закону, как муравьи носим и носим. Любое свободное время посвящается занятиям спортом. Во Фрунзе наши баскетболисты, возглавляемые Ерохиным, играют товарищеский матч с местной командой - и это тоже есть на фотографиях. Из Фрунзе едем на поезде в п. Рыбачий. *Быков (2008).*

Володичев (2008). До Фрунзе на поезде ехали трое суток. В поезде было очень жарко. На станциях, если удавалось, с большим удовольствием полоскались в воде. Высота Фрунзе более 1000 м над уровнем моря. Здесь мы провели несколько дней, выполняли работы, связанные с проведением экспедиции и одновременно проходили акклиматиза-

Перевозка грузов экспедиции от вокзала на базу. Слева на право: Соколова, Стрелков, Космачев и др. Фото Быкова (1958)

цию на высоте Фрунзе. Наш день начинался с бега и активной зарядки, которую проводил Игорь Александрович Ерохин. Затем мы завтракали в столовой, расположенной неподалеку. После него занимались подготовкой к выезду в Пржевальск, закупали продукты и все необходимое, что понадобится наверху в горах. Обедали в той же столовой.

После обеда - короткий отдых, затем игровые тренировки: баскетбол, плавание, водное поло. Поздно вечером ужинали и ложились спать. Спали в спальных мешках на полу. Из Фрунзе до Пржевальска добирались разными путями. Одна часть экспедиции сначала доехала до поселка Рыбачий, а оттуда на катере переплыла озеро Иссык-Куль до Пржевальска. Другая часть, куда попал и я, из Фрунзе до Пржевальска доехала на грузовой машине. Мы ехали по северному берегу озера и где-то на середине пути, где дорога близко подходит к берегу, остановились на ночевку. Сразу же побежали купаться. Погода стояла пасмурная, вода была очень холодная, и каждый лишь окунулся в озеро и быстрее бежал на берег. Это было наше первое знакомство с высокогорным озером Иссык-Куль, расположенным на высоте 1600 м. На следующий день мы были в Пржевальске. Володичев (2008).

Локишин (2008). В связи с необходимостью сдачи аспирантских экзаменов я не смог выехать во Фрунзе поездом вместе с основной группой участников. Пришлось догонять всех на самолете. Беспосадочных рейсов во Фрунзе из Москвы тогда не было. Мы втроем (кроме меня, Рем Хохлов и Саша Лысенко) летели на небольшом ИЛ-14 до Фрунзе с посадкой в Уральске, а затем, с пересадкой на АН-2, - до Пржевальска, где соединились со всей экспедицией. Локишин (2008).

Тихонова (из писем 1958 г.). В самолете полностью стирается представление о расстоянии. Вечером села в Москве, посмотрела на расходящиеся от города огни населенных пунктов, а затем проснувшись уже над плоской степью, пахнувшей полынью. Встретила восходящее солнышко, потом увидела под собой пустыню, пересеченную дорогами. Медленно проплыло озеро Балхаш - грязное зеленое, с белой каемкой соли и опять пустыня. Потом показались горы, перевела часы на 3 ч вперед и оказалась в городе Фрунзе.

Во Фрунзе я была день. Город хороший, очень много зелени. Здорово по нему гулять вечером. Потом с двух дня до шести утра ехали в кузове грузовой машины до Пржевальска - это 400 км. Проезжали мимо озера Иссык-Куль. Оно очень большое и главное его очарование в том, что прямо над ним поднимаются горы - огромные снежные вершины, очень красивые, с ледниками и ледопадами. Они даже чуть-чуть отражаются в воде. Глядя на вершины, авторитетные люди говорят: «Пуп безымянный», а высота больше 5000 м. Вообще горы Тянь-Шаня гораздо величественнее Кавказа. Пржевальск - совсем особенный город. Раньше здесь была резиденция генерал-губернатора, и он приказал обсадить все улицы тополями: двумя-тремя рядами белоствольных деревьев. Из-за этого город кажется очень красивым. Вообще виды своеобразные, не похожие на наши: широкие, с плавными линиями и замыкаются горами. В Пржевальске мы пробыли несколько дней, закупаая всякую мелочь, продукты и овощи на рынке и упаковывали грузы.

Большая часть денег, выделенных для организации экспедиции МГУ - МВТУ, была использована для закупки снаряжения и продуктов в Москве и проезд участников экспедиции. Оплата по этим статьям проводилась через бухгалтерию МВТУ в основном в безналичной форме. Но по мере удаления от «цивилизации» безналичные деньги оказались непопулярными, и существование экспедиции полностью оплачивалось наличными дензнаками, за которые надо было отчитываться. Игорь Александрович поручил мне собирать документы, подтверждающие эти расходы, а позднее, в Москве, сделать финансовый отчет перед со-

ответствующей бухгалтерией. Эти расходы должны были быть подтверждены документами, имеющими печать. Скажу заранее, что поставленная задача была успешно выполнена.

«В Пржевальске я совсем закурилась. Доставала всякие счета, печати, брала лишние счета и квитанции, деньги считала пятизначными цифрами. Результаты деятельности покажет дальнейшее. Во всяком случае, я была в лучших отношениях со всеми бухгалтерами города, бегала к ним на консультации. К нам они относятся очень дружелюбно»

Тихонова (из писем 1958).

Рыбачье

Малахов (2008). Второй запомнившийся эпизод дороги на Тянь-Шань - путь от городка Рыбачье по озеру Иссык-Куль до Пржевальска. Чтобы добраться с нашими грузами и рюкзаками до Пржевальска Игорь Александрович проявил «здоровую инициативу» - как он делал это всегда. Он

Переноска мешков с рисом на пароход. Несет Фещенко, в очереди Малахов. *Фото Быкова (1958)*

уговорил в порту капитана какого-то небольшого судна, которое дожидалось загрузки нескольких десятков тонн риса и соли с назначением в Пржевальск, доставить нас по озеру (а это около 500 км) на другой его конец. За это Ерохин пообещал, что его студенты окажут команде помощь в погрузке на судно риса и соли. Ударили по рукам. Нам выдали деревянные «козы» (сооружение в виде буквы «Г» из двух толстых досок, которое крепится на спине) и погрузка началась. Альпинисты, конечно, были не слабые ребята, но когда два местных грузчика поднимали 90-килограммовый мешок

риса и, не особо церемонясь, с размаху опускали его на «козу» - ноги подгибались. А дальше - вверх по сходням на судно, где мешок определяли в трюм, и сразу вниз - опять под загрузку. Мешки с солью весили по 50 кг и их, кажется, грузили на «козу» по два мешка. Кто-то носил их по одному, прижимая к животу или на спине. Но нам, кто «трудился на рисе», от этого легче не было. Все работали практически без отдыха и спешили т.к. невыполненных дел по организации экспедиции в Пржевальске было еще много. Погрузку закончили во второй половине дня, наконец-то втащили на палубу судна наши рюкзаки и какой-то общественный груз, расположились и стали с удовольствием разглядывать прекрасные пейзажи на берегах лежавшего в горах озера *Малахов (2008).*

Экспедиция расположилась на грузовом корабле. *Фото Зверева (1958)*

Быков (2008). Утро в Рыбачьем встретило нас прекрасной погодой и красивейшими видами. На берегу рыбацкие сети с утренним уловом - мелкими рыбешками, которых вынимают женщины и дети всех возрастов. А на озере десятки лодок с рыбаками. Самые шустрые из нас пытаются ловить рыбу прямо с пристани на самодельные удилища, но безрезультатно. В Рыбачьем стоит пароходик, который согласился перевезти нас с вещами через Иссык-Куль до Пржевальска. Надо быстро погрузить товар. Товар - это продовольствие. Запомнились мешки с мукой, бумажные мешки с солью по 50 кг и тяжелейшие мешки с рисом по 90 кг. Вот подходят грузиться Гена Фещенко, Саша Абреимов, Воло-

дя Малахов и другие. С этими мешками надо пройти метров 10-15 и повернувшись боком к люку в трюм сбросить их вниз. Мой собственный вес в это время был 62 кг, так что таскать мешки не просто. Особенно неприятно иметь дело с солью. Она отсырела, мешки прорвались, и нести их приходится, прижимая к себе. Соль сыпется, разъедая все ссадины на теле. Наконец погрузка окончена - лежим на палубе и, кажется, плывем. *Быков (2008).*

Пржевальск

Быков (2008). В Пржевальске ночуем в общежитии Пединститута. Утром в первую очередь посещаем противочумную станцию. В районе, где мы будем находиться на протяжении всей экспедиции, среди грызунов, а это мыши и хомяки, обнаружена чума. Всем необходимо сделать противочумную прививку. На станции видим хомячков в вольере. Они такие симпатичные и доверчивые, видим, как рабочие кормят их из соски. Получил справку, где сказано, что эта справка выдана Быкову Борису Захаровичу, 25 лет, из Москвы в том, что ему 5 июля 1958 г. сделана противочумная прививка. Справка хранится вместе с паспортом. На справке печать Пржевальского противочумного отделения. Так как пик Победы - цель нашей экспедиции - находится на границе с Китаем, В Пржевальске. Командир Ерохин встает раньше всех. *Фото Быкова (1958)*

а все подходы к нему лежат в пограничной зоне, то с противочумной справкой направляемся в милицию Пржевальска. Там получаю еще одну справку, где сказано, что я являюсь участником экспедиции МГУ - МВТУ на ледник Южный Иныльчек в район пика Победы. На обороте справки стоит штамп, указывающий - мне разрешен въезд и временное проживание в районе ледника Ю. Иныльчек Ново-Вознесенского района сроком на 60 дней с 5 июля 1958 г. и гербовая печать. Обе справки хранятся у меня до сих пор...

Помню, вечером играли в баскетбол. Игорь Ерохин вызвал на состязание сборную команду Пржевальска! Первую игру мы проиграли со счетом 60:15, во второй счет был чуть приличнее 70:25. Кваса после игры было выпито много. *Быков (2008).*

Дорога из Пржевальска

Из Пржевальска в район пика Победы участники экспедиции добивались разными путями. Примерно половина, проехав часть пути на грузовике, разбрелась по окрестным колхозам получать лошадей. Другая половина через перевал Чон-Ашу поехала до конца автомобильной дороги, до селения Кен-Су на берегу реки Сары-Джаз. Передовая группа хоть и договаривалась с председателями колхозов о лошадях, сама их не использовала.

Погрузка на грузовик в Пржевальске. *Фото Бориса Быкова (1958)*

Стадо колхозных баранов заняло всю дорогу. Фото Бориса Быкова (1958)

Тянь-шаньские ели. Фото Зверева (1958)

Дорога не очень хорошая, поэтому большинство автомашин - грузовики - горьковские полуторки ГАЗ и московские трехтонки ЗИС-5. Загружали машины рюкзаками с личными вещами и общественным грузом в Пржевальске.

Дорога до перевала проходит по живописным местам с тянь-шаньскими елями. Сам перевал Чон-Ашу высокий (4130 м), так что дорога то покрывается льдом, то засыпается метровым слоем снега. Когда ехала передовая группа, на перевале был лед, и нам приходилось вылезать из кузова и толкать ее. Когда экспедиция возвращалась, приходилось ждать, когда бульдозер очистит перевал от снега.

КАРАВАН

Сбор лошадей

В задачу передовой группы входила и разведка: где и сколько можно получить лошадей в колхозах для организации каравана экспедиции. Эту работу передовая группа выполнила. Но как Галустов передал собранную нами информацию Ерохину - неизвестно.

Зверев (2008). Мне вместе с ребятами из МВТУ было поручено достать и перегнать из местных колхозов лошадей для каравана экспедиции. Эта работа была подкреплена директивными бумагами от высокого киргизского начальства. Поэтому нам никто не отказывал, но давали лошадей с большим трудом и старались сбавить самых плохих (они были правы, т. к. в экспедиции пара лошадей пала на леднике Иныльчек). Лошадей сопровождали свои колхозные проводники. Мне пришлось перегонять группу лошадок (штук 8) в компании верхового пожилого киргиза Ерсалы Маразыкова с ружьем за спиной. Он помог мне затянуть подпругу у лошади, я сел в седло и... впервые в жизни оказался верхом на лошади. Ехать верхом было приятно - сидишь высоко, видно далеко.

Однако при каждом шаге лошади ты получаешь удар под зад. К концу нашего путешествия заднее место у меня, неопытного кавалериста, было основательно отбито, и зажило только через недельку-другую уже на ледниках. Маршрут нашего путешествия верхом пролегал по живописным долинам близ Пржевальска, далее через заваленный снегом перевал Чон-Ашу в долину Сары-Джаз и далее на ледник Иныльчек, где мы влились в основной состав экспедиции. После многодневных переходов с тяжелыми рюкзаками на горбу, путешествие на лошади выгля-

дело сказкой. Ты сидишь, а тебя везут. Подъем на перевал выглядит комфортно; проводник вместо дороги ведет караван вверх по крутым тропам, которые нагруженные лошади уверенно проходят. Зато спуск по аналогичным тропам вниз - страшное занятие: ты не видишь, куда ступает лошадь; того и гляди слетишь через голову лошади.

Подобное ощущение я испытал уже в самом конце экспедиции, когда мы свалились с гор к киргизской юрте близ Кен-Су, до которой изредка приезжает грузовик. Ты валяешься в кузове рядом с рюкзаком, а тебя везут... *Зверев (2008)*.

Кен-Су - конец автомобильной дороги

Тихонова (из писем 1958 г.). Через несколько дней снова залезли в кузов и поехали дальше - снова тряска, солнце, духота. Преодолели перевал Чон-Ашу (4130 м), к вечеру спустились в долину реки Сары-Джаз. Поднялись немного по долине и доехали до конца автомобильной дороги. Тут в урочище Кен-Су располагается наш перевалочный лагерь, откуда я и пишу. Этот год не слишком благоприятный, т. к. основная сложность здесь - мягкий крупчатый снег, который лежит на высоте, а этот год очень снежный.

Подготовка грузов для каравана в селении Кен-Су у конца автомобильной дороги. Еще есть хлеб. Он скоро кончится. *Фото Бориса Быкова (1958)*

До сегодняшнего дня погода нас баловала - светило ясное солнце, спрятаться было некуда, все обожглись. Когда светит солнышко, температура доходит до + 40°C, а по ночам наоборот до - 4°C. Вчера вечером погода испортилась, прошли цирусы, и начался дождь. Сегодня вслед за ним пошел снег так, что его легло на землю сантиметра три. Слышу, как он мягко шуршит по палатке. На улице холодно, ходим в пуховых куртках. У меня ее нет, все мокрое, сильно мерзну. Надо вылезать готовить ужин, а как не хочется это делать.

Когда мы прибыли картина была такая: один начальник - Ерохин - командует в Пржевальске, другой - Белопухов - во Фрунзе, раций нет, самолеты стоят. Все бегает от Совета министров Киргизии до Комитета партии. От графика мы отстаем на несколько дней.

Задержка объясняется трудностями с организацией каравана. В колхозах - разгар работ и лошадей достать очень трудно, ребята были разосланы по колхозам и с большим трудом с помощью райкомов и обкома выбили около 30 лошадей с несколькими караванщиками. Передовая группа - голодная сидела за перевалом, следующая группа полуголодная бродила по Сары-Джазу, изыскивая простейший путь на Иныльчек. Теперь все почти либо в Кен-Су, либо выше и медленно двигаются вверх.

Я поражаюсь пробивной способности ребят. Доставали и выбивали совершенно недоступные вещи - рации, лошадей, продукты, документы в погранзону. Вообще экспедиция - дело чрезвычайно сложное и трудное. Почти все ребята уже переболели, кто простудился, кто мучался животом. У Юрика треснуло ребро и болит бок, я простудилась. Многих подорвала верховая езда - ребята 2-3 дня протряслись в седле и приехали полубольные - вот тебе и покатались на лошадаках. С киргизами отношение хорошее, меняем продукты и чай на мясо диких коз - вообще перешли на натуральное хозяйство. Оно не требует большой бухгалтерии, и я прихожу в себя.

Дальше мы пойдем с караваном: переправимся через реку Сары-Джаз и через перевал Тюз перейдем в долину Иныльчек. Кто-то сказал, что с перевала Тюз сняли записку группы Юры Александрова и Днестровского...

Здесь нас четыре женщины - Икуся, Света Шукина, Софа Давыдова (повариха и подруга Белопухова) и я. Софа - фигура калоритнейшая. В ней много хорошего, много плохого, но она обладает могучей энергией и темпераментом... Здесь я ощущаю себя особым существом, отличным от народной массы. Потому что, как ни странно, могу выполнять всякую женскую работу лучше ребят. Приходится по собственной инициативе то стряпать, то шить. Все время хожу с вколотой иголкой. Женский труд здесь в цене... *Тихонова (из писем 1958 г.)*.

Дубинин, Чаянов (2008). Мы были в одной из групп, которая добывала лошадей в колхозах по разнарядке партийной линии. Председатели колхозов запирались от нас в кабинетах или уезжали куда-нибудь, но мы их находили и, в конце концов, «решали вопрос положительно». Образовался табунчик из шести лошадей с табунщиком и при нашем сопровождении двинулся к нашему месту назначения. Запомнились на всю жизнь ночевки под огромными звездами, с седлом под головой. Отсутствие практики ездить верхом быстро сказалось - появились сильные потертости в местах контакта частей тела с лошадей. На третий день пришлось ехать по-женски - ногами в одну сторону. Слава Богу, добрались до реки Сары-Джаз, где находилась вся экспедиция с грузом. *Дубинин, Чаянов (2008)*.

Быков (2008). Из Пржевальска на грузовике едем к реке Сары-Джаз. Останавливаемся лагерем на реке Кен-Су, притоке Сары-Джаза. Здесь на большой ровной голой поляне формируется караван, отсюда дальше вверх идет только вьючная тропа. Через день группа В. Малахова пригоняет табун лошадей. Командовать будут четыре проводника, а мы выполняем черновую работу - помогаем вьючить лошадей. В свободное время тоже нашлась нужная работа - собирать кизяк для костра. Караван везет несколько баллонов с газом, но это для верха. Пока же пищу готовим на костре, единственным топливом для которого служит кизяк - сухой конский навоз, которого на поляне много. Мы все привыкли к этому виду топлива и собираем его в рюкзаки, клеенки и т. д. Но с нами этим же караваном идут и чешские друзья альпинисты, для которых такое топливо - экзотика. Первые «порции» кизяка они приносят держа двумя пальцами через бумажку. После активных объяснений остальных членов экспедиции, следующая «порция» в виде мокрого навоза была принесена голыми руками. Это недоразумение еще долго всех веселило. Никто не сидит без дела. Врач экспедиции Аркадий Цирюльников постоянно проверяет наше здоровье. Если кто-то жалуется на недомогание, то лучшее средство для профилактики - укол в филейную часть. Миша Шпагин не только альпинист, но и мастер спорта по стрельбе, пристреливает свою боевую винтовку. Он и Саша Абреимов должны кормить участников экспедиции свежим мясом вплоть до достижения ледника. *Быков (2008)*.

Тихонова (2008). Итак, в Кен-Су собирался караван. Не могу сказать, что можно научиться вьючить лошадь, послушав об этом теорию. Постепенно мы обучались этому опытным путем. Когда лошадь взнузда-

на, оседлана, навьючена и все ремни затянуты, наиболее ответственным был завершающий шаг - надо было пнуть лошадь ногой в живот. А когда лошадь выпускала воздух, подходил караванчик и еще раз подтягивал ремни. *Тихонова (2008)*.

Шполянский (1998). Мы с Володей Малаховым должны найти лошадей в поселке Тюп и пригнать в долину Сары-Джаза. За помощью обращаемся к местным партийным организациям. Однако только с третьей попытки удалось обо всем договориться. Во главе с известным высотником Петром Скоробогатовым и местным охотником отправляемся в конный поход, который оказался очень интересным. Сначала на лошадях шли к высокогорным пастбищам - сыртам, на которых паслись табуны колхозных лошадей. Местными «ковбоями» были заарканены и подкованы лошади. Через перевал ведем лошадей в поводу и спускаемся в долину Сары-Джаза. Здесь нас уже ждут участники экспедиции, приехавшие на автомашинах с грузами. *Шполянский (1998)*.

Оружие и охота

Шпагин (2008). Наши приключения, связанные с наличием у нас оружия, которое мы несли в упакованном виде, начались неожиданно. Рано утром, а мы еще не вышли из палаток, снаружи послышались осторожные шаги и тихий разговор. Мы с Сашей Абреимовым напряглись и теснее прижались к тюку с винтовками. Мало ли что, место глухое, цивилизацией даже не пахнет.

Я осторожно выглянул из палатки и увидел невдалеке на камне двух киргизов, которые ждали нашего пробуждения. Ситуация по местным обычаям оказалась совершенно нормальной - местные жители пришли с визитом вежливости знакомиться. Состоялся неторопливый разговор. Скоро стало ясно, что наших визитеров интересует не столько мы сами, сколько тот большой и тяжелый тюк, который не очень похож на альпинистское снаряжение. Это было несколько странно и подозрительно. Этих киргизов мы по дороге нигде не встречали, упаковка с оружием оставалась пока в палатке нераспечатанной. Чувствовалось, что они уже знали об оружии.

Все оказалось значительно проще, чем нам представлялось в начале знакомства. В этой местности все мужчины - охотники. Некоторые не пасут скот, их профессия - охота. По тогдашним законам им разрешалось иметь только охотничьи ружья и мелкокалиберные винтовки. А тут представилась возможность близко познакомиться с настоящим боевым оружием, а может быть даже пострелять. Отпираться было бесполезно, пришлось распаковывать наш груз.

Каким образом местные киргизы в этой глуши узнали о нашем оружии еще до нашего прихода - остается только догадываться. Правда за два дня до этого мы отмечались у пограничников и, конечно, представили им документы на винтовки. Наверное, через них об этом стало известно некоторым киргизам. Далее все просто: по местному «телеграфу», пока мы шли, информация двигалась быстрее нас.

Как только наши гости-киргизы убедились, что мы имеем винтовки, они тут же стали приглашать нас на охоту на горных козлов, и конечно, с нашими винтовками. Киргизы были вежливы, но настойчивы. Отговориться не удалось. По общему согласию на охоту отправили меня.

Через некоторое время уже трое киргизов на лошадях вновь появилось у наших палаток. Одну лошадь они привели в поводу - это для меня. Следует отметить, что, несмотря на мое профессиональное стрелковое прошлое, охотником я никогда не был.

Около часа ехали по какому-то небольшому боковому ущелью. Киргизы впереди, я сзади - так мне казалось спокойнее и безопаснее. Кругом красота: «зеленка», камни, скалы и конечно горы. Вдруг мои спутники все как по команде буквально свалились к ногам своих лошадей. Ничего еще не понимая, я последовал их примеру. Они дружно показывали куда-то вверх по ущелью, возбужденно, но тихо проговорили: «Миша, смотри, там козел, надо стрелять!» Не сразу далеко впереди на гребне небольшого отрога я увидел маленькую точку, это пасся козел. На нас он не обращал никакого внимания или просто еще не заметил.

Я стал быстро готовиться к выстрелу. Установил винтовку на кочку, конечно, стрелять решил с упора. До цели было никак не меньше 500-600 м. На полигоне стрельба на такую дистанцию дело обычное. Даже упражнение было - 600 м лежа с оптическим прицелом. Я выстреливал больше 190 очков. А здесь-то оптики нет, только открытый прицел, да и линия стрельбы вверх под углом около 30°.

А киргизы торопят: «Миша, стреляй, уйдет!» Надо стрелять. Ну, думаю, опозорюсь, промажу. Установил планку прицела на отметку 6, разыскал в прорези прицела козла. А он настолько маленький, что проектируется на мушке чуть больше чем ее ширина. Киргизы притихли. Отступить нельзя. Прицелился, выстрелил. Успел отметить, что козел как-то странно подпрыгнул и пропал.

Мои друзья-охотники все разом вскочили, загалдели, как на олимпийских играх. Сразу спустили двух собак, которые до этого момента вели себя тихо и незаметно. Очень быстро собаки были на том месте, где мы только что видели козла. Оказывается, что он был еще там. Как только появились собаки, козел вскочил с травы и бросился от них

наутек. Но не тут-то было. Буквально через несколько минут умные собаки пригнали его практически к ногам своих хозяев. Он еле-еле держался на ногах. Пуля пробила ему бок.

Киргизы вручную закончили начатое мной дело и тут же освеживали добычу. Все были довольны и возбуждены. Восхищались достоинствами боевого оружия для охоты в горах. Им было невдомек, что я очень сомневался в успехе своего выстрела, и что мне повезло. Но как бы то ни было, я чувствовал себя скромным героем.

В тот день наши охотничьи приключения еще не кончились. Пока я о них рассказывал в лагере, к нам вновь пришли гости, теперь уже человек 8-10. На правах старых знакомых они стали просить дать им стрельнуть из наших винтовок.

Чтобы не портить установившиеся отношения и общее хорошее настроение, пришлось пойти им навстречу. Патронов мы получили в Москве более чем достаточно, отчетность по ним не оговаривалась.

Тут же недалеко от палаток организовали огневой рубеж - выбрали безопасное направление стрельбы. Стреляли через реку в крутую и высокую каменную осыпь. Дистанция примерно 250-300 м.

Вначале гости, которые были очень организованы, получили возможность сделать по три выстрела. Понравилось, разохотились. Мы выделили им еще по пять патронов. Я все время стрельбы стоял над стреляющими - мало ли что может быть. Из деревни между тем подходили зрители, которые в сторонке с интересом наблюдали за развлечением их односельчан-охотников. Они бурно реагировали, обсуждали каждый выстрел и результаты попаданий. Мишенями были заметные камни в осыпи. Этот аттракцион продолжался около 1,5 ч. Окончился он моим выстрелом. Все вместе выбрали на осыпи камень. Чтобы не опускать свой стрелковый авторитет, я решил стрелять стоя (в спортивной практике это обычное дело). Выстрел удался, камень разлетелся на несколько кусков. Все пришедшие гости и охотники шумно отреагировали на это попадание.

Этот неожиданный для местных киргизов праздник мог бы продолжаться еще долго, им все понравилось. Чтобы прекратить его мы стали собираться в дорогу. Расставались друзьями. *Шпагин (2008).*

Чадеев (2008). Мне запомнился еще один эпизод с охотниками. Когда я и еще кто-то из передовой группы прибежали за едой в устье реки Иньльчек, то на другом берегу Сары-Джаза были наши охотники, которые охотились вместе с киргизами. Они подстрелили несколько козлов и разделили их между аборигенами и экспедицией. Это место на-

ходится на 50 км ниже по течению Сары-Джаза от селения Кен-Су, где у конца автомобильной дороги была база экспедиции. Это было еще до прилета самолетов. *Чадаев (2008).*

Переправа через Сары-Джаз

Быков (2008). Утром, на рассвете караван трогается в путь - идем вверх к реке Сары-Джаз. Каждый из нас ведет свою лошадь и должен следить и ухаживать за ней. Ерохин издал приказ: если у кого-то лошадь падает, то альпинист тащит груз сам. Приказ конечно невыполнимый, но строгий. Тропа прочная, набитая, вьется вдоль реки. Отряд растянулся на большое расстояние. Лошади смирные, послушные и симпатичные. Есть среди них грустные, умные, красивые, упрямые - все как у людей. Подходим к переправе через Сары-Джаз. Это самое широкое место, но все равно глубоко (по грудь) и холодно. Переправляемся на лошадях по два человека с рюкзаками. Проводники связали лошадей за поводка друг с другом, а на первой лошади едет один из них.

Рядом с ним плывет и собака - друг и пастух. Вместе с нами через реку переправляются и наши овцы, вернее баран и три овцы.

Переправа через Сары-Джаз. Собака за хозяином, который везет «пассажира», плавают туда-сюда в ледяной воде. *Фото Бориса Быкова (1958)*

Переправа через Сары-Джаз связанных друг с другом лошадей.
Фото Бориса Быкова (1958)

Перегонять овец Ерохин поручил Ие Соколовой, очевидно, считая, что задача близка к кухне, а значит - женщина. Но здесь он ошибся. Следить за овцами труднее, чем за лошадьми. Перед переправой проводник связал овец длинной веревкой, а веревку привязал к своей лошади, иначе овцы сами в воду не шли. Выволокли овец на противоположный берег в обморочном состоянии - они лежали на боку без признаков жизни. Вокруг овец ходила Ия, у которой из глаз лились слезы, и умоляла их встать. Все напрасно. Но вот к овцам подошел Коля Володичев, пнул барана ботинком в брюхо, сказав при этом: «Кончай придуряться, гад». Очевидно, такое обращение барану было привычнее, он вскочил, а за ним потянулись овцы. *Борис Быков (2008).*

Белопухов (1993). Запомнилась переправа через Сары-Джаз. Река огромная, стремительная, страшная, - катятся огромные валы, чуть что - унесет, и костей не соберешь. Где-нибудь в Китае выловят обломки. А лошадь знай себе - плывет, справляется с течением. Она привычная. Но очень страшно сидеть на этой лошади, спокойно минующей водовороты и сбросы. Если глаза открыть - от страха начинает кружиться голова, кажется, ты сейчас свалишься в этот водоворот, бурное течение размажет тебя по огромным валунам. Так что лучше закрыть - но

тогда еще страшнее, как будто ты уже крутишься и гибнешь в речной пучине. Ты видел, как переправлялись другие, ты видишь их на другом берегу, живых и невредимых, выжимающих штаны и раскладывающих для просушки вещи. Но не веришь в то, что тебе повезет так же, как и всем. А лошадь знает свое дело и, в конце концов, желтого от ужаса, вытаскивает тебя на противоположный берег. *Белопухов (1993).*

Тихонова (2008). Переправа через реку Сары-Джаз была спокойной. Я сидела позади караванщика, вода едва доставала до брюха лошади. *Тихонова (2008).*

Шпагин (2008). Для переправы через Сары-Джаз киргизы дали нам двух лошадей и объяснили, как ими пользоваться. Это оказалось не очень сложно, т. к. лошади животные умные. Непосредственно на переправе они многое делали самостоятельно без наших руководящих подсказок. В их действия, когда они входили в воду, мы старались не вмешиваться, тем более что дна реки все равно не было видно.

Наши вещи и мы сами переправились благополучно за несколько челночных рейсов. Все шло гладко. Когда настала моя очередь, я бодро взгромоздился в седло и крепко уцепился за уздечку. Лошадь спокойно вошла в воду в том же месте, где переправлялись все (так мне, по крайней мере, показалось), и пошла к другому берегу. Ширина реки здесь была около 15 м. Вдруг на середине реки мой «транспорт» без предупреждения погрузился в воду по самые уши, я, конечно, вместе с ним. Лошадиную шею, седло и, конечно, уздечку решил не выпускать. Ис-Караванщик едет, альпинисты идут. В седле место только для караван-баши. *Фото Бориса Быкова (1958)*

Лошадей ведет инженер КБ-1 Гена Фещенко. *Фото Бориса Быкова (1958)*

пугаться не успел (но рассмеялся), купание быстро кончилось. Лошадь проплыла несколько метров и вместе с течением, нащупала ногами дно и спокойно вышла на нужный мне берег. Оказалось, мы попали в глубокую промоину на дне реки. Лошадь просто намокла и не расстроилась, а мне пришлось переодеваться, в рюкзаке нашлись сухие вещи. *Михаил Шпагин (2008).*

Перевал Тюз

Белопухов (1993). Лошади должны были, по ерохинской задумке, дойти до начала ледника Звездочка, до высоты 4000 м. Дойти по 70-километровой долине ледника Иньльчек. Но сначала, после Сары-Джаза, нам надо было пройти перевал Тюз. Пятитысячный перевал, где уже не было травы.

Шел дождь со снегом, все затянуто было туманом, все выше и выше поднимался наш караван, минуя травянистые поляны с пасущимися на них стадами овец. Пастухов, чинно восседающих на своих конях, и охраняющих стада собак не очень интересовало, куда идут эти люди. Ни один не подъехал к нам, не спросил. Возможно, они впервые видели такое столпотворение в горах - непонятное скопление людей, лошадей

Бараны на перевале Тюз. Фото Юры Зверева (1958)

и тюков с грузами. Восточный человек - спокойный человек. Раз люди куда-то идут - значит, так надо. А ему самому надо пасти овец.

Чем выше мы поднимались к перевалу, тем сильнее становился снегопад. Снег лежал уже почти метровыми сугробами. А сам перевал, когда подошли, оказался завален снегом метра на три. Лошади пройти не могли даже налегке, без груза. Люди, овцы, лошади - все сгрудились у края снежной цитадели. Белопухов (1993).

Володичев (2008). Вести баранов на ледник Иньльчек Игорь Ерохин поручил мне и Ие Соколовой. Однажды рано утром, еще в долине реки Тюз, мы к своему ужасу баранов не обнаружили. Неужели их утащили волки, подумали мы. Теперь Ерохин наверняка выгонит нас из экспедиции. Стали внимательно просматривать верхнюю часть склона и с большим трудом далеко вверху увидели маленькие двигающиеся серые черточки. Взяв лыжную палку, я как мог, стал быстро подниматься вверх по склону и вскоре убедился, что наверху действительно гуляли наши бараны. Тихо, чтобы не вспугнуть баранов, обошел их справа и, оказавшись выше их, стал потихоньку, помахивая палкой, отгонять их вниз, к нашей палатке. К счастью, все бараны оказались целы.

Но этот случай стал для нас хорошим уроком. Впредь, перед тем как ложиться спать, мы перевязывали всех баранов вместе и крепко привязывали их к какому-нибудь большому камню. Через день-два подошли

Бараны в горах. Фото Бориса Быкова (1958)

к переправе через реку Тюз. Река небольшая, но бараны наотрез отказались ее переходить, как я ни пытался заставить их это сделать. Тогда я обвязал шею одного из баранов веревкой и стал тянуть его к реке. Баран сопротивлялся изо всех сил, а перед самой рекой повалился набок на землю. Я продолжал его тащить, надеясь, что в воде он поднимется. Но баран продолжал лежать и в таком состоянии я протащил его через реку на другой берег. Баран продолжал лежать на земле. «Неужели захлебнулся и умер?», - подумал я в испуге. Обойдя барана, я ботинком поддал ему под зад. Баран тут же вскочил и встал на ноги. Мой испуг тут же улетучился. Таким же образом я перетащил через реку по одному всех баранов, награждая под конец каждого пинком под зад, после чего они вскакивали и вставали на ноги. Наблюдая за моими действиями, Икуся от всей души громко хохотала, как только она умела это делать. Семь баранов мы с Ией перевели через перевал Тюз и дошли с ними до Чон-Таша. А дальше - вверх по ледникам Иньльчек и Южный Иньльчек - их вели уже другие участники экспедиции. Володичев(2008).

Быков (2008). Поход продолжался. Весь день идем вверх вдоль реки Тюз. Дорога однообразная. Перед моим носом мелькают копыта впереди идущей лошади и ее хвост. И так час за часом. Чтобы сделать боковые фотокадры приходилось бросать поводья и отходить в сторону.

Для того, чтобы не оставлять лошадь без присмотра, я стал привязывать поводья своей лошади к хвосту впереди идущей. Это было удобно мне, но не понравилось лошади - у нее оторвались волосы от хвоста, и она стала брыкаться. Удар копыт пришелся в нижнюю крышку одного из висящих на мне фотоаппаратов, оставив вмятину на крышке, а не на мне. Конец дня, погода стала портиться, пошел снег. Подошли к перевалу Тюз. Решили встать на ночевку. Метель, снег. Спали как убитые.

Утром вылезая из палатки. Картина неприглядная - все вокруг покрыто снегом и скалы, и долины. Жалкий вид у палаток соседей, они были плохо натянуты и провисли от снега. Алим Романов и Боря Чайнов выжимают спальные мешки, из них ручьем течет вода. Лошади ходят между палаток и, разгребая копытами снег, пытаются добраться до травы. Овцам еще хуже. Они совсем голодные. На ночь были связаны друг с другом, чтобы не разбежались. Овса им не давали. Алим Романов подкармливает свою лошадь прямо из мешка с овсом, перед тем как вести ее через перевал Тюз. Конечно, лошади такой еды мало, это всего лишь УДП - усиленное дополнительное питание (термин 1941 г.). Эту аббревиатуру стали расшифровывать как - «умрешь днем позже». Разгрузили лошадей, некоторых совсем; других, которые покрепче, наполовину. Пробиваемся на перевал. Снег по колено. Несем в основном продукты в ящиках, притороченных к станкам или в рюкзаках. Идем группами или поодиночке.

Непогода не прекратилась, но стало светлее. Наконец, прошли перевал, и выглянуло солнце. Настроение улучшилось, теперь вниз. *Быков (2008).*

Караван на перевале Тюз. Там внизу Иньльчек. *Фото Бориса Быкова (1958)*

Тихонова (2008). Из дальнейшего путешествия наиболее острым моментом для меня (вернее, для нас с лошадью) был переход через перевал Тюз. Лошадь, которую я вела, имела очень капризный характер. При хорошей погоде она поднималась на перевал спокойно. Но когда стали подходить к перевалу, погода испортилась, со стороны Иньльчека подул резкий ветер, и пошел мелкий снег. А лошадь все норовила повернуть обратно. В результате мы оказались в хвосте каравана. А на перевале она встала.

И сколько я ее не тянула за повод, не погоняла ледорубом - лошадь ни с места. Снег все сильнее заметал тропу. Тут снизу появился всадник-караванщик. Он все рассказал лошади на понятном ей языке, стеганул кнутом, и лошадка как миленькая пошла вниз. Я за ней. Потом мы поменялись местами и благополучно дошли до Чен-Таша. *Тихонова (2008).*

Охота у Чон-Таша

Быков (2008). Спустились с перевала Тюз. Солнце, тепло. Сохнем, едим. Встаем на ночевку. В центре - отель «Троглодит» - каменная пещера, где могут укрыться от непогоды несколько человек. В нем ночевали и жили наши охотники - Миша Шпагин и Саша Абреимов. Утром все во главе с Ерохиным ловят овец, которых не связали на ночь, чтобы они лучше поели. Проводники меняют сбитые подковы у лошадей. Завтра снова в путь. *Быков (2008).*

Спуск с перевала Тюз в непогоду.
Фото Бориса Быкова

Шпагин (2008). Местом стоянки, на которой нам предстояло дожидаться и пропускать в сторону базового лагеря под пиком Победы прибывающие группы, мы выбрали пещеру под огромным камнем, примерно в 1,5 км от ледника Иныльчек. Вытекающая из ледника река Иныльчек протекала примерно в 100 м от нашего лагеря. Пещеру, уютившую нас, мы назвали отель «Троглодит». Сделали зубным порошком соответствующую надпись.

Под камнем в ожидании последней группы мы провели около двух недель. Цивильные продукты постепенно кончились, остались в достатке только соль и спички. Питались в основном мясом, которое я добывал охотой в изобилии. Теперь как «опытный» охотник я каждые 2-3 дня выходил вверх и вперед по склону над ледником в поисках козлов. Как правило, днем они паслись стадом (иногда по несколько десятков) высоко на отрогах гор. Во второй половине дня к вечеру стада разбивались на небольшие группы по несколько особей и спускались в долину на водопой.

Моя задача состояла в том, чтобы найти и незаметно перехватить их по дороге. В том месте это оказалось не так уж и сложно, нужно было только иметь терпение. Спускаясь, козлы продолжали пастись. Один из них при этом был постоянно на стороже. Мне нужно было незаметно и тихо подойти на расстояние уверенного выстрела, то есть на 250-300 м. Иногда приходилось практически ползти по-пластунски. Неудачных выходов на охоту за время стоянки не было. Всего мне удалось подстрелить 4-х козлов. Одним из них был старший - наблюдающий. Когда я подкрадывался к его группе, он почувствовал мое присутствие и насторожился. Однако я опередил его. Козел стоял на камне и смотрел в мою сторону. Расстояние было оптимальное - 250 м, пуля пробила ему лоб.

В живом весе козлы весят больше 100 кг. Мне одному было не под силу дотащить добычу в лагерь. Я вызывал подмогу - делал подряд три условных выстрела. Пока подходили товарищи, я успевал выпотрошить и освежевать тушу (подсмотрел, как это делают киргизы). Не очень профессионально, но мне это удавалось.

Для личного потребления нам столько много мяса, конечно, не было нужно. Все туши, завернутые в освобожденные шкуры, сволакивали вниз на ледник в место, где должны были проследовать в верхний базовый лагерь прибывающие группы. Здесь мы вырубали ледорубами во льду объемные ямы, закладывали в них мясо и засыпали его льдом, а сверху камнями. Над местом складирования мы выкладывали из камней высокий заметный тур. Таких морозильников мы соорудили три. Всем прошедшим мимо отеля «Троглодит» группам были даны описания ориентиров для нахождения сделанных к их приходу закладок.

Мне не известна судьба заложенного в ледник Иныльчек мяса, но надеюсь, что я охотился не напрасно.

Со стоянки у отеля «Троглодит» наша группа ушла с последним караваном участников экспедиции. Мне запомнился один случай.

Одна из наших лошадей так натрудила на камнях свои ноги и сбила их, что в изнеможении легла и отказалась идти дальше. Поклажа, которую она несла, была перегружена на других лошадях. Упавшую лошадь погонщики-киргизы оставили на том же месте, где она упала. Нам было жалко бедное животное, но погонщики заверяли нас, что лошадь отлежится и сама вернется домой. Наверное, они знали, что говорили. *Михаил Шпагин (2008)*.

Ледник Иныльчек

Быков (2008). Наш караван с каждым днем поднимается все выше и выше. Кончились грунтовые тропы и долины с чахлой травой. Тропа пролегла по камням, часто покрытым снегом и льдом. Лошади идут неуверенно, часто спотыкаются, ноги у них разъезжаются, они теряют равновесие и падают. Поднять упавшую с грузом лошадь совсем непросто, уж очень большой груз она везет. Приходится развьючивать, поднимать, опять навьючивать. Уходит много времени. Караван растягивается по едва заметной тропе.

Лошади смирные. Пока мы возимся, они стоят, наклонив голову, не шевелясь и мелко вздрагивая. И так каждый день с утра до вечера. Каждый вечер осматриваем лошадей. Проводники-киргизы проверяют под-

Падшая лошадь. Фото Быкова (1958)

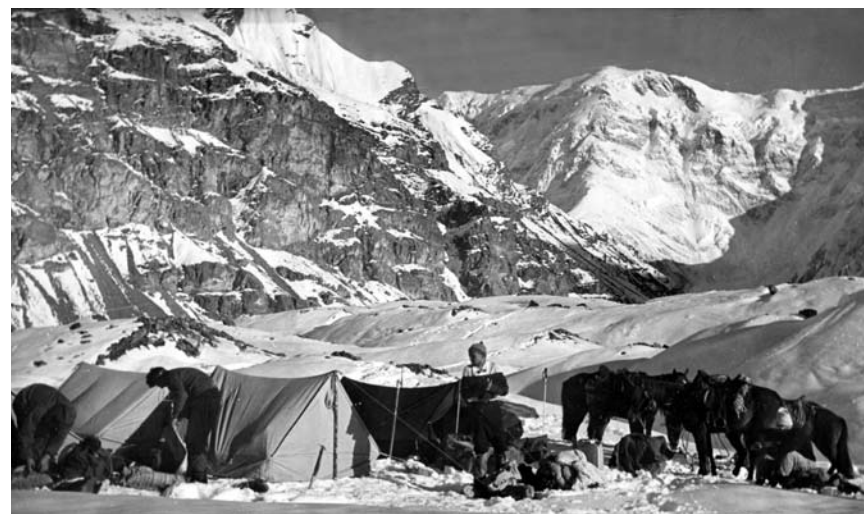

Разгрузка упавшей лошади.
Фото Быкова (1958)

«Ремонт» лошади. Врач
Аркадий Цирюльников под
местным наркозом зашивает
рану на холке лошади.
Ассистирует Икуся Соколова.
Фото Быкова (1958)

Последняя ночевка лошадей. Дальше они не пойдут. Фото Зверева (1958)

ковы, ставят новые. Нашему врачу нас лечить пока не приходится, все здоровы. А лошади сбивают ноги, стирают холки. Вечером, после осмотра лошадей, Аркадий просит меня, Ию Соколову и Борю Чайнова быть его ассистентами при операции. Мы с Борисом должны держать лошадь с боков, чтобы она не дергалась, а Ия - подавать инструменты. Зрителей было много. В первую очередь проводник, который смотрел на происходящее испуганно и удивленно. Лошадь вела себя очень спокойно, а уж после инъекции наркоза даже не шелохнулась. Операция прошла успешно, большая рана на холке лошади зашита, зрители довольны. Утром лошадь могла продолжить путь.

Дорога до ледника Южный Инылчек вполне сносная. Двигались медленно, лошади подустали, грузы на стоянках приходилось поправлять и кормить лошадей. Никакой травы уже не было, кормили овсом, который несли с собой. Норма две тюбегейки овса в сутки. Кормили из рук, из шапок и шляп. Мы идем по леднику Южный Инылчек, по снегу и льду. По-весеннему течет рядом ручеек. Светит солнце, тепло. Похоже на нашу апрельскую погоду. Сегодня последний день пути с караваном и последняя совместная ночевка. Лошади дальше не пойдут. Они с проводниками возвращаются назад, а мы вперед и вверх к леднику Звездочка.

Утро, холодно. Ярко светит солнце. Борис Чайнов разбирает кухню. Походная кухня - это газовая плита с горелками и баллоном, котлы, жерди. Бедные овцы жмутся к кухне. Есть им нечего. Они ждут своей

Голодные лошади уходят вниз. Фото Быкова (1958)

судьбы - тоже идти вверх по леднику. Овцы - это наше мясо. Пока они смогут идти, они будут идти с нами, все четверо. Некоторые тщетно нюхают снег, пытаясь под ним унюхать землю и траву. Все напрасно - под снегом один лед. Быков (2008).

Локшин (2008). На ледник Звездочка надо было не только подняться самим и донести груз, который ранее везли лошади, но и перегнать стадо баранов - запас мяса для участников. С баранами связаны два воспоминания. Первое - это то, что я получил из-за них незаслуженный нагоняй от Ерохина в связи с трагической гибелью одного из баранов. Баран упал в трещину на леднике, откуда его уже не удалось извлечь.

Дело в том, что в какой-то момент нашего движения по леднику ко мне подошел Ерохин и приказал догнать идущее впереди стадо (не помню, кто его гнал) и обеспечить безопасную переправу баранов через трещины. Однако я опоздал. Когда я догнал стадо, один из баранов уже был в трещине. Всех остальных баранов через эту и другие трещины мы благополучно переправили, но когда Ерохин узнал о гибели одного из баранов, его гнев пал на меня - «Ведь я же тебе поручил!» Хотя все произошло до моего прибытия, и моей вины здесь не было.

Второе воспоминание связано с тем, что сразу после прихода в лагерь на 4200 м баранов следовало зарезать, а мясо положить на сохранение в леднике. Это надо было сделать быстро, поскольку баранов было нечем кормить, и они катастрофически быстро теряли в весе. Тут-то

Переход от ледника Иныльчек к лагерю на 4200 м. Фото Бориса Быкова (1958)

и выяснилось, что среди наших мужественных спортсменов, состоявших, в основном, из высокообразованной публики (студенты, аспиранты, преподаватели ВУЗов, молодые специалисты, профессора и т. д.) нет никого, кто умел бы или взял бы на себя смелость зарезать барана. Оказалось, что эта задача труднее, чем самое сложное восхождение. К счастью, среди нас нашелся один кавказец - Вано Артемович Галустов. После того, как он появился в лагере, эта проблема была успешно решена. Локшин (2008).

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЕЙ

Базовый лагерь на 4200 м

Богачев (2008). Наутро погода установилась хорошая. Светило солнце и мы быстро дошли до языка ледника Южный Иныльчек, вышли на его боковую морену и заснеженными моренными полями двинулись вверх в сторону впадения в Южный Иныльчек ледника Звездочка. Часа через три на белом фоне ледника мы увидели несколько фигурок людей, которые шатаясь шли нам на встречу. Я распорядился для облегчения

рюкзаков оставить часть продуктов на морене и в еще большем темпе идти на встречудвигающимся к нам людям. Приблизительно через час мы обнимались с обгорелыми, голодными и счастливыми нашими товарищами. Вид у них был соответствующий. Уже несколько дней они жили на голодном пайке. Они ушли вниз, взяли с собой минимум и оставили все, что было из продуктов оставшимся ожидать самолеты. И вот в момент нашей встречи послышался гул самолетов, и на небе появились три точки - три самолета. Они шли на высоте выше 8000 м. Но на голубом небе четко видны были их очертания. Мы тут же развели два примуса. На одном стали греть мясо, а на втором кипятить чай.

Дима Карпов вынимает из контейнера, попавшего в воду, консервы и воблу. Сзади - Вадим Дубинин. Фото Бориса Быкова (1958)

Ребята набросились на колбасу и хлеб, началось радостное употребление продуктов - их было в достатке.

Рассказав оголодавшим друзьям, где мы оставили для них на леднике продукты, мы впятером двинулись в еще более высоком темпе вверх для помощи верхней группе, которая приступила к поискам парашютов с грузами. К вечеру мы были на левой боковой морене ледника Звездочка. Здесь передовая группа (для поиска парашютов) поставила свои палатки, которые были первыми в нижнем базовом лагере экспедиции. Одна палатка была на противоположной стороне ледника, на правой боковой морене. Далее жизнь мобильной группы поддержки влилась в общую жизнь передового

Сушка воблы из промокшего контейнера. Фото Бориса Быкова (1958)

Базовый лагерь на 4200 м. Вода только из проруби, рек нет. Фото Бориса Быкова (1958)

Аня Тихонова с Соней Белопуховой на кухне базового лагеря (4200 м).
Фото Бориса Быкова (1958)

отряда экспедиции. Главная задача - поиск грузов, выброшенных на парашютах и разбросанных по всему леднику Звездочка. На следующий день мы разделились на группы по два человека и отправились на поиски парашютов.

Пока члены передового отряда путешествовали по леднику, фиксируя места приземления парашютов, основной состав экспедиции подошел к базовому лагерю. На левой морене ледника кипела работа. Установили несколько больших шатровых палаток для кухни-столовой, склада продуктов, медицинского кабинета и радиостанции.

Поставили коротковолновую антенну и установили радиосвязь с Пржевальском и Фрунзе. Девушки и несколько помощников - ребята готовили пищу на большой газовой плите. Лагерь наполнился радостными голосами. Все были в восторге от окружающих гор. Было всеобщее ликование.

Наутро следующего дня Игорь собрал тренерский совет, введя в его состав и меня. Обсудили план работы на ближайшие дни. Прежде всего, нужно было собрать в одно место разбросанные по леднику контейнеры. На проведение данной работы определили два дня. При этом решили, что контейнер под перевалом Чон-Терен спускать вниз не будем, а т. к. он находился на пути основного маршрута, то по дороге его постепенно разгружать. Кроме того, один контейнер упал в центр ледника, и тогда решили в этом месте создать верхний базовый лагерь и соорудить там снежный городок. Это оказалось прекрасной идеей. Далее обсудили план выходов групп для акклиматизации и создания промежуточных лагерей на склонах пика Победы. На этом заверши-

лось первое заседание тренерского совета в нижнем базовом лагере на леднике Звездочка.

После заседания Ерохин собрал весь состав экспедиции. На прогретых солнцем камнях морены расселась разноцветная, в пуховках и свитерах, огромная и впервые появившаяся в таком количестве среди великих гор масса людей. Все притихли в ожидании речи своего начальника и теперь уже соратника - Игоря Ерохина. Он встал около большого мореного валуна, в тренировочном костюме, снял свою шерстяную шапочку и сказал: «Друзья мои, мы долго, несколько лет шли к этому изумительному месту на Земле, к этой суровой, величавой вершине. И вот мы здесь, в ее объятиях. Она смотрит на нас с огромной высоты и, кажется, спрашивает нас: «Ну, как, я вам, довольны? Добро пожаловать! Но знайте, дальше дорога будет еще труднее».

Игорь вздохнул, погладил свою лысеющую голову и продолжил: «Мы с вами преодолели немалый и сложный путь, и это вселяет в нас уверенность, что дальше мы также будем двигаться вверх. Теперь все зависит только от нас. Поэтому за работу».

Далее он рассказал о ближайших планах экспедиции, составе групп, распорядке дня в базовом лагере. К этому многие привыкли по опыту предыдущих сборов на Кавказе. Начались перекрестные вопросы, и

Игорь Ерохин (в белой рубашке) открывает лагерь на 4200 м. Стоят слева направо Соколова, Тихонова, Муравьев, Морозов... Справа от Ерохина - Галустов, Цирюльников, Скоробогатов, Лысенко. Фото Бориса Быкова (1958)

Теперь можно и поесть. Слева Игорь Ерохин, справа - Борис Захарьев.
 Фото Бориса Захаровича Быкова (1958)

жизнь пошла по намеченному плану. Народ стал обмениваться впечатлениями. Прежде всего, всех поражала панорама высоких окружающих вершин. Могучие, закованные в лед скальные гиганты - пики Горького, Хан-Тенгри, Военных Топографов и, наконец, великий пик Победы. На его склонах были видны следы падающих лавин, а на гребне - снежные флаги, поднятые сильными порывами ветра. Взору представился, кажется, нереальный мир. Мир наших мечтаний, наших грез и желаний. Все казалось фантастическим. Но это была правда. И каждый в глубине души отдавал должное тому, что это свершилось благодаря воле, силе духа и таланту Игоря Ерохина. В молчаливом восхищении медленно участники экспедиции расходились по своим палаткам раскладывать снаряжение, сушить промокшие вещи. На кухне готовился первый большой общий обед. В продовольственной палатке и на кухне хозяйничала Соня - жена Андантина Белопухова. Ей помогала целая бригада дежурных - помощников. По лагерю разливался запах вкусных блюд, которые к первому дню работы экспедиции на леднике Звездочка го-

Лагерь на 4200 м. Чехи около платки радистов (справа). На дальнем плане слева пик Максима Горького, справа - Хан-Тенгри. Фото Зверева (1958)

товила Соня со своими помощниками. В это время радисты развернули радиостанцию и установили коротковолновую антенну.

И вскоре в Пржевальск, Фрунзе и Москву полетели радиogramмы о том, что экспедиция успешно добралась до ледника Звездочка, установила там 1-й базовый лагерь и, самое существенное, осуществила десантирование грузов на парашютах на ледник Звездочка. Из комитета, Москва пожелала нам успешного продолжения экспедиции. Игорь Ерохин с восторгом принял сообщение из Москвы.

К 3 ч дня был накрыт стол, и началась приятная трапеза у подножия тьянь-шаньских великанов. Два следующих дня основной состав экс-

Радист Иосиф

педиции занимался транспортировкой содержащихся в контейнерах грузов. В эти же дни Игорь Ерохин провел рекогносцировочный выход в центр ледника Звездочка. Вернувшись к вечеру из своего похода, он объявил о целесообразности создания 2-го базового лагеря в центре ледника. *Богачев (2008).*

Володичев (2008). Оборудовав базовый лагерь, экспедиция готовилась целиком перейти под перевал Чон-Терен, где создавался верхний лагерь на высоте 5500 м.

Перед выходом в верхний лагерь Игорь Александрович распределил десять пар шекельтонов, специально изготовленных для нашей экспедиции.

Десять пар стоят на камнях морены перед Игорем Александровичем Ерохиным. К моему удивлению, первую пару шекельтонов он предложил выбрать мне. Вторую пару Ерохин выбрал сам, третью Адик Белопухов, четвертую Иван Богачев. В это время подходит ко мне Вая Божуков и просит меня напомнить Ерохину, что он тоже участвовал в процессе изготовления шекельтонов. Я об этом Игорю сказал, но он и бровью не повел. Уходит пятая пара, шестая, седьмая, восьмая, девятая. Осталась всего одна. Ерохин резко: «Божуков, забирай!» Перефразируя известного классика, в шутку можно сказать, что я открыл Валентину Божукову «дорогу в люди». *Володичев (2008).*

Чадеев (2008). Кстати сказать, мне шекельтонов не досталось. Может быть, поэтому я и отморозил пальцы ног, но оказалось это не смертельно и принесло только временные неудобства. *Чадеев (2008).*

АККЛИМАТИЗАЦИЯ И СПОРТИВНЫЕ ВОСХОЖДЕНИЯ

Штурмовой лагерь на 5500 м

Богачев (2008). Совершенно случайно моим напарником стал Рем Хохлов. С этого дня началась моя долгая прекрасная дружба с этим выдающимся человеком вплоть до последнего дня его жизни. Нам достался маршрут в верховья ледника под перевал Чон-Терен. Там определено должен был приземлиться один из парашютов с контейнером. Рем видимо знал о моем предыдущем опыте восхождений и сразу предложил возглавить работу по выбору маршрута движения к упавшему грузу. Мы взяли с собой 30-метровый конец альпинистской веревки, небольшой запас продуктов с расчетом - к вечеру вернуться в лагерь. Надели альпинистские ботинки, пуховки, очки и с ледорубами двинулись налегке вверх. Погода, после снегопада, стояла ясная и тихая. Была прекрасная видимость, и мы хорошо ориентировались на снежных полях ледника. В начале, как всегда, я принаравливался к темпу своего спутника и когда нашел оптимальную скорость, мы пошли очень быстро. Мы шли, окруженные большими фантастически красивыми горами. Справа - пик Победы, слева - пик Хан-Тенгри, впереди - перевал Чон-Терен и за ним пик

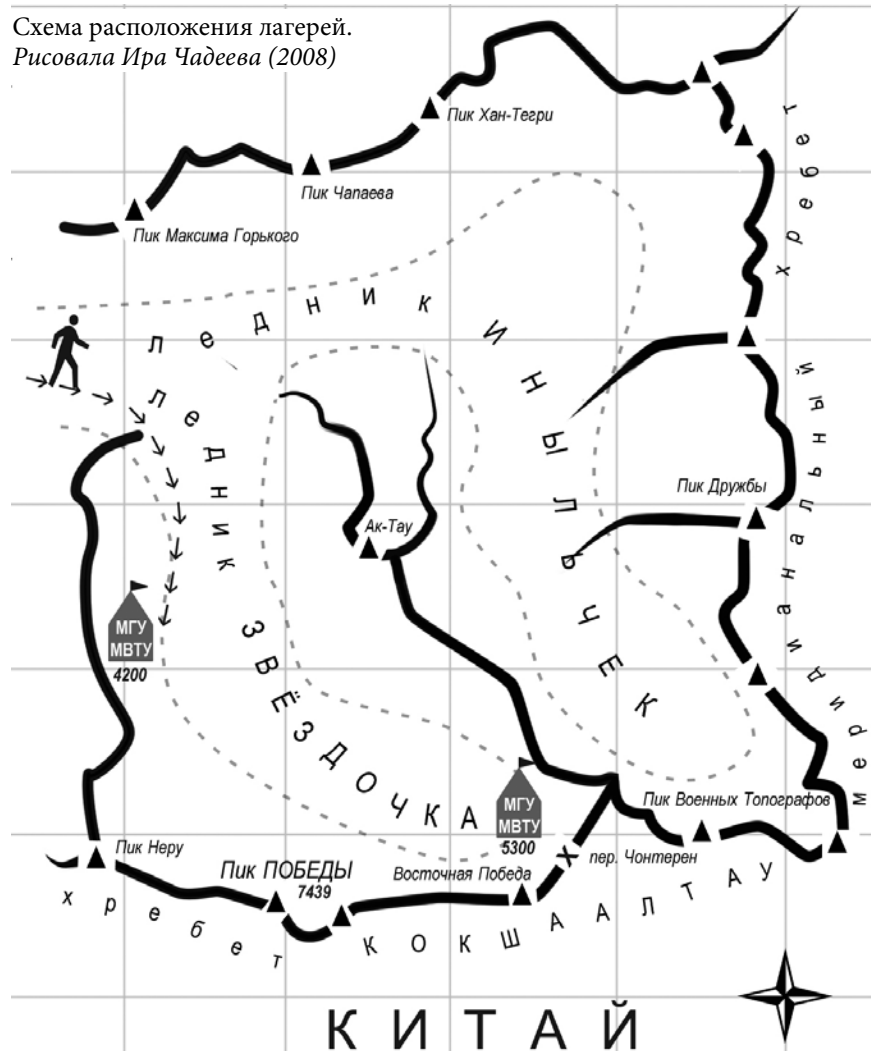
Путь между лагерями 4200 м и 5200 м. Фото Бориса Быкова (1958)

Военных Топографов. Погруженные в этот неземной пейзаж мы шли, час за часом, каждый думал о своем. Постепенно, на фоне перевала, появилась темная точка нашей цели. По дороге повстречался невысокий ледово-снежный увал, который мы обошли справа.

Ледник был засыпан плотным слоем снега. Мы двигались, слегка проминая его и образуя красивую цепочку следов, на абсолютно белом снегу. От восторга мы не могли даже говорить друг с другом. Шли молча, направляя свои взоры по сторонам и восхищаясь всему окружающему нас изобилию снега, гор и голубого неба. Усталости не было

Схема расположения лагерей.
Рисовала Ира Чадаева (2008)

Лагерь на 5200 м. Фото Малахова (1958)

никакой. Казалось, нас кто-то нес на себе - так легко было идти. Это продолжалось пока мы не подошли к контейнеру. Он лежал, немного углубившись в снег, практически не поврежденным, плотно обвязанный веревкой. Рядом лежал парашют. Потрогав его руками, мы вдруг ощутили реальность времени. Было уже за полдень. Мы потратили на подъем сюда более 6 ч и несколько подустали. Сели на контейнер. Съели несколько штук сухих фруктов, печений. Раскрыли и выпили одну банку сгущенного молока и двинулись в обратную дорогу. Задача была решена, и мы еще быстрее начали спуск по леднику.

Вскоре солнце склонилось за гребень пика Победы и стало прохладнее. За день наши ботинки сверху промокли от тающего под солнцем снега и ноги стали подмерзать. Это заставило нас ускорить спуск. Но темнота быстро спускается в долины гор, поэтому к палаткам лагеря мы подходили в полной темноте. Только звезды освещали нам дорогу. Не доходя до палатки, мы услышали голос идущего навстречу человека. Вскоре он подошел к нам. Это был Валентин Божуков. Он нес в руках валенки, зная, что мы пошли в ботинках. Днем палило сильное солнце и нагревало снег. Он догадался, что ботинки могли вечером промерзнуть, и решил нам помочь. Как раз у Рема ботинки были не очень свободные и на морозе они сжались. Ноги у него мерзли, и валенки были кстати. Рем быстро переобулся и в такой обуви дошел до палатки, где нас накормили горячим ужином. Начали обсуждать итоги поисков на леднике. Все грузы были найдены. Правда, один из контейнеров угодил

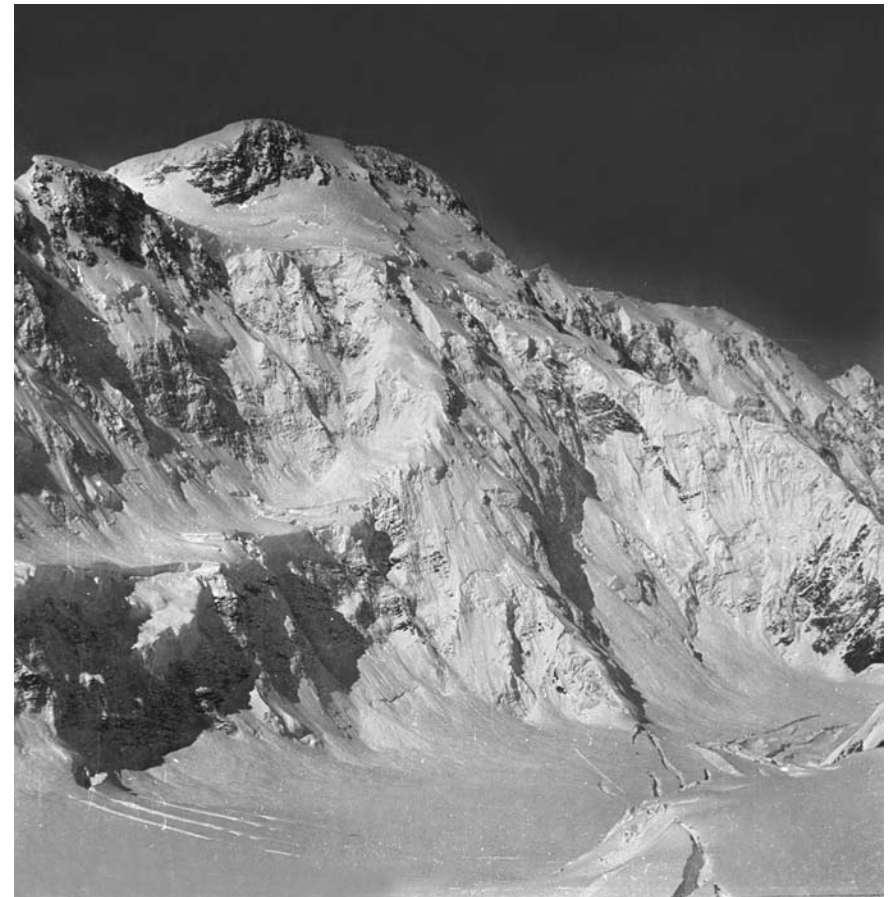

Строим иглу. Фото Малахова (1958)

на край ледникового озера. Впоследствии он успешно был вызволен. Таким образом, колоссальная операция по выброске грузов на парашютах в горах, выполненная по плану Ерохина, была выполнена.

Это был первый успех в реализации плана восхождения на пик Победы. Огромная экспедиция численностью более 60-ти человек, была обеспечена продуктами питания и снаряжением на весь срок работы. Ерохину удалось осуществить первый эксперимент в мире - проведение такой операции. Такой опыт был крайне важен и для воздушно-десантных войск. Позже он был успешно использован в Афганистане нашими войсками в борьбе с моджахедами.

В следующие дни все с энтузиазмом принялись перемещаться во 2-й базовый лагерь. Сразу в ход был пущен специальный инструментарий - снежные пилы, лопаты. Работали и ледорубами. Разбились на группы. Каждая сама выбирала что строить - снежный дом (иглу) или снежную пещеру. Тут же выявились архитекторы. Спланировали размещение сооружений. Выделили место для строительства двух туалетов - мужского и женского. К вечеру, в самом центре ледника Звездочка, в недосягаемом для лавин месте появился сказочный снежный город. Внутри снежных сооружений было тихо и тепло. Каждый житель соорудил себе ложе. Вниз подкладывали палатки, веревки, рюкзаки и другое сна-

Вид на главную Победу из верховьев ледника Звездочка.
Фото Владимира Рацека (1953)

ряжение. И на эту конструкцию укладывали спальные мешки. Пик Победы, никогда такого фантастического сооружения еще не видел. Вся конструкция города, раскинувшегося среди величественных вершин Тянь-Шаня, выглядела как сказка. Было всеобщее ликование. Люди ходили по снежному лагерью друг к другу в гости, поздравляли с новосельем. Богачев (2008)

Чадеев (2008). Переход из лагеря 4200 м в лагерь 5500 м под перевалом Чон-Терен проходил через ледопад на Звездочке и занимал один день. Расстояние между лагерями около 15 км. Почти всем пришлось проделывать этот переход, по крайней мере, дважды. Мне тоже. Очень

Пик Военных Топографов.
Фото Бориса Быкова (1958). Рисовала Ира Чадеева (2008)

быстро была протоптана тропа по середине ледника, до которой не доходили лавины с окружающих гор.

Мне запомнилось, как однажды я один шел по этой тропе в тумане. Абсолютно белый снег, белый туман, никаких других отметин и тишина... И мысли о вечном и бренности бытия...

Быстро в лагере наладилась размеренная жизнь. Были утренние линейки, людей пересчитывали, отправляли на заброски, на восхождения и т. п. Часть альпинистов жила в палатках, часть в пещерах, которые рыли вертикально вниз. Потолки в пещерах, толщиной больше метра, через несколько дней становились совершенно прозрачными из-за дыхания. Кто-то пытался даже построить эскимосскую иглу из снежных кирпичей. Правда, простояла она недолго, и ее накрыли парашютом.

Основным развлечением в лагере было изготовление конфет «Коровка» из имеющейся у нас в изобилии, благодаря Белопухову, сгущенки. Технология изготовления в домашних условиях простая - 2 часа варить неоткрытую банку в кипящей воде. На Звездочке эта технология не проходила: во-первых, из-за низкой температуры кипения, а во-вторых - было жалко бензин. Кто-то придумал другой способ. Закрытую банку сгущенки ставили прямо на примус, и через двадцать минут продукт был готов. Здесь имелись некоторые тонкости. Если вовремя не потушить примус, то банка взрывалась. После взрыва банка оказывалась внутри чистой до блеска. Куда девалось ее содержимое, никто

Разгрузка контейнера на 5200 м. Слева Володя Шполянский, справа - Миша Шпагин. Фото Малахова (1958)

не знал, и найти его никому не удавалось. Может быть, сублимировалось? Каждый примус горел по-разному, и время готовности «Коровки» тоже было разным. Процесс снятия банки был связан с риском. Как принято теперь говорить - «передовая технология» ее снятия с примуса была следующей. Когда подходило время, любитель «Коровки» по-пластунски, закрывая голову, подползал к стоящему в чистом поле примусу и ледорубом сбрасывал банку. Быстро, с адреналином и очень вкусно! Чадеев (2008).

Тихонова (2008). На нашу женскую долю выпало обеспечение этого голодного такелажного отряда горячей пищей, причем три раза в день. Кухню разместили в крытом парашютом «иглу», установили газовую плиту и баллоны, принесенные из соседних контейнеров. Основную трудность составляло отсутствие воды, которую в большом количестве приходилось топить из снега. Из овощей, сброшенных с самолетов, готовили супы, что было непросто, т. к. капусту на этой высоте приходилось варить очень долго. Вообще продуктов было ограничено. Приготовишь очередной ужин и слышишь: «Опять эта манка». «Что вы, ребята, это пудинг» (по-русски - густая манная каша на сгущенке, но с сухофруктами). Тихонова (2008).

СНЕЖНЫЕ ПЕЩЕРЫ

В высотных восхождениях снежные пещеры не роскошь и развлечение, а средство выживания. Приведем аргументы разных членов экспедиции.

Белопухов (1993). Постепенно началось движение с перевала Чон-Терен вверх по Восточному гребню. Потянулись связки, где-то в середине вырыли пещеры. Огромные, просторные, в которых могли при желании разместиться все пятьдесят шесть участников экспедиции. На Кавказе слишком мало снега для рытья пещер, снеговой покров быстро переходит в фирн и лед. Рытье пещер было, конечно, не нашей придумкой. Мы знали, что только с пещерами сможем сделать траверс. Ведь в палатке за 7000 м, а шли мы выше этой отметки восемь дней, пришлось ночевать только один раз. И, слава Богу, ведь только пещера спасает от ураганного ветра, господствующего на гребне. Приходилось останавливаться рано - иногда в 2 ч дня, иногда в 4 ч, чтобы успеть выкопать надежное «подземелье».

Все познается в сравнении. В пещере мокро и сыро. В пещере холодно. Но пещеру на гребне ничем не заменить. На улице минус двадцать, ураган. Небольшая лавина - нормальное явление после снегопада. *Фото Малахова (1958)*

ный ветер, а в пещере около нуля, тихо, слышно только, как примус гудит. Даже не верится, что в двух метрах - беснуется непогода. Единственным неудобством было - когда заваливало вход. Доступ воздуха прекращался, свечи гасли, дышать становилось нечем. Приходилось откапываться. А что с потолка капало, - так и в палатке с крыши стекает конденсат.

Мы вырыли в середине гребня пещеры и сразу убедились в том, что не зря. Слава Богу, мы не повторяли ошибок экспедиции казахского клуба под руководством Шипилова. В том восхождении на пик Победу погибли одиннадцать человек. И почти в том самом месте, где мы сейчас отсиживались.

В 1955 г. команда Шипилова собиралась покорить гору по тому же Восточному ребру. Но штурмовать решили сразу - без акклиматизации, без последовательных выходов. Решили и пошли. В первый день преодолели много. Во второй - поменьше. За весь третий - всего 200 м. На четвертый день поставили палатки в середине гребня. Остановились рано, - силы быстро таяли при подъеме. Они еще и не чуяли беды, не осознавали того, что никуда уже не смогут пойти - даже вниз!

Мы, кстати, тоже ставили палатки, но только на время рытья пещер. В них, пока варился обед, отдыхала очередная смена копателей, отдыхала прямо на вещах. Но вот повалил снег. В течение получаса все палатки «сравнило с землей». Мы еле-еле успели вынуть все вещи и собрать сами палатки. Пещеры были практически готовы.

Потом отсиживались три дня, ждали погоду. Отсиживались, распевая песни, готовя пищу, занимаясь делами, которыми обычно занимаются во время отсидки. Отлеживаться тяжело, бока устают, но деться некуда - приходится лежать. В пещере не побегаешь. Но пещера была спасением.

В 1955 г. все было гораздо серьезнее. Пещеры не было. Палатки через полчаса засыпало полностью. Пока все вылезли, пока успели достать хоть что-нибудь из вещей, - на месте палаток намело сугробы, найти в которых что-либо было невозможно. Достать удалось далеко не все. Кто остался в одном ботинке, кто без ботинок вообще. У кого-то остались носки, а у кого нет! Пропала под снегом большая часть снаряжения. В конце концов, они сумели вырыть пещеру и, обессиленные, завалились внутрь. Так начиналась трагедия.

Непогода продолжалась. Просидев еще день, они поняли, что надо послать за помощью. Продукты остались под снегом, в обрывках палаток. Двойка пошла вниз: Урал Усенов и Суслов. Суслов ушел недалеко - просто лег и умер на гребне. Погода потихоньку улучшилась, но это его не могло уже спасти. Усенов пошел дальше один. Спустился до ледни-

ка, но был настолько ослабевшим, что попал в первую же попавшуюся трещину. Уже совсем ничего не соображал. К счастью для него, непогода совсем утихомирилась. Следы, оставленные им, не были заметны. Их цепочка вела прямо к краю трещины...

Быстро были организованы спасательные работы. Благо рядом, на Северном гребне, в это же время работала узбекская экспедиция под руководством Владимира Рацека. Это их пытался обогнать Шипилов, решив штурмовать вершину сразу, без подготовки. Узбекские альпинисты, как никто до них, были близки к победе. Но пришлось отменять штурм, спускаться, выходить на спасработы. Со всего Памира слетались команды на помощь.

По следам спасатели дошли до трещины. Вытащили Усенова. На удивление всем - он был живой. Пролетев несколько метров, остался сидеть на каком-то уступчике. И провел в ледовой трещине, на крошечном уступчике, 48 ч! После стольких дней борьбы с непогодой, голодный и обессиленный - он еще двое суток просидел в трещине. Выжил, когда другие рядом умирали. На что только не способен человеческий организм!

На следующий год Урал Усенов в команде Абалакова снова штурмовал Победу.

Из остальных участников в живых не осталось никого. Уходили из пещеры вниз двойками, потеряв какой-либо контроль над собой. И никто уже не выполнял обязанности капитана. Еще двоих нашли на гребне. Остальные уходили, срывались, исчезали в белом безмолвии. Тела их не найдены до сих пор.

Естественно, воспоминания о трагедии (а тогда мир альпинистов был невелик, мы знали все подробности) наводили нас на размышления о тактике высотных восхождений, которую мы познавали на собственной шкуре.

Пересидев непогоду, все спустились вниз. Мы собрались в верхнем базовом лагере, на высоте 5200 м. Выглядел лагерь оригинально. Место было ровное. Поэтому пещеры были вырыты не горизонтально - в склон, а вертикально - вниз. Это были даже не пещеры, а огромные подземные дома. *Белопухов (2008)*.

Божуков (2008). Для акклиматизации было намечено восхождение большой группой на пик Военных Топографов. Прошли Звездочку - где по насту, где проваливаясь по колено, и поднялись на перевал Чон-Терен. Решили уйти выше по гребню и для ночлега выкопать там пещеру. Снежные пилы, лопаты, ледорубы; энергия, бьющая через край, - все это у нас было. Ведь мы знали, акклиматизация должна быть активной! Не лежать, а работать - и черная болезнь отступит! И когда в руки попадал инструмент,

каждый работал энергично, до полной потери сил, и лишь после этого выползал из норы на улицу и лежал, восстанавливаясь. *Божуков (2008)*.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ПИК ВОЕННЫХ ТОПОГРАФОВ

Восхождение глазами Коли Володичева

Володичев (2008). Пик Военных Топографов находится в Меридиональном хребте к северу от перевала Чон-Терен. Высота пика 6850 м. Нам он хорошо был виден из верхнего базового лагеря, расположенного на высоте 5500 м в верховье ледника Звездочка под перевалом Чон-Терен. Вершина пика выглядела в виде скального массива, ниже которого на несколько километров вниз, в Китай, падала страшная, темная, отвесная Южная стена.

По плану Игоря Александровича Ерохина пик Военных Топографов - был первой горой, на которую должны были совершить первовосхождение участники экспедиции. Это восхождение было заявлено на первенство Советского Союза по альпинизму. Но считалось также, что это восхождение будет несложным и первый шаг создаст благоприятный психологический климат в экспедиции для дальнейшей ее работы.

Период акклиматизации прошел, и участники экспедиции чувствовали себя прекрасно. В экспедиции принимал участие также Рем Викторович Хохлов. Он всегда был спокоен, относился ко всем без исключения очень доброжелательно и, в свою очередь, пользовался уважением со стороны всех. В этой экспедиции он познакомился с Иваном Дмитриевичем Богачевым, и это знакомство продолжалось всю жизнь Рема Викторовича. В экспедиции их всегда можно было видеть вдвоем. Они постоянно что-то обсуждали. И в последующие годы в горы они ездили теперь вместе. Рем как-то сказал мне, что с Иваном надежно. Иван Дмитриевич в нашей экспедиции считался опытным альпинистом-высотником и к этому времени уже участвовал в нескольких высотных экспедициях в различных горных районах.

Подошло время выходить на пик Военных Топографов. Для этого восхождения Ерохин определил группу в шестнадцать человек: Игорь Ерохин - руководитель, Иван Богачев, Адик Белопухов, Вячеслав Глухов, Валентин Божуков, Олег Космачев, Петр Скоробогатов, Рем Хохлов, я и еще семь участников экспедиции. От Московского университета в эту группу вошли мы с Ремом Хохловым. Снова поднимаемся по крутому скально-ледовому склону на перевал Чон-Терен и от перевала идем налево, в сторону пика Военных Топографов. Движемся по глу-

бокому снегу некрутого склона, набирая высоту, и спустя час-полтора останавливаемся и начинаем в снежном склоне рыть большую полукруглую пещеру с двумя входами. Высота более 6000 м. Устроившись, стали готовить чай. У одного входа в пещеру расположился с примусом Валентин Божуков, у другого входа расположился с примусом я. Вода долго не закипала, было очень холодно. Поэтому спать легли поздно. Встали рано. Было еще темно, когда вылезли из снежной пещеры. На улице еще холоднее, чем было вчера вечером. Идем в связках по четыре человека. Часа через два после выхода подходим к неприятному длинному, крутому, осыпному склону, покрытому тонким слоем снега. Справа к нам приблизилась отвесная Южная стена пика Военных Топографов, которая вблизи кажется еще страшнее. Камни со склона, по которому мы поднимаемся, улетают в пропасть в сторону Китая. Организовать страховку негде, поэтому вверх поднимаемся очень осторожно и, наконец, выходим на узкий заснеженный гребень. По гребню начинаем двигаться «паровозом», т. е. связками из четырех человек. По гребню так идти безопасно, поскольку наши веревки переплетают выступающие на гребне камни с разных сторон, как поперечные нитки в ткани, и при срыве кого-нибудь с гребня он будет задержан за счет трения веревок о камни.

Игорь Ерохин идет в отряде вторым и периодически меняет впереди идущего, постоянно подгоняя его словами: «Быстрее, быстрее, быстрее! Если сорвешься, тебя удержат!» Первый идет без рюкзака, выкладывается полностью и валится на снег. Ему тут же возвращают его рюкзак, он становится в хвост «паровоза», где приходит в себя, а место первого занимает другой. Эта гонка продолжается целый час. Ерохин экономил время. Гребень оказался прочным. Никто не сорвался, и даже камни из-под ног не летели вниз. Наконец, мы вышли на широкую, горизонтальную, снежную площадку. Гонка всех утомила. Все повалились кто на снег, кто на камни. Пригревало солнце, было даже жарко, ветра не было. Казалось, что сил уже никаких нет, идти никуда не хотелось.

И тут встает Валентин Божуков и начинает медленно идти вверх по гребню. Делать нечего, я поднимаюсь и подсоединяюсь к Божукову. «Бросьте пуховки!», - кричит нам вслед Ерохин. Мы делаем вид, что ничего не слышим, и продолжаем идти вперед. Мы идем без рюкзаков, но с пуховками расставаться не хочется. Как ни как, а приближаемся к 7000 м. Оглядываемся назад, за нами идут все. Поднимаемся по широкому крутому скальному гребню, местами покрытому снегом. Южная стена пика Военных Топографов теперь находится под нами.

Движемся не связавшись. Идти не опасно, для ног имеются надеж-

ные уступы, для рук надежные зацепы. Проходит около часа. Приближаемся к верхней части скального гребня, который должен вывести нас на вершину Военных Топографов. Но через некоторое видим, что гребень выполаживается, становится менее крутым, но все же продолжает подниматься и дальше. И вдали он замыкается небольшой вершиной в виде снежного треугольника.

Снизу снежной вершины видно не было, она была загорожена массивом горы. Всех это открытие озадачило. Поднимаемся еще некоторое время. Но дойти до снежного треугольника сегодня нам уже не удастся. Останавливаемся. Ерохин и еще два участника восхождения сложили из камней тур и положили в него записку о нашем восхождении. Когда-то по этому пути пройдут другие - они увидят, в каком месте закончилось наше восхождение.

Теперь есть фотографии пика Военных Топографов с южной стороны, со стороны Китая, на которых видна высшая точка горы. См. фотографию московской экспедиции под руководством Анатолия Джулия на Тянь-Шань (Китай) в 2002 г.:

http://www.mountain.ru/photo/2002/pobeda/img/Voennyh_Topografov-Kitai-1.jpg

На фотографии видно, что пик Военных Топографов имеет ярко выраженный предвершинный гребень с небольшим повышением с запада (левый край, т. к. снимали с юга) на восток (правый край). Его можно даже назвать вершинным гребнем, т. к. вершина возвышается над ним метров на десять-двадцать. Слева внизу виден перевал Чон-Терен. Мы поднялись на Западный край вершинного гребня, где на небольшом возвышении, видим на фотографии, был поставлен тур. На восток вплоть до вершины уходил хорошо просматриваемый широкий гладкий бесснежный гребень с небольшой крутизной.

Протяженность вершинного гребня не превышала 1000 м, возвышение восточного края над западным было менее 100 м. Чтобы дойти до вершины, нам понадобилось бы не более одного часа. Как ни хотелось это сделать, нужно было спускаться вниз, чтобы до темноты успеть добраться до своей снежной пещеры. Поэтому мы начали спуск и уже в сумерках подошли к своей пещере. Когда мы выходили из пещеры, было еще темно, а когда возвратились, стало уже темно. Нами был использован весь световой день. В лагерь под перевалом Чон-Терен спустились на следующий день.

Тем не менее, восхождение на пик Военных Топографов следует отнести к успеху нашей экспедиции. Нами был открыт путь на вер-

шину со стороны перевала Чон-Терен. Мы преодолели все трудные участки маршрута и вышли на западный край вершинного гребня. *Володичев (2008).*

Восхождение глазами Вали Божукова

Божуков (2008). Темп движения отряда после выхода из пещер не был скорым. Хорошо физически готовые, мы еще не были акклиматизированы к высоте. Поэтому сотни метров маршрута по глубокому снегу проходились не быстро. Время уходило, отряд растянулся и на подходе к вершине Ерохин распорядился - вниз, в пещеру! Наша же связка Ерохин, Белопухов, Богачев и я, чередуясь, ускорила к вершине. На всю жизнь запомнилось мне ощущение, которое я испытывал всем существом своим, когда смог торить след по глубокому снегу последнюю сотню метров, не меняясь и не задерживая связку, а натягивая веревку! Это было ощущение финишного рывка успешно проведенной лыжной гонки - все силы отданы, а в сердце радость! *Божуков (2008).*

ВОСХОЖДЕНИЯ НА ВОСТОЧНУЮ ПОБЕДУ И ЗАБРОСКИ

Чадеев (2008). На Восточную Победу совершили восхождение почти все участники экспедиции. Ерохин считал, что все кто внес свой вклад в подготовку и организацию экспедиции должны получить свой приз. А призами были только восхождения. Физическая подготовка участников была разная и по разным причинам. В среднем все участники были в хорошей форме. Но были и менее подготовленные. Например, наши «летчики», участвовавшие в сбросе контейнеров, пропустили акклиматизационный период и были хуже подготовлены, чем «караванщики».

Ниже приводятся воспоминания нескольких участников восхождения на Восточную Победу. Воспоминания оказались удивительно разными. Очевидно, что хорошо физически подготовленному человеку путь кажется более простым. Но дело не только в этом. Громадную роль играет время. Воспоминания через пять дней и через пять лет - это совершенно разные вещи. В первую очередь из них исчезает эмоциональная окраска.

Вот как описывает восхождение на Восточную Победу участник экспедиции чех Владимир Вуйта в своей книге «К вершинам небесных гор», которая вышла в свет в 1961 г. *Чадеев (2008).*

Из воспоминаний Владимира Вуйты

Вуйта (1961). Из книги [5] в переводе Татьяны Кислицыной (2008). Никогда не забуду мгновение, когда в разрыве туч, далеко впереди нашим взорам впервые предстала в пугающей высоте «наша» Восточная вершина. «Мы должны туда идти?» - выдохнули мы.

Вам, конечно, знакомо то чувство восторга, когда идете в горах в тумане, а потом вдруг туман рассеивается, и вы видите перед собой вершины гор там, где и не ждали. А наш гигант - более 7000 м, и мы так задирали голову, что чуть не сломали себе шеи. Тучи рассеивались, и под вершиной начала вырисовываться отвесная стена. Неужели это гребень, по которому нам идти вверх? Мы и раньше знали, что гребень очень крутой, но то, что мы увидели, превзошло все наши ожидания. Размытое видение постепенно превращалось в гребень, тучи расходились, и мы видели все ниже и больше. Наконец открылся перевал Чон-Терен и продолжение гребня влево, вверх к пику Военных топографов.

Через минуту тучи совсем исчезли, и безжалостное солнце обрушилось на нас со всей силой. Ветра не было, стало невыносимо жарко. Каждый нес рюкзак, весом около 35 кг, и все мы были измучены. Мы шли с 5 ч утра, проголодались и хотели пить. Продукты у нас были, но страшная жажда и высохшие губы не позволяли есть. Пить, пить! Но где взять воду? Вода в жидком состоянии здесь просто не существует. Ничего не поделаешь, придется терпеть до лагеря. Казалось он недалеко, ведь перевал Чон-Терен был перед нами на расстоянии вытянутой руки. Но как мы ошибались! Был полдень, и мы не ожидали, что перед нами еще 5 ч пути. Мы не знали также, что из лагеря еще добрых 3 ч до перевала.

Обеспечение водой является одной из самых важных задач пребывания альпинистов на больших высотах. Ведь воздух там несравнимо суше и испарения тела гораздо интенсивнее. К тому же человек потеет от напряжения и теряет воду при дыхании. Физиологи считают, что человек в условиях высоких гор должен выпивать не менее 3 литров жидкости в день, чтобы сохранить выносливость. Обезвоженное тело мстит: в тканях скапливаются токсины, которые вызывают преждевременную усталость и изможденность.

Постоянная жажда становится спутником альпиниста. Мы тоже от нее ужасно страдали. Были измучены, болела голова, не хотелось идти дальше. Короче на нас обрушилось нечто, что специалисты называют ледниковой усталостью (*русский аналог горной болезни или проще «горняшки» - прим. переводчика*).

С нами вместе шли три москвички. Аня, Ия и Светлана. Они мужественно переносили все лишения и ни в чем не уступали мужчинам. Четвертая женщина в экспедиции, повариха Соня, постоянно находилась в нижнем базовом лагере.

Пить, пить! Снег, мимоходом схваченный рукой с поверхности ледника, не помогал. После него оставался ожог на губах и еще большая жажда. Было 4 ч дня. «У нас дома на 5 ч меньше, - говорил я сам себе, - на предприятии, где я работаю, как раз обеденный перерыв. Из репродукторов разносится веселая музыка, и коллеги идут обедать. (Вот бы сейчас сюда этот презренный обед из служебной столовой!) Они могут купить себе молока, содовой, или газировки, в худшем случае могут напиться воды». Как же я им завидовал в эти минуты! Представьте себе, держать в руках крынку молока и пить, пить до дна!

Человек, ты должен это выдержать, ты же знал, что едешь не на курорт! Если боялся страданий, мог бы остаться дома и каждое утро выпивать свой стакан молока.

Увлеченный своими мыслями, я оторвался немного вперед. Мы шли под склоном Пика Победы и выбирали дорогу в сложном лабиринте трещин, которые вдруг перед нами открылись и загородили дорогу. Теперь, приобретя опыт в лагере 5500 м, мы поняли в какой мы опасности. Мы еще не знали о лавинах, которые в этом месте сходили с главной вершины. Это были огромные лавины, сметающие лед и камни. Обрушиваясь на ровную поверхность ледника, снежное облако, играя, пробегало через всю его ширину и останавливалось только у противоположного склона Ак-Тау. Нам сильно повезло, что мы не встретились здесь с такой лавиной.

Завтра мы начинаем наш путь к Восточной вершине. Вновь и вновь мы проверяем снаряжение, отделяем нужные вещи от менее нужных. Но и нужных остается через чур много. Ведь там, на горе, каждый килограмм будет казаться в два раза увесистей.

Над фотоаппаратами я долго не раздумывал и взял оба: один для негативной пленки, другой для обратимой. К пленкам были добавлены фильтры, шторки от солнца, экспонометр. Короче образовался весьма внушительный сверток весом более 2 кг. Ничего не поделаешь, мы же должны привести именно с этого главного участка пути снимки и диапозитивы.

Итак, завтра мы выступаем. Что ждет нас на вершине, и когда мы вернемся? По плану восхождения в первый день мы должны выйти к перевалу Чон-Тарен. Там мы должны выкопать пещеры в снегу, переночевать в них и на следующий день подняться по гребню на высоту 6200 м, где опять выкопаем пещеры, куда уложим провизию для спуска. На третий день мы хотели подойти как можно ближе к вершине, пере-

Чехи перед выходом. Слева направо Вуйта, выпускает Игорь Ерохин.
Фото Зверева (1958)

ночевать в пещерах, чтобы на четвертый день закончить восхождение, оставить запасы продуктов для основной группы мастера спорта Ерохина, которая немного позже выйдет оттуда на свой 8-километровый путь к главной вершине. В этот же день мы планировали спуститься к пещерам на высоте 6200 м, а на пятый день вернуться в лагерь 5500 м.

Я разложил вещи так, чтобы утром собрать рюкзак как можно быстрее. Вечер был восхитительный. После фантастического заката солнца быстро стемнело, низко над перевалом со стороны Китая выглянул месяц и залил ледник и горы серебряным светом. Мы еще раз послушали радио Алма-Аты, которое обещало хорошую погоду на всей территории центрального Тянь-Шаня, и удовлетворенно уснули.

Нам было так хорошо, когда снаружи разнеслось это ужасное слово: «Подъе-е-м, подъе-ем!» Невозможно было поверить, чтобы уже наступило утро! Быстрый взгляд на часы убедил нас, что уже действительно половина четвертого. Я вылезаю из спального мешка и чувствую нестерпимый холод. Быстро пуховую одежду и ботинки! С ботинками выходит заминка: они буквально окостенели от холода, и кажется, что только кувалдой можно их размять и заставить себя надеть. Я упаковываю спальный мешок и отползаю в угол, чтобы мог собраться Властик.

Зажигаю горелку и готовлю завтрак. Пока грелись мясные консервы, и кипятился чай, Властик собрался. Мы открываем палатку и прямо в лицо получаем удар страшного холода. Ночь, на темном небосклоне мерцают миллиарды звезд. Собираем палатку, и вот мы готовы.

Солнце нас встретило на крутом склоне. Лагерь был далеко под нами. Мы шли к перевалу Чон-Тарен по замерзшему снегу. То и дело пересекали противную канаву, вырытую три дня назад ледовой глыбой, которая свалилась сверху на 15 мин позже спуска наших друзей с перевала. Она лежала внизу, размером с небольшой дом, а наверху в леднике зияла черная дыра. Непроизвольно мы увеличили темп. Нет ничего приятного во встрече с таким великаном. Где-то в середине подъема мы взяли немного вправо и отдохнули в безопасности от ледника, зловеще нависающего над нами. Еще траверс по крутому ледовому склону и потом резко вверх. Мы быстро добрались до перевала и с любопытством посматривали в сторону Китая. К нашему разочарованию мы не увидели там ни пустыню Такла-Макан, ни пустыню Гоби, ни тем более Шамо, о существовании которых мы имели смутное представление с уроков географии. Не увидели мы и озеро Лобнор, название которого для нас было воплощением волшебства Востока.

Зато мы увидели там множество уродливых туч, которые мчались к нам и очень быстро окутали нас сыростью и стужей.

В соответствии с планом мы начали копать пещеры. Это было нелегко, потому что снег был очень жесткий, да и недостаток кислорода давал о себе знать. Дюралевые лопаты и пилы были бесполезны, снег с трудом поддавался даже ледорубам. Как только мы закончили, начался снегопад. Мы быстро просочились через узкий вход и заложили его снежными блоками. Оказалось, что пещера мала для четырех человек, но снаружи мела метель и нам не хотелось возвращаться в непогоду и снова копать. Мы решили быть скромнее: лечь в позе «голова-ноги», со скрюченными коленями и в такой тесноте, что укладчики сардин побледнели бы от зависти.

Утро было скверным: сильный ветер и снег, так что о выходе даже не думали. Мы расширили и улучшили свое жилище, теперь в нем можно было удобно лежать в спальнях мешках. После полудня из лагеря 5500 м со своей группой пришел мастер спорта Ерохин и сообщил, что радио Алма-Аты постоянно обещает хорошую погоду на всей территории центрального Тянь-Шаня. Ну, привет, сказали мы себе, наверное, так бы и было, если бы была обещана плохая погода. А может опять будет хорошо, кто знает? Во всем мире метеорологи одинаковые неудачники.

На следующий день мы встали очень быстро и подготовились к выходу. Опять связки, веревки, ледорубы. Погода так и не улучшилась, но

если Алма-Ата говорит, что хорошая, то так оно и есть, кончено. Мы начали продвигаться по перевалу. Вначале крутой 60-градусный подъем, который мы уже совершали на тренировочном акклиматизационном восхождении. Довольно быстро мы оказались на месте нашей ночевки несколько дней назад. Падая сырой снег, залепляя лица, и совсем скоро промолил нас насквозь. Это показалось нам удивительным на такой высоте. Вероятно, обжигающее дыхание пустыни Такла-Макан и соответствующее направление ветра способствовали потеплению. По моей спине текли три ручья: один посередине, и два по бокам. Мы вышли к заснеженным скалам, и снова начали подниматься.

В полдень, когда мы миновали скалы, погода изменилась самым неприятным способом. Снегопад прекратился, температура резко упала, и наша мокрая одежда превратилась в крепкий ледовый панцирь. Перед нами же открылось самое опасное место всего восхождения. Слева - Китай и пропасть, справа - крутые скалы и кулуары. Мы бы с удовольствием посмотрели на Китай, но только не в этом месте. Нужно было ждать, пока наши друзья пройдут это неприятное место, заснеженный гребень длиной в две веревки с наклоном около 75°. Против нас был и сильный, порывистый, ледяной ветер. Мы чувствовали, что он дул в другом направлении, нежели утром. Мне было жутко холодно, как никогда в жизни. Глядя на меня, Мирек боялся, что я потеряю равновесие и упаду в кулуар, так меня колотило от стужи.

Наконец мы начали подниматься. Дышать становилось все труднее, и каждый шаг вверх требовал четыре вдоха и выдоха. Хуже всего был порывистый ветер, затруднявший дыхание. Временами нам казалось, что если этот ветер не перестанет, мы задохнемся. И вот перед нами отвесный склон. Ноги не находят в сыпучем снегу никакой опоры. Ледорубы беспомощно проваливаются в снег по самую верхушку, и мы медленно, очень медленно набирали высоту. Мы, все четверо чехословаков, шли в одной связке. В Татрах бы наша едва ползущая четверка выглядела очень смешно, но здесь, на высоте более 6000 м, на отвесной стене не до шуток. Вы делаете четыре вдоха на каждый шаг и вдруг понимаете, что сложное место требует немедленно еще несколько быстрых шагов, без четырех вдохов. После второго шага у вас темнеет в глазах, на третьем шаге вы не выдерживаете. Хотите вы этого или нет - вы останавливаетесь, рискуя сорваться и со всей силы наваливаетесь на ледоруб. Затем делаете штук пятнадцать лихорадочных вдохов, прежде чем продолжите восхождение.

Крутой подъем пройден. Мы снова на коварных каменных развалах. Корка заледеневшего снега кое-как скрепляет камни. В нашем положении каждый шаг по этой поверхности - новая опасность. Наконец мы мино-

вали каменный хаос и идем по отвесному снежному склону. Долго ли еще идти? К счастью наши страдания быстро кончились, и на высоте 6200 м, при постоянно ухудшающейся погоде, мы вновь роем пещеры в снегу. Наученные трагической гибелью казахской экспедиции, мы не отваживаемся ночевать в палатках. Уж лучше помучаемся часа четыре, копая снег.

Рыть такую пещеру на высоте 6200 м - проклятое дело. Эту работу мы делали вчетвером, но одновременно могли работать только двое: один копал, а второй отгребал вырытый снег. Работа двигалась страшно медленно. Снег был такой твердый, что справиться с ним можно было только ледорубом. Вокруг дул ледяной ветер, а внутри пещеры было восхитительно тепло. Мы заменяли друг друга каждые три минуты, дольше никто не выдерживал: трудно было дышать. Один работал внутри, а три мерзли снаружи и ждали, когда силы копающего начнут слабеть. Затем следовало: «Вылезай, ты уже не копаешь!» И надо было вылезать, задыхаясь на морозный ветер, чтобы пустить товарища внутрь.

Наконец пещера готова. Было около 8 ч вечера, когда мы на животах вползли через узкий вход внутрь и закрыли отверстие приготовленными снежными блоками. Не смотря на то, что пещера потребовала от нас столько усилий, внутри оказалось очень мало места. Мы были мокрые до костей, поэтому натянули на себя все, что было, включая пуховки. Постелили под себя сложенную палатку и удобно улеглись в спальнях мешках. На нас навалился страшный голод и, главное, жажда. Целый день мы боролись с ветром, не ели и не пили и теперь чувствовали себе «засохшими». Это ничего, сказали мы себе. Сейчас сварим ужин, вскипятим чай и будет здорово. Зажгли горелку, но она через минуту вспыхнула и погасла. Зажгли вновь, опять неудача. Нас охватила паника. Я чиркал одну спичку за другой. Еще три штуки, и коробка будет пустая. И что потом? Какое счастье, что Мирек тоже взял спички! Но вот беда, коробочка совершенно мокрая. Все, это конец. Видение горячего чая исчезает безвозвратно. Мы выворачиваем все карманы, и вот Властик победоносно достает несколько сухих спичек. Для нас это было настоящее богатство.

Новая попытка. Огонек обещающе разгорелся, но вдруг вспыхнул и погас, как и раньше. Что же случилось с горелкой? Если не горит из-за недостатка кислорода (наша горелка не была испробована на больших высотах), то нам не сдобровать. Мы почти отравились от запаха пролитого гексана и сгоревших спичек. Угар заполнил наше тесное жилище, настроение упало. Я начал убеждать друзей, что горелка не горит из-за плохого воздуха и что надо проветрить.

Ситуация стала критической, когда при попытке сделать маленькое отверстие для вентиляции мы вышибли снежные блоки, которыми был

старательно закрыт вход в пещеру. Мы по инерции вывалились наружу. Вокруг была черная ночь. Завыл ветер, и мгновенно в нашу пещеру вошел снежный вихрь. Мы спаслись от ужасной ситуации тем, что заткнули дыру рюкзаками и снаряжением, постоянно борясь с ветром. Наконец, кое-как нам удалась «залатать» отверстие. И все-таки снег пробирался в пещеру через щели. Мы решили оставить затею с кипячением чая, а лечь лучше спать без чая и без ужина. Четыре оставшиеся спички мы сохранили до утра. Вероятно, сон освежит нас, и утро будет добрым. Мы обязаны попытаться уснуть, завтра нас ждет тяжелый день.

Было около десяти, когда я задул свечку и залез в спальный мешок. Спать я не мог. Страшно хотелось пить, и ветер задувал снег прямо в лицо через щели между рюкзаками. Если я прятал голову в мешок, становилось душно. Я ворочался с боку на бок, насколько это было возможно в такой тесноте, но сон не приходил. Если бы можно было чего-нибудь попить! Я проваливался в дремоту и в полусне видел перед собой миску с водой. Старался дотянуться до нее и жадно напиться, но руки проваливались в пустоту, я просыпался, возвращаясь в жестокую реальность.

Снег меня уже не беспокоил, он замел все щели, но жажда не проходила. Я осветил фонариком на часы, было полвторого. Ужасная жажда подтолкнула меня к преступлению. Набрал полную миску снега, засунул в спальный мешок, пытаюсь растопить его теплом собственного тела. Вы не поверите, как долго это продолжалось, ведь в мешке было не так уж и тепло. Наконец на дне образовалось немного снежной кашицы, которую я жадно заглотнул, после чего сразу провалился в сон.

Утром погода была отвратительная, и мы с радостью встретили решение начальника сегодня не идти дальше. Я разобрал горелку и увидел, что форсунка просто засорилась. Уже скоро огонек весело разгорелся, и мы поставили на него миску со снегом. Мои друзья очищали снег с потолка и стен палатки, а я только варил и варил то чай, то кофе, то кофе, то чай, до самого полудня. Я не знаю, сколько тогда мы выпили, но горелка трудилась с самого утра и наша пещера значительно увеличилась. Чай нельзя было назвать хорошим, но нам он казался великолепным. В этих условиях невозможно сварить нормальный чай, потому что температура кипения значительно ниже. Так что мы могли мешать пальцем кипящий чай. Наконец после полудня мы кончили пить и задумались о пище. Погрели мясные консервы и съели их с сухариками. А потом... снова чай и кофе, кофе и чай, и так до самого вечера. Так прошел первый день. Завтра, сказали мы себе, завтра - пойдем дальше.

Но ночь не принесла ожидаемого улучшения погоды. Утро следующего дня было, пожалуй, самым плохим из пережитых нами: ветер,

снег и ужасная стужа. Этот день был днем моего рождения. Мое тайное желание выйти на восхождение именно в этот день очевидно не исполнится. Пока мы готовили завтрак и счищали снег с потолка для чая, нас кто-то позвал снаружи:

«Володя - а потом еще раз - Володя, где вы?»

Мы поняли, что наши друзья нас ищут и не могут найти вход в пещеру, плотно заваленную свежим снегом. Мы пробили снежную стену изнутри ледорубом. Снаружи послышался шум. Снег вокруг ледоруба начал осыпаться и к нам по пояс влезли несколько заснеженных фигур. Начальник, Ваню Галустов, Ваня Богачев, Борис Захарьев. Пришли поздравить меня с днем рождения. Как они узнали об этом, до сегодняшнего дня осталось загадкой. Они даже принесли подарки: кусок шоколада, конфеты и другие гостинцы. Мы вместе с ними попили чая.

После ухода гостей погода опять ухудшилась. Вход в пещеру был снова завален, и мы ясно слышали, как по отвесному склону сходили снежные лавины. Однако нам они не могли навредить. Под двухметровым слоем твердого снега мы чувствовали себя в безопасности, и нам было относительно хорошо. Как же мы были рады, что не рискнули остаться ночевать в палатках! Рытье пещер в снегу работа более тяжелая, чем установка палатки, но что бы было с нашими полотняными палатками среди лавин и бушующего моря снегопада. Вспомнились слова великого альпиниста Юлия Кига, который восхвалял пещеры в снегу: «сколько бы несчастных жизней, безнадежно борющихся тяжкими ногами с холодом и усталостью на ледниках, можно было бы спасти, если бы спокойно и разумно подумать об этом выходе из положения. Знаем это из арктической практики».

Впереди была пятая ночь после выхода из лагеря 5500 м, пятая ночь в пещерах на этом неприятном гребне. По плану мы должны были уже спуститься с вершины в лагерь 5500 м. А пока нас отделяло от вершины 800 м подъема. Сможем ли мы выйти завтра?

Длительное пребывание на высоте более 6000 м, постоянно однообразное положение тела и недостаток движения в пещерах, а главное скудное питание подтачивали наши силы. С питанием было действительно очень плохо. Мы не знали, когда кончится плохая погода, и когда же мы сможем покинуть наше снежное жилище. Поэтому мы съедали ровно столько, чтобы немного успокоить пустой желудок. Мы коротали время и обманывали голод, придумывая самые сладкие лакомства и вспоминая свои любимые блюда. Мы старались пережеголять друг друга в описании деликатесов. У кого-то «козырной картой» была шейка косули в сметане, у другого - голштинский антрекот, бифштекс с яичницей, а также

блины с вареньем, горячие и посыпанные сахарной пудрой. Когда-то у нас все это было, но мы не ценили этого, и вот судьба нас покарала. Вот бы сейчас миску спелого винограда, с запотевшими сладкими ягодами, которые с хрустом лопаются и тают во рту!

«Я слышал, - сказал Далимил, - что где-то здесь (вы понимаете, что в Средней Азии), по-моему, в Бухаре есть виноград, у которого ягоды с большой палец». Около часа мы спорили о том, существует ли на самом деле такой виноград. Наконец, поклялись, что если мы все это переживем и спустимся с гор, поедем в Бухару и посмотрим. И мы действительно там побывали.

Завтра - решающий день. Если с утра погода будет хорошей, мы все поставим на карту и попытаемся подняться на вершину. Для остановки в следующем промежуточном лагере у нас уже не достаточно продовольствия. Мы должны подняться на 800 м к вершине и в этот же день вернуться в наши пещеры. Если же погода не улучшится, мы вынуждены будем спуститься вниз, на перевал и дальше в лагерь 5500 м. С этими мыслями мы укладывались спать. А еще мы размышляли, как мы сейчас далеко от цивилизации, и что будет, если кто-нибудь из нас заболит или сломает ногу. В самом лучшем случае через два дня - в лагере 4500 м, а потом еще семь долгих дней (это если все пойдет как «по маслу») до Пржевальска, где есть больница. Против моей воли мне вспомнились слова опытных «высотников» в Москве, что в наших условиях и простая ангина «очень смерти подобна», и в душе я умолял свою слепую кишку (которая до сих пор не прооперирована), чтобы ей вдруг не пришло в голову вытворять всякие глупости.

Ночью ветер стих. Подъем был в пять, в 7 ч мы были готовы к выходу, ледорубы в руках, мачки (так чешские альпинисты называют спецобувь типа шекельтонов - прим. переводчика) на ногах. Мы сидели в пещере и ждали. Погода улучшалась, но была неустойчивой. Около десяти, наконец, принято решение идти на гору. Но было уже поздно для того, чтобы дойти до вершины в течение одного дня. Нам казалось, что 800 м вверх и обратно - это слишком много. Кроме того, никто не знал, как выглядит гребень наверху. Немного дальше нас прошли казахи в 1955 г., но выше уже никто. Решили, что будем идти, сколько хватит сил, и вернемся.

Было двадцать градусов мороза, и шипы на подошвах с хрустом «вгрызались» в снег, плотно утрамбованный ветром. Сквозь редкие тучи прорывалось солнце. Двигались мы размеренно и четко, как автоматы, помня советы опытных «высотников». Определить для себя минимальное количество вдохов на один шаг подъема, сосчитать вдохи и только тогда сделать сле-

дующий шаг. Идти медленно, но размеренно, не останавливаться, не оглядываться. Никаких резких движений, нарушающих дыхание и равновесие.

Проходил час за часом. Благодаря не очень сложному рельефу, мы довольно быстро набирали высоту. Далеко под нами лежит ледник Звездочка, покрытый легкой сетью трещин. А вот за той большой трещиной, да, точно это наш лагерь 5500 м. Теперь тихий и опустевший. Вдруг кто-то вскрикнул - с вершины Победы несется огромная лавина. Снежное облако быстро увеличивается, мы уже слышим мощный гул, и лавина падает прямо на наш лагерь. Снежное облако быстро добирается до ледникового плато, не останавливаясь, валится дальше, сквозь лагерь, ударяясь о противоположный склон.

Горы вокруг нас спускаются ниже и ниже. Ослепительная Ак-Тау с вершинами, украшенными снежным кружевом, далеко под нами. Великан Хан-Тенгри, мы видим его «с головы до пят», уже не выглядит так грозно. Вид фантастический! Находишься как бы на ступенях лестницы, ведущей в недоступную взгляду высоту. Нас начинает мучить недостаток кислорода. Одновременно приходит знакомое чувство легкого опьянения, перестаешь чувствовать собственный вес. Я - свободная частичка космоса, я - центр, вокруг которого все вращается. Со мной ничего не может случиться, я не могу упасть. Опасное состояние какого-то цепящего помешательства, подавляющего чувство опасности, вытесняется приступом безразличия, когда только максимальным усилием воли мы принуждаем себя к дальнейшему продвижению.

После полудня вершина значительно приблизилась, но наш темп замедлился. Страшно холодно, и я чувствую, как замерзают пальцы и ноги. Поглядываем на вершину. А что, если попробовать? Вдруг получится? Но во сколько мы будем на горе? В четыре часа? Это очень поздно. Мы же должны сегодня вернуться, у нас нет с собой ни спальных мешков, ни лагерного снаряжения. На каждый шаг нам уже нужно семь вдохов и выдохов. Никто не пытается говорить, слышно только сиплое дыхание друзей и поскрипывание шекельтонов по замерзшему снегу. Фотоаппараты противно мотаются на шее. Но у меня не хватает силы воли спрятать их в рюкзак. В минуты отдыха заставляю себя сделать несколько снимков. Спуск не слушается, надо снять рукавицы. На больших пальцах у меня глубокие трещины, доктора говорят от недостатка витаминов. При каждой перемотке кадров трещины углубляются, и из них течет кровь. Фотокамеры уже все в крови.

Мы проходим место, где стоял лагерь несчастных казахов. Ничего не видно, время скрыло следы трагедии. Сейчас уже никто и не думает о том, во сколько будем на вершине.

Мы должны это сделать, во что бы это ни стало! Впереди завершающий этап восхождения: могучая отвесная плита, одно из самых критических мест подъема. Она подозрительно поблескивает в лучах послеполуденного солнца. Если это лед, то сегодня на вершину уже не попадем. К тому же перед нами трещина. Одной рукой делаю зарубки во льду, а сердце так и колотится в горле. Несмотря на свое состояние, ясно вижу, что и положение моих друзей неважное. Ведь их башмаки и ледорубы едва ли на сантиметр зацепились за толщу льда. Если я сейчас сорвусь, то мы все четверо свалимся прямо в Китай.

Но вот опасность позади, и мы вновь поднимаемся в гору, стараясь обходить места, покрытые скользким льдом. Опять приходит знакомое чувство опьянения. Слегка подкашиваются колени, и мысли какие-то странные. Что сейчас происходит дома? Много ли народу купалось сегодня на плотине? Что нового на работе? Горы под нами выстраиваются в безмолвную серебряную цепь, в ряд картин, постоянно сменяющих друг друга, как кадры на экране фантастического кинотеатра. Мне кажется, что я среди этих гор испокон веков и останусь здесь навсегда. Иначе быть не может, потому что вокруг - бесконечность. А как мои друзья, - пронеслось в голове, - что они скажут, узнав, что мы были на вершине? Но ведь мы еще не дошли, мы продолжаем крутой подъем. Комья заледеневшего снега из-под ног идущих впереди, безжалостно бьют нас. «Уить, уить» - со свистом пролетают они мимо нас как стрелы. Сколько же еще шагов может быть до вершины? Я стараюсь сосчитать, но никак не могу продвинуться дальше двадцати, не получается. Начинаю снова, но мысли растекаются и куда-то улетают. Настала минута, когда надо собрать всю волю в кулак. Сто раз я был уверен, что все, это конец, дальше идти не могу, но... отсчитываешь семь вдохов, правую ногу вперед, потом еще семь - левую вперед.

Погода ухудшается, но вершина недалеко. Там наверху, где лежит эта огромная рыжая глыба, уже кто-то должен быть. Ну, еще совсем немножко вверх. На последних метрах кажется, что усталость уменьшается. Несколько шагов и мы наверху.

Сегодня суббота, 9 августа 1958 г., четверть седьмого вечера.

Мы стоим на ранее недоступной вершине и молча пожимаем друг другу руки. Уже поздно, со всех сторон наползают мерзкие тучи. Мы устали, очень устали, нас ждет опасный спуск. Но чувство огромного удовлетворения захватывает нас. Мы смогли это сделать! Мы покорили первый чехословацкий семитысячник.

На вершине, которая с сегодняшнего дня в память совместного восхождения русских, киргизских и чехословацких альпинистов называется пик Достук (Достук - по-киргизски значит дружба), мы долго не

задержались. Закопали там консервы для основной группы и подготовились к спуску. Я попробовал поснимать, но понял, что фотоаппарат с черно-белой пленкой совершенно замерз и не работает. Лишь верная камера «ОРЕМА» проявила какие-то признаки жизни. Моими усилиями был сделан один плохонький цветной диапозитив, на котором виднеются несколько закутанных фигур, окруженных морем туч.

Погода была неприятная, приближался вечер. Наш спуск напоминал бегство. Страшная пропасть справа, со стороны Китая, и отвесные скалы слева, со стороны Киргизии, вынуждали соблюдать осторожность. Мы, все четверо чехословаков, были в одной связке. Сначала шли двое, затем «подтягивалась» следующая двойка, вбивая ледорубы по самую маковку, чтобы не сорваться. Рядом с нами спускалась тройка крепких русских девчат: мощная мастер спорта Ия, сдержанная Аня и белокурая Светлана. Все три дошли с нашей группой до вершины. Тогда мы еще не знали, что случилось у Ии с пальцами на ногах. Она и сама этого пока не знала. Как безжалостны эти горы! Начнут подмерзать пальцы, вы говорите себе - ничего, это пройдет. А потом вдруг перестаете их чувствовать, и пришла беда! Большая вероятность обморожения - неприятное следствие недостатка кислорода. Здесь, внизу, в базовом лагере, после спуска стало видно какой это ужас. Бедняжка Ия еще належится в Москве со своими ногами!

После прохода крутого склона под вершиной, мы очутились на приятнейшем участке маршрута. Поскольку усталость брала свое, мы на минутку остановились отдохнуть и отдышаться. Опять пошел снег. Но мы были полны оптимизма: все позади, мы смогли это сделать!

Около половины десятого, в кромешной тьме, мы добрались, наконец, до пещер на высоте 6200 м. Найти их было не так легко, если бы не наши друзья из основной группы. Они ждали там, чтобы утром выйти по нашим следам сначала на пик Достук, потом дальше восьмикиллометровым гребнем до главной вершины. Они сигналили электрическим фонариком, и приготовили для нас горячий чай, на который мы жадно накинулись.

«Как настроение?» - спросил начальник экспедиции Игорь.

У меня хватило сил только на одно слово: «Голод!»

«Ничего, молодцы! - продолжал Игорь - хорошо, что вы хотите есть, это знак хорошей акклиматизации». Это была его любимая шутка.

Потом он официально поздравил нас как первых чехословаков, перешагнувших семитысячную высоту, за ним нас поздравили все остальные. После чего мы навалились на копченого лосося в масле. Он казался замечательно вкусным, и я опасаясь, что уже никогда лосось мне не

будет так нравиться. Мы быстро съели целую банку, уснули с ложкой в руке и спали как убитые. На прощание снежная пещера подарила нам безопасность и уют.

Утром мы продолжили спуск до перевала Чон-Терен. По мере спуска мы чувствовали, как убавляются силы. Нас истощило напряжение вчерашнего дня, и недостаток пищи сделал свое дело. Наконец, последняя отвесная стена пройдена, и мы по гребню быстро зашагали к перевалу. Горы вокруг нас, на которые мы еще вчера смотрели сверху, приобрели свои гигантские размеры. Видимость значительно улучшилась, и с утра мы время от времени видели Китай. Подойти ближе к краю мы побаивались, потому что вчера сверху видели, что снежные наносы на гребне достигают нескольких десятков метров в ширину. Идти по внешнему краю удобного, но невероятно коварного моста было равносильно самоубийству. Этот снежный «козырек» под тяжестью может просесть и сорваться в пропасть.

Перед нами высилась Юго-восточная стена пика военных топографов, огромная скальная стена, однородная от подножия до вершины (доломитного характера). Отвесная желто-коричневая скала, пересеченная сетью вертикальных и горизонтальных трещин и узких карнизов, на которых из-за крутизны не мог удержаться даже кусок снега. Высоту стены мы определили в 1500 м.

Вправо от нас ярко сверкала долина ледника, начинавшегося на перевале. Внизу он был значительно разрушен и заканчивался в сером нагромождении морен. А горы в Китае быстро снижались, были ниже и круче, чем на советской стороне и быстро переходили в желто-коричневые степи, а возможно и пустыни. Оледенение на китайской стороне было меньше. Что и понятно, если иметь в виду, как близко подходит к подножию гор сказочная пустыня Такла-Макан.

На перевале мы отдохнули. Дышалось уже легче, солнышко играло, и мы согрелись впервые за несколько дней. Сняли пуховки, кто-то нашел в рюкзаке конфеты, и нам стало хорошо.

Мы сидели на камнях, смотрели вокруг себя. Вновь и вновь оглядывались назад на гребень, на вершину, которая торчала над нами как угрожающе поднятый указательный палец. Вчера мы там были. Как много произошло за последние 24 ч. Где-то там наши пещеры на 6200 м - а помните крутой подъем под плиту? Там под вершиной - белая сияющая плита, угрожающе наклоненная. Мы видим - как раз к ней движется группа черных точек. Вы бы сказали, что это камни. Один, два, три, четыре..., да их восемнадцать. Это основная группа, начавшая свое колоссальное восхождение на Пик Победы через пик Достук. Они уже

высоко. Наши следы облегчают им работу, но их скорость просто потрясающая. После полудня они будут на вершине, на которой мы были вчера вечером с нашими советскими друзьями. Теперь мы спустимся с перевала и через несколько часов будем в лагере.

Вниз пошло быстрее. Прошли траверсом по льду вправо и опять очутились под «дамокловым мечом» ледника. Казалось, что за время нашего отсутствия от него не отвалилась ни одна глыба льда. Но может отвалиться, поэтому что есть силы - вниз! Спускаемся без веревки. Вдруг я упал и поехал быстро вниз. Старался затормозить ледорубом, но понял, что так спуск идет быстрее.

Друзья последовали моему примеру. Съехали благополучно, ничего и не могло случиться. Наш спуск выглядел не очень элегантно, но безопаснее, чем на ногах. Во льду под снегом много трещин, куда могла попасть нога, и согласно накоплению кинетической энергии тела ногу можно было сломать. А поломать себе ноги сейчас, когда все позади - все-таки страшная глупость.

Лагерь 5500 м был в наших фантазиях местом, где могут быть удовлетворены не все, но большая часть наших желаний в смысле утоления голода. Когда же мы дошли до лагеря, наши надежды развеялись.

Там не было ничего, кроме сушеной рыбы, сухарей и консервированного молока. Этого была целая гора (она там и сейчас). В нашем бедственном положении это нас не очень радовало. Но не сгущенкой единой жив человек! Мы поглощали сушеную рыбу с сухарями, запивая ее сильно разбавленным консервированным молоком. Не смотря на странность комбинации блюд, нам это казалось вкусным.

Насытившись, мы, разумеется, сразу пошли спать. Петр Кузьмич, руководитель нашей группы (Игорь Ерохин был сейчас где-то на пике Достук) внушал нам, что утром надо встать очень рано, хотя бы полчетвертого. Мы едва понимали его слова, потому что уже лежали в спальных мешках и проваливались в крепкий сон. А-а-а-х, как это приятно, спать внизу, в сухой чистой палатке, где человеку ниоткуда не сыпется за шиворот снег!

В половине четвертого звезды смотрели сверху на мертвый лагерь, жители которого спали сном праведников. Не проснулся никто, даже Петр Кузьмич. Он встал около пяти и старался поднять спящий лагерь на ноги. Он ходил от одной палатки к другой и кричал: «Па-а-дъем», а затем: «Пошевеливайтесь, ребята, живей, живей!» Но ребята, казалось, не проявляли признаков жизни. Это все-таки так бесчеловечно, вставать ночью, во тьме, в 20-градусный мороз. Вы легко поверите мне, что среди самых неприятных воспоминаний, ранние подъемы стоят на

первом месте. Ну, что за сумасшествие - вставать так рано, ведь мы уже идем вниз. Я пытался заглушить остаток разума, который говорил, что вставать надо. Я могу сто раз решить это простое уравнение: чем позже встанем, тем дольше и больше мы будем мучиться днем в размякшем снеге. Совершенно ясно, как это будет выглядеть. Внизу на леднике обмякнет снежный наст. И мы будем вязнуть и проваливаться в трещины. И проклинать себя, что не встали раньше, и клясться, что теперь встанем не в четыре, а в два часа, чтобы идти, пока снег еще держит.

Но результат всех усилий, пока сидишь в спальном мешке, всегда одинаковый: еще немножко - еще минуточку поспать в тепле. Но скажите честно - это гуманно - вытаскивать людей из спальных мешков на 20-градусный мороз ночью? Петр Кузьмич проявил доброту, и в соседних палатках никто так и не пошевелился.

Где-то в полседьмого Петр Кузьмич прилагает новые усилия разбудить спящий лагерь. К удивлению, он сосредоточился на нашей палатке и начал свое «наступление» словами: «Все уже встали, ждем только вас!» Это невозможно - я вскочил заспанный - стыд и позор, чтобы весь лагерь ждал, пока чехи вылезут из палатки. Вдохновленный патристическими чувствами, я в быстром темпе вылез.

Снаружи мне представилось удивительное зрелище. Раннее солнце вставало со стороны Китая на голубом небосклоне и отбрасывало огромную тень от перевала на ледник. В тени был спящий лагерь и Петр Кузьмич наполовину злой, наполовину довольный тем, что ему удалось хоть кого-то выманить из палатки. У него было такое грустное лицо, что я совершил «грязное» дело против моих спящих товарищей. Мы ходили вместе от палатки к палатке и через час, наконец, поставили на ноги спящий лагерь.

В половине десятого мы были готовы к выходу. Лагерь свернут и сложен частью в рюкзаки на спинах его обитателей, частично на сани, которые имелись в лагере на случай транспортировки раненого. К счастью возможность использовать их по назначению не представилась. Мимо пробежал Толя и коварно предложил каждому по банке консервированного молока, которого осталось на леднике великое множество.

«Может, ты хочешь взять с собой в Чехословакию сгущенку?»

Спасибо, не хочу, у меня своих 30 кг на спине и к ним еще прибавилась палатка. Я привязал ее на рюкзак, который и без того был небывалой высоты, что дало повод к взволнованной дискуссии: какой рюкзак лучше высокий или низкий. Общество разбилось на две группы, уничтожавшие друг друга физическими выкладками. Бог знает, что на нас напало! Кто-то счел нужным вычислить отношение высоты к весу рюкзака, под-

тверждая свое мнение разными синусами и косинусами. Поскольку все присутствующие были «технарями», мы так и не пришли к такому простому понятию как дисперсия и момент силы. Когда снег вокруг был изрисован фигурами с разными рюкзаками и исписан невероятно сложными математическими формулами, обе группы вдруг успокоились, убежденные, что им удалось наголову разбить точку зрения противника.

Если бы в этот день кто-то пришел на ледник Звездочка, он бы увидел картину, достойную внимания. Группа людей с рюкзаками на спинах тянула тяжело нагруженные сани, напоминая членов неудачной экспедиции Скотта к Южному полюсу. Это была изнурительная работа: тянуть сани до спуска, а затем тормозить их сзади при спуске. Я не мог себе представить, как мы повезем их по ледопаду. К счастью сани быстро поломались, и мы оставили все на месте, быстро покидая склоны, угрожающие лавинами с Ак-Тау.

Солнышко проглядывало через тучи, даже пригревало. И вот это началось. Сначала я провалился по колено, но не придал этому значения. Потом все чаще и чаще, и это уже было не приятно. Потом, о ужас, снег подо мной провалился, и я повис на рюкзаке, напрасно ища опору ногами. Подо мной была пустота. Я зацепился за хилую кромку льда, которая легко ломалась. Позвякивание заледеневшего снега, обваливавшегося подо мной и падавшего куда-то глубоко вниз, пугало меня.

- Осторожно, трещина!

Бог знает, какой ширины. Но очень глубокая, не менее нескольких десятков метров.

- Не двигаться, застынь на месте, иначе провалишься совсем.

Хорошо сказать: не шевелиться, а если чувство самосохранения говорит совсем другое? Друзья подползали на животе, протягивали ледорубы, помогая мне вылезти. В это время проваливаются еще двое. Трещины везде вокруг нас. Мы в ловушке. Не остается ничего другого, как идти в связке по трое и, гусиным шагом, - вперед! Каждую минуту кто-то проваливается, мы уже измучились, пот так и льет с нас, а ведь мы не прошли и пятой части опасного места. «Видите, видите, - приговаривает Петр Кузьмич, - я вам говорил, вставайте раньше. Мы могли это место пройти, когда снег был замершим». Мне было хуже всех с моими 85 кг собственного веса. Рюкзак с палаткой довершили мою горькую судьбу. Я был самым тяжелым мужчиной в группе, и при этом никто не верил, что я вешу так много. «И почему этот Володя все время проваливается?» - удивлялись они.

Ни веревка вокруг пояса, ни крепкие руки друзей, каждую минуту вытаскивавшие меня из трещин, не успокаивали. Я от всего этого просто озверел, при обнаружении подозрительных мест, падал на землю

и проползал их на животе. Я казался себе скотиной, которую ведут на убой. Что я кому сделал плохого, что должен так мучиться? Не знаю, сколько было трещин на леднике Звездочка, я их не считал. Но то, что я нашел их все, в этом я уверен.

Как раз, когда я висел на руках в очередной трещине, и меня опять вытаскивали, мимо прошла Аня. Эфемерное создание с маленьким рюкзачком, весившее вместе со снаряжением килограмм на тридцать меньше меня. Не в связке, она спокойно шла вперед.

- Ради бога, Аня, - крикнул я ей, - тут трещины, осторожней и повяжись веревкой!

- Ничего, - она бесхитростно мне улыбнулась, - мне не надо, Володя, не надо.

И шагала легко и нематериально, как божий дух над водами в первый день после сотворения мира. Как я завидовал ей в эти минуты!

Я начал злиться, но это мне не помогало. После двух часов мучений, ко мне пришла спасительная мысль. Я вынул из рюкзака матрасик из полистерена - теплоизолятор, на котором спал во время ночевки. Разрезал материал, в который были зашиты полистереновые пластины, и прикрепил на каждый ботинок по полматраца. Хорошенько закрепил веревкой, и снегоходы были готовы! Дело пошло лучше. Вот для чего могут пригодиться полистереновые коврики! А ведь раньше альпинисты от моего матраца воротили нос и говорили - полистерен, он тверже камня. Но попробуйте сделать снегоходы из надутых резиновых матрацев! Хорошо смеется тот, кто смеется последний!

В базовом лагере, наконец, исполнились наши вожаденные желания. Не надо было рано вставать, и можно было досыта напиться и наесться. Мы регулярно пользовались этой возможностью, и наша повариха Соня за нас чрезвычайно радовалась. О группе на гребне, которая упорно прокладывала дорогу к главной вершине, мы не имели никаких известий. С 10 августа, когда мы расстались с ними под пиком Достук, у нас была только одна возможность связи: каждый вечер, ровно в 22 ч на видном месте на гребне они зажигали термитовый факел, дающий необычно яркий проникающий свет. Одно зажигание значило, что все в порядке, три последовательных - просьба о помощи. Мы напряженно ждали каждый вечер сигнал и страстно желали, чтобы он был один.

Погода нам не благоволила. Было противно, пасмурно и часто шел снег. Только однажды вечером в ясную погоду мы увидели высоко на гребне спасительную звездочку, означающую, что все в порядке. Они не прошли еще и половины пути. А в следующие вечера снова туман, снег и тревога.

Пять дней - нет известий от наших друзей. Уже *семь дней* они, не переставая, борются на высоте более 7000 м с недостатком кислорода и отчаянно плохой погодой. Мы начинаем серьезно опасаться и думать об их спасении. Что же делать? Мы хотели еще пройти по маршруту Абалакова на главную вершину, но в такую погоду это было бы безумием. Кроме того, не имело смысла расходовать силы, когда в каждый момент может потребоваться идти на спасение. Мы принимаем решение: пожертвовать главной вершиной и ждать в готовности.

17 августа погода немного улучшается. Напряжение стало невыносимым. Никто не разговаривает, и взгляды всех прикованы к тому месту, где в разрывах туч поблескивает главная вершина. Что с ними? Что если где-то мерзнут, ранены или засыпаны лавиной?

Что если посылали сигнал бедствия, который мы не смогли увидеть, и теперь отчаянно ждут помощи, которая не приходит? А мы сидим тут и проводим время в бездеятельности. Но что мы можем сделать?

Большой бинокль на штативе постоянно направлен на вершину. Стоит только на минуту рассеяться тучам, как все около него и исследуют северные склоны. Мы уже знаем наизусть каждую трещину в леднике, каждую скалу. За прошедшие дни наверху выпало огромное количество свежего снега, и опасность лавин в местах, где наши друзья будут спускаться просто ужасающая.

Мы лежали в палатке, когда в лагере началась радостная суматоха. «Идут, идут!» Все кинулись к биноклю, всем хочется посмотреть. Действительно, с одинаковой дистанцией, как бусинки невидимой нити, они спускаются. Идут в хорошем темпе, оставляя за собой цепочку следов на снегу. Наше напряжение сразу уменьшилось. Они живы! Сегодня будут ночевать еще на Северном гребне, а завтра уже будут здесь. *Вуйта (1961). Перевод с чешского Тани Кислицыной (2008).*

Из воспоминаний Ани Тихоновой

Тихонова (2008). Вышли из лагеря 5500 м при хорошей погоде, при подъеме на Чон-Терен опустились облака, и пошел мелкий снег

С перевала подъем начинается с каменистого, а затем крутого снежного (снежно-ледового, в пургу не видно) склона. К этому времени разгулялась жестокая тянь-шаньская непогода. Со стороны Китая дул ураганный ветер, снег валил хлопьями. В нашей связке впереди шел Боря Локшин, я за ним, но пурга была такая сильная, что порой я его едва различала. Вдруг откуда-то сверху из метели вынырнул Петр Кузьмич Скоробогатов и истерически стал требовать поворачивать назад. И тут Боря совершен-

но твердо, как будто они были на равных, спокойно ответил, что согласно приказу мы идем к пещерам, подготовленным при акклиматизационном походе. Уверенность, звучавшая в Бориных словах, успокоила не только нас, но, кажется, отрезвила Петра Кузьмича, и он исчез в метели. Мы продолжали медленно и упорно идти вверх, утопая в свежем снегу.

Передовая группа, вышедшая накануне еще при хорошей погоде, встретила нас около снежных пещер, вырытых на высоте примерно 6500 м. Такая предварительная подготовка оказалась очень мудрой, фактически она предопределила успешный исход массового высотного восхождения на вершину Восточной Победы.

В нашей пещере жили Икуся Соколова, Рем Хохлов, Дима Карпов и я - все выпускники МГУ. После ветра и метели пещера показалась весьма комфортабельным местом. Она была достаточно большая, так что можно было спокойно сидеть. Чтобы не дуло вход закрыли снежными кирпичами. Вниз подстелили палатку, разложили спальные мешки, осталось место для примуса. В этой пещере мы пережили три дня непогоды.

На меня высота действовала - особенно в первый день. Болела голова, ночью не спалось, днем не бодрствовало. На второй день стало полегче, только очень хотелось пить. На примусе мы топили снег, кипятили воду и заваривали чай, готовили кашу из концентратов. Наиболее изысканным блюдом был жидкий клюквенный кисель из брикета, хотя и отвратительного бледно-розового цвета. Его заедали галетами.

Настроение изменилось на третий день. Дима из своего угла пещеры начал читать стихи. Я читала в разных воспоминаниях, как альпинисты на ночевках читали стихи. И думала, что это от избытка эстетических впечатлений. А тут в пещере, под вой пурги Дима читал стихи молодого Маяковского, читал звонко, с задором. Населению пещеры передалась его энергия, и мы сварили суп и с удовольствием пообедали. А потом Рем начал по памяти читать «Евгения Онегина», всего, главу за главой от первой до последней главы. Он читал спокойно и четко, так что гармония стиха была ясно слышна.

Пред ним roast-beef окрововленный
И трюфли - роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым...
А в голове крутилось:
Боюсь, брусничная вода
Мне не наделала б вреда...

Заброски на Восточную победу. На склоне Икуся Соколова.
Фото Володи Малахова (1958)

По глубокому снегу.
Фото Володи Малахова (1958)

К вечеру непогода утихла, внизу открылась долина Звездочки. Между пещерами в чьем-то обществе прогуливался Игорь Александрович. На следующее утро был назначен всеобщий выход к вершине Восточной Победы. На вершину мы по плану должны были занести часть продуктов и горючего для траверсантов. Нам, слабым женщинам, выдали по 3 кг общественного груза.

В нашей связке первым шел Рем. За дни непогоды навалило очень много свежего снега. Из-за большой высоты снег был сыпучим, так что на нем не сохранялось следов. Рему приходилось почти прокладывать траншею. Я шла за ним и увязала в снегу выше колен. Такой подъем был изнурительным, но погода была хорошая, что оказалось гораздо важнее, чем всякие другие трудности. Мы прошли мимо того места, где погибла экспедиция казахских альпинистов в 1955 г. - из рыжей скалы торчали несколько крючьев и по ветру болтались обрывки веревок.

Постепенно склон становился менее крутым и более жестким. По широкому гребню мы вышли к скальным выходам на вершине Восточной Победы (7045 м). От них на запад отходил снежный гребень к Главной вершине, по которому и предстояло пройти траверсантам. На юг открывался вид на Китайский Тянь-Шань, голубовато-зеленый, залитый солнцем.

Недолго полюбовавшись панорамой с вершины, мы распрощались с товарищами, пожелали им удачи и начали спуск к нашим пещерам. Переночевав в них, мы на следующий день благополучно спустились в нижний базовый лагерь. Оттуда каждый вечер все ждали светового сигнала с гребня. Тихонова (2008).

Из воспоминаний Юры Зверева

Зверев (2008). Ерохин включил меня в основную группу траверсантов из 16 человек. Мы шли позднее основной группы восходителей на Восточную Победу. Запомнилась толчея в лагере на 6200 м, где на крошечном пятачке встретились люди, спускавшиеся с Восточной вершины после восхождения и наша группа, идущая вверх по их следам. Подъем на Восточную дался мне очень тяжело - остро не хватало кислорода, силы были на исходе. Ночевка на Восточной вершине была не простой - на высоте 7000 м из-за нехватки кислорода, я ни на минуту не сомкнул глаз и чувствовал себя довольно скверно. Поэтому когда утром Игорь Ерохин спросил, - Кто пойдет сопровождать вниз заболевшего Борю Захарьева - у него была высокая температура, - вызвались я и Саня Кабалеvский. Погода была по-прежнему ужасная: снег, туман, видимость плохая, следы

Подъем на Восточную Победу. Впереди Ваню Галустов. Сзади стена пика Военных Топографов, уходящая в Китай. Фото Юры Зверева (1958)

заметает, мороз. По-видимому, мы начали спуск 11 августа, а добрались до лагеря на 4200 м - 13 августа. Мы шли по остаткам следов подъема. Так как этот путь прошли 44 человека, а многие вверх и вниз, то в некоторых местах следы остались различимы. Хотя мы все-таки чуть сбились с пути и уклонились влево, в сторону стены Победы. Здесь увидели висящую веревку, уходящую в бездну - след казахской трагедии 1955 г.

К вечеру мы дошли до пещер лагеря на 6200 м. Все входы были полностью заметены, хотя место лагеря было отчетливо видно. Мы судорожно стали отрывать вход в пещеру - по памяти он должен был быть где-то здесь. Рыть было трудно, сил не было, да и все мы трое были не совсем в форме. Примерно через час мы ввалились в большую пещеру, открытую много раньше и неоднократно расширенную предыдущими постояльцами... Но совсем не с той стороны, где ранее был вход. Оказалось, что мы рыли через стену в новом месте. Но комфорт и покой пещеры после холода, ветра, снегопада наверху был неоценимым. В палатках мы были бы обречены. Здесь сполна проявилась ерохинская мудрость: только пещеры! И это при том, что отыскать полноценную пещеру наверху - огромный труд и несколько часов времени.

На следующий день мы продолжили спуск. Миновали перевал Чон-Терен и спустились на ледник Звездочка. Но здесь новая напасть: снег и туман, ничего не видно, кругом трещины. Только сходящие со стены Победы лавины по грохоту дают общее представление о направлении. Тем не менее, запомнилась такая сцена: идем прямо, однако если посмотреть на свои следы назад, путь загибается в сторону почти под прямым углом.... Решили ночевать в снегах верховья ледника Звездочка. Нашли какую-то ложбинку, и с колоссальным трудом крышками от кастрюль отрыли не пещеру, а в лучшем случае что-то вроде норы, куда с трудом забились и переночевали. На следующий день разъяснилось и мы увидели остатки опустевшего лагеря на 5500 м - народ оттуда ушел два дня назад вниз, в базовый лагерь на 4200 м. И вот мы уже сидим в полуобрушенном парашютном шатре большой палатки и на нещадно коптящем примусе растаиваем снег, и пьем, пьем, пьем... К вечеру мы уже были в базовом лагере - худые, замученные, опустошенные... но живые. Так закончилась для меня основная часть этой великой эпопеи. Пожалуй, самые сильные ощущения в жизни я испытал на Победе. *Зверев (2008).*

Из воспоминаний Белопухова и Божукова

Белопухов, Божуков (1963). 4 августа 33 альпиниста под руководством мастера спорта П. К. Скоробогатова вышли из лагеря на 5500 м. День

спустя из нижнего базового лагеря вернулись Володичев и Божуков. Фрунзенская метеостанция обещала до 17 августа хорошую погоду. С этой обнадеживающей вестью они поднялись на перевал Чон-Терен к группе Скоробогатова, задержавшейся здесь из-за непогоды.

Всю ночь мела пурга. К утру не хотелось даже высовываться из пещеры. После полуторасуточного ожидания далеко не у всех сохранилось боевое настроение. Со словами: «В такую погоду на гребне останется не 11, а все 45», ушел вниз Маречек. Он имел в виду катастрофу 1955 г. Сопровождать его пришлось альпинистам Киргизского клуба - Еропунову и Артемову. Руководитель этой группы, о присоединении которой просили спортивные организации Киргизии, мастер спорта Алим Романов еще раньше не смог выйти на восхождение из-за болезни, а отсутствие руководителя, по-видимому, ослабило волю его подшефных. Не без труда сдерживая гнев, начальник альпиниады дает им последние указания. Ерохина можно легко понять: малодушие могло подействовать разлагающе и на молодых, только еще вступающих на стезю высотного альпинизма восходителей. А наш руководитель верил, что волевой, спаянный коллектив, находящийся в хорошей спортивной форме, располагающий отличным снаряжением, может пройти по любому маршруту и в такую погоду. От всей шестерки киргизских альпинистов остались двое: Саша

По глубокому снегу на Восточную Победу. Фото Чадеева (1958)

Рябухин и Маматали Батыров. Вместе с остальными они и вышли на штурм поднимающегося гигантскими ступенями снежного гребня.

Через несколько часов вслед за ними выходят участники траверса. Следы первой группы уже занесены снегом. Приходится заново протаптывать глубокие траншеи. Наконец лагерь на 6200 м. Рядом с пещерами, в которых разместились группа Скоробогатова, устанавливают палатки вновь прибывшие. Ночью метель усилилась, палатки стало засыпать потоками снега, который, подобно лавинам, стекал по склону. Пришлось срочно перебираться в пещеры. Мы вспомнили рассказы Урала Усенова о том, как в 1955 г. в таких же условиях и почти на этом же месте разыгралась трагедия в группе Казахского клуба. Слишком поздно подумали они о том, чтобы рыть пещеру.

В наших пещерах очень уютно, не слышно воя ветра, только гудят примусы да продолжают рассказы, начатые еще в базовом лагере.

7 августа метель продолжается. Обсуждали возможности дальнейшего штурма, пересмотрели запасы: у Скоробогатова на исходе бензин. Решили отдать ему запасы траверса, послать за бензином в лагерь на 5500 м четверку под руководством Бориса Романова. Дважды пытались они начать спуск, но ветер и снегопад возвращали их в пещеру.

Лишь 8 августа, воспользовавшись недолгим затишьем, связка ушла вниз. Группа Скоробогатова тоже готовится к выходу: надето шерстяное белье, свитера и шерстяные костюмы, взяты рюкзаки с небольшим запасом продуктов и бензина.

Последние пожелания, напутствия. Постепенно набирая высоту, один за другим уходят альпинисты на штурм окутанной туманом Восточной Победы.

В составе группы три девушки: молодой научный работник МГУ Ия Соколова, студентка того же вуза Аня Тихонова и студентка МВТУ Светлана Щукина.

Траверсанты остались в пещерах, поджидая посланную за бензином группу и спуск группы Скоробогатова. Целый день горел примус, готовили суп, кашу, чай. По очереди вылезали из пещеры и следили за теми, кто на восхождении. К полудню туман рассеялся, открылся весь гигантский гребень. Стали видны восходители. Они преодолевают последний взлет, начинают продвигаться по предвершинному ребру. Самой вершины не видно. Еще немного времени, и первые люди появились на спуске.

Погода вновь портится. Завыл ветер, похолодало, посыпалась мелкая ледяная крупа. В адрес метеорологов, обещавших хорошую погоду, летят самые не лестные эпитеты.

Связка за связкой спускались альпинисты к пещерам. На вершину одновременно поднялись 28 человек. Все они очень устали, сказались огромная физическая нагрузка и недостаток кислорода. Все же наши девушки, покорившие семитысячную высоту, стараются улыбнуться. Улыбаются и киргиз Маматали, и наши чешские друзья. Ведь восхождение стало интернациональным. Восходители сообщают, что они хотели бы присвоить взятой ими восточной вершине киргизское название Достуг - Дружба.

9 августа коллектив Ерохина, бросив последний взгляд на обжитую и порядком надоевшую пещеру, начал подъем к Восточной вершине. Вместе с участниками траверса поднималась связка Романова, вернувшаяся с бензином.

Достигнув вершины, восходители ставят палатки среди громадных гранитных глыб. Ерохин отдает уходящему вниз Борису Романову последние распоряжения по восхождению на Победу по Северному ребру. Забегая вперед, следует сказать, что из-за плохой погоды группе не удалось выйти на это восхождение.

Ночь провели в палатках. Попытка выйти утром на дальнейший траверс безуспешна: видимости нет, на гребне ураганный ветер. Решили отсиживаться, тем более что заболел Борис Захарьев. Учитывая опыт житья на высоте 6200 м, решили не валяться без дела в палатках, а заняться рытьем пещеры. Снег плотный и неглубокий, пришлось целый день рубить лед.

Аркадий Цирюльников провел еще раз медицинский осмотр, оказывается, данные пульса и кровяного давления имеют большой интерес для науки. Для нас же сейчас важнее то, что мы вовремя узнали о болезни Бориса. Вывод врача: срочно спускаться вниз. Обидно Саше Кабалеvскому и Юре Звереву прекращать восхождение, но они быстро собрались и, подстраховывая Бориса, ушли по гребню. Осталось тринадцать.

На следующий день непогода. Выйти не удастся. Вечером приходим к выводу: нельзя ждать улучшения погоды на месте, надо идти, хоть немного, но продвигаться каждый день вперед.

12 августа группа покинула Восточную вершину. Путь идет по острому снежному гребню, окаймленному справа ажурными карнизами. Пурга не прекращается. Преградившие путь скалы обошли слева, спустившись метров на сто по крутому снежно-ледовому склону. Внизу вдоль скал снег такой рыхлый, что идущий впереди утопал до головы.

К 16 ч группа остановилась на ночевку в снежной мульде. Около 3 ч уходит на рытье пещер: в палатках ночевать здесь невозможно. С трудом удалось натянуть под порывами ветра палатку, чтобы временно

положить в ней рюкзаки. Но и рыть пещеру на высоте 7000 м нелегко, а еще хуже ждать своей очереди. Белопухов, Божуков (1963).

Незапланированный выход за бензином

Дубинин, Чайнов (2008). Прошла разведка нашего маршрута на Победу, сделана заброска и вырыты пещеры на месте промежуточного лагеря на 6200 м, одна группа сделала восхождение на пик Военных Топографов. После отдыха, обсуждения плана дальнейших действий и определения состава группы на Главную Победу настало время штурма.

Экспедиция в полном составе вышла из лагеря на 5500 м и остановилась на ночевку в пещерах на 6200 м. На следующий день погода сильно испортилась, валил снег, дул сильный ветер, не было никакой видимости. Это продолжалось 4 дня. Запасы бензина стали вызывать тревогу. На пятый день видимость немного улучшилась, но сильный ветер продолжал свирепствовать. Ерохин объявил, что группа в составе: Б. Баронов, В. Дубинин, Б. Локшин, Б. Романов (руководитель), Б. Чайнов должна спуститься на 5500 м за бензином и доставить его на 6200 м.

Участникам этой группы совсем не хотелось отправляться в это путешествие, но приказ есть приказ, да и Ерохин обещал всех нас взять на траверс. Видимость при спуске была метров 30-40. Температура была довольно низкой - на открытых частях рук появлялись пузыри, как при ожогах. Но удалось успешно спуститься с перевала на ледник - наверное, помогли оставшиеся следы от подъема.

Оказалось, что на леднике не было видно никаких ориентиров, даже самого массива Победы. Решили «провешивать» наше передвижение. Первые старались идти по прямой, перпендикулярно хребту, с которого мы спустились, на расстоянии 30-40 м друг от друга, последний корректировал их движение. Тем не менее, мы довольно точно вышли к нашему лагерю на 5500 м. Поужинали, чем Бог послал (запасов продуктов на 5500 м практически не было), переночевали, взяли бензин и пришли на следующий день на 6200 м уже при довольно хорошей погоде.

В это время основная масса экспедиции и часть траверсантов во главе с А. Белопуховым двигалась к Восточной Победе. К вечеру траверсанты остались ночевать в палатках на Восточной, а остальные к вечеру спустились к пещерам на 6200 м. Мы в это время были уже там, и встречали их. Из пришедших запомнилась Аня Тихонова. Она еле двигалась, имела безумный вид и только просила: «Дайте пить».

На следующий день мы вместе с оставшимися траверсантами пошли на В. Победу, а спустившиеся с нее - двинулись вниз. На траверс Ерохин, за исключением Б. Локшина, никого из нас не взял, но зато в наши

рюкзак был добавлен груз, который мы наверху передали траверсантам. Мы поднялись на В. Победу, дошли до пещер и заночевали. Без особых приключений спустились до 5500 м и затем до базового лагеря. Дубинин, Чаянов (2008).

Из воспоминаний Бориса Локшина

Локшин (2008). По первоначальному плану практически весь состав экспедиции должен был совершить (и совершил) массовое восхождение на Восточную вершину Победы (7040 м). После этого, траверс массива Победы до Главной вершины со спуском по северному склону, должна была продолжить группа из 16 человек. В нее были включены самые сильные и опытные альпинисты, и опытные высотники. Я среди них не значился, и мое участие в траверсе не планировалось. Но дальнейшее развитие событий привело к тому, что группа траверса сократилась до 13 человек, и я был включен в их число.

Надо сказать, что тактика проведения акклиматизации путем многократных подъемов на все большую высоту с последующими спусками прекрасно себя оправдала. Если при первом подъеме на 6200 м я еле тащил ноги и у меня раскалывалась от боли голова, то второй подъем прошел сравнительно легко, а третий (о нем речь впереди) прошел практически без затруднений и в хорошем темпе.

Лагерь 6200 м находился на гребне, ведущем от перевала Чон-Терен к Восточной Победе примерно в том же месте, где в 1956 г. погибла казахская команда. Они ночевали в палатках, когда их застигла непогода. Палатки порвало и завалило снегом, и они были вынуждены начать спуск обратно. В условиях непогоды и плохой видимости они потеряли правильный путь спуска и погибли все, кроме чудом спасшегося Урала Усенова.

Если бы не четкая установка Ерохина на строительство пещер, мы могли бы оказаться в сходной ситуации. Рытье пещер отнимало много времени и сил, зато в любую непогоду в пещере было тепло и безопасно (главное, вовремя расчищать вход для воздуха, чтобы не задохнуться). Когда мы достигли лагеря на 6200 м и устроились в ранее вырытых пещерах погода, как часто бывает на пике Победы, испортилась. Все 44 человека, совершавшие восхождение на Восточную Победу, были вынуждены провести в пещерах 4 суток, пережидая непогоду. Это поставило под удар основное мероприятие экспедиции - траверс. В течение этих 4 дней людей надо было кормить и поить, а для этого было нужно горячее для примусов. Мы использовали в примусах вместо бензина гексан, поскольку бензин на больших высотах в условиях холода и недостатка

кислорода плохо горит. Запасы гексана быстро истощались, несмотря на режим экономии, и, в итоге, у нас не оставалось необходимого запаса топлива для обеспечения длинного траверса массива Победы.

Было необходимо кому-то спуститься в лагерь на 5500 м, где имелись запасы топлива, и принести его наверх для нужд основной команды. На 3-й день нашего лежания в пещерах Ерохин приказал группе (кажется под руководством Нелидова) спуститься вниз за гексаном. Группа начала спуск, но вскоре вернулась обратно. Погода была по-прежнему нехорошей, спуск вниз был плохо виден. Группа, вспомнив о судьбе казахской команды, сочла за благо вернуться по собственным следам в пещерный лагерь. Проблема оставалась нерешенной и на следующее утро вниз была отправлена другая группа. В нее вошли Вадим Дубинин, Борис Боронов, Борис Романов, Борис Чаянов и я. Мы благополучно спустились в лагерь на 5500 м, переночевали в нем и рано утром начали обратный подъем на 6200 м, тяжело нагруженные топливом и продуктами.

Как я уже говорил, этот, третий по счету подъем на 6200 м показался мне легким, погода улучшилась, и мы очень быстро поднялись сначала на перевал, а затем и на 6200 м. Когда мы там оказались, лагерь был пуст. Почти все ушли наверх в сторону Восточной Победы. Утром мы двинулись следом, пользуясь набитыми в снегу нашими товарищами ступенями. К вечеру мы достигли Восточной Победы, вблизи от ее вершины уже был построен следующий пещерный лагерь, где мы могли отдохнуть после длинного набора высоты. В итоге, вершины Восточной Победы достигло 44 человека, в том числе 3 женщины: Аня Тихонова, Ия Соколова и Светлана Щукина.

Окончательное решение о том, кто продолжит траверс, принималось здесь, на высоте 7000 м после восхождения на Восточную Победу. Не все себя чувствовали достаточно хорошо, а работать предстояло еще порядка 10 дней на высотах около 7000 м и выше. В итоге, с учетом всех обстоятельств, в составе команды произошли частичные замены, и она была сокращена до 13 человек. Ерохин предложил мне продолжить траверс в составе команды, и я с радостью согласился. Так я оказался в группе траверсанта. Я не знаю всех соображений, которые привели Ерохина к решению о включении меня в состав команды, но могу предположить некоторые из них. Во-первых, я заработал это право, обеспечив группу траверса горячим, хотя в этом была не только моя заслуга. Во-вторых, я был председателем альпинистской секции МГУ, немало сделал в период подготовки экспедиции. Председатель секции МВТУ Володя Шполянский также вошел в состав группы траверсанта. Ну и, главное, поднявшись за один день с грузом с 5500 м до 7040 м, я пока-

зал, что нахожусь в неплохой спортивной форме. Так сбылась моя мечта. Вместе с товарищами я прошел траверс массива Победы от перевала Чон-Терен через Восточную вершину со спуском по северному склону. Даже сейчас, через 50 лет после этого события считаю, что это было одним из самых главных достижений в моей жизни. *Локшин (2008).*

Из воспоминаний Коли Володичева

Володичев (2008). Восхождение на пик Восточная Победа у Игоря Александровича Ерохина занимало особое место. Восхождение на эту вершину становилось успешным началом траверса всего массива пика Победы, главного события экспедиции Игоря Ерохина. По задумке Ерохина, на Восточную Победу должен был подняться весь спортивный состав экспедиции, то есть более сорока человек, и сразу же за этим шестнадцать человек должны были начать траверс массива Победы в сторону Главной вершины. Поэтому подготовка к этому восхождению началась сразу после организации верхнего лагеря на высоте 5500 м в верховье ледника Звездочка под перевалом Чон-Терен. С этой целью, а также для дополнительной высотной акклиматизации, состоялся выход всей экспедиции на склон Восточной Победы. Ерохин предполагал в этот выход подняться примерно до высоты 6500 м, вырыть там снежные пещеры, переночевать и спуститься в верхний базовый лагерь под перевалом Чон-Терен. Вырытые снежные пещеры на высоте 6500 м должны были послужить нам и в будущем - при подъеме на Восточную Победу. Мысленно Игорь Александрович постоянно обдумывал предстоящий траверс Победы и искал возможность усилить надежность восхождения.

Первый выход на Восточную Победу начался с подъема на перевал Чон-Терен. Путь пролегал по крутому скально-ледовому склону, через трещины и в ряде случаев на сложных участках для безопасности нами были навешены веревки, которыми мы пользовались на протяжении всей экспедиции. Подъем на перевал занял около 1,5 ч. Высота 5900 м. Мы вышли на Меридиональный хребет, в котором находится пик Восточная Победа и по которому проходит граница с Китаем. На перевале заночевали. На следующий день продолжили подъем по снежно-ледовому, крутому склону Восточной Победы. Поднимались целый день, шли в связках друг за другом. Путь был однообразный, но не утомительный. Дошли примерно до высоты 6500 м. Вырыли в снегу пещеры и в них переночевали. На следующий день возвратились в лагерь под перевалом Чон-Терен. На этом завершилась подготовка к восхождениям, главной цели нашей экспедиции.

Спустя несколько дней, группа из 16 человек, которой руководил Игорь Александрович Ерохин, вышла на пик Военных Топографов. Это восхождение было неудачным, о чем я написал в своих воспоминаниях - «Восхождение на пик Военных Топографов». После этого экспедиция начала готовиться к восхождению на вершину Восточная Победа и траверсу пика Победы.

Перед выходом на вершину Восточная Победа Ерохин отправил в нижний базовый лагерь у языка ледника Звездочка к нашим радистам Валентина Божукова и меня узнать прогноз погоды на ближайшие две-три недели. Игорю необходимо было знать, какие сюрпризы в это время может приготовить нам капризная погода Тянь-Шаня. Как уже говорилось, выход на Восточную Победу одновременно становился началом траверса массива пика Победа для тех 16 человек, которые, поднявшись на Восточную Победу, продолжают свой путь к Главной вершине. После неудачи на пике Военных Топографов Игорь Александрович Ерохин теперь стремился быть максимально собранным и мобилизованным, чтобы не допустить какого-нибудь случайного промаха во время самых ответственных восхождений. Вернувшись через день, мы сообщили Ерохину о благоприятном прогнозе. Но, как случалось всегда во время экспедиции, прогноз не подтвердился. На самом деле, в эти две-три недели погода нас далеко не баловала.

В день нашего возвращения экспедиция в полном составе вышла на пик Восточная Победа. Самочувствие у всех хорошее, несмотря на то, что на высотах 5500-5600 м (высота Эльбруса) и выше мы находимся более 10 дней. Все мы прошли хорошую акклиматизацию. Опять поднимаемся на перевал Чон-Терен, ночуем там и на следующий день продолжаем подниматься выше по крутому снежно-ледовому склону Восточной Победы.

Как и в первый раз движемся со страховкой. К концу дня достигаем своих снежных пещер, которые вырыли во время первого выхода. Высота около 6500 м. Улучшаем старые пещеры, роем новые. Как оказалось, не напрасно. Прогноз погоды начал активно нарушаться. Ночью разразилась непогода, повалил снег, который стал засыпать входы в пещерах. Приходилось постоянно их откапывать, чтобы в пещерах не задохнуться. Более 40 человек зарылось в снегу и пережидали непогоду. Несколько лет ранее здесь же, на этих склонах, погибла казахская экспедиция. Участники экспедиции не стали рыть пещеры, ночевали в палатках. Ночью погода испортилась, пошел сильный снег. Палатки стало заваливать снегом, а снежные лавины со склона начали их сбивать. Сильный мороз усугубил дело. Погибли почти все участники той экс-

педиции, кроме одного человека. По счастливой случайности остался в живых один Урал Усенов. Мы слышали о той трагедии и теперь могли себе представить все на месте. Но теперь все было надежно. Непогода у нас длилась трое суток. На четвертые снег прекратился, показалось солнце, погода стала улучшаться. Можно было вылезать из пещер. Игорь Александрович Ерохин решал: выходить или не выходить наверх, выяснял настроение участников восхождения, ненароком задавая им вопросы. Спросил и меня - можно ли выходить. Я ответил, что можно. Через короткое время Игорь объявил, что сейчас на вершину Восточная Победа выйдут четыре участника траверса: Адик Белопухов, Валентин Чадеев, Николай Володичев и Саша Кабалевский. Вместе с ними пойдет группа Петра Скоробогатого из пяти-шести человек, которая, поднявшись на вершину, сегодня же спустится к пещерам. Четверка же траверсантов заночует на вершине Восточная Победа и должна будет дожидаться остальных участников траверса. Провожая нас, Игорь Александрович посоветовал нашей четверке экономить силы, не выходить вперед, а идти за группой Скоробогатого. Снегу за эти дни выпало много, иногда его было по пояс, первым идти было трудно, все поочередно сменяли первого. Шли в связках. Особых трудностей при движении не встретилось. Вершина приближалась медленно. Спустия несколько часов все-таки на вершину Восточная Победа мы поднялись. Высота 7050 м. До нас здесь никто не был. Мы первые! На вершине Восточной Победы сомкнулись хребты Кокшаалтау и Меридиональный. Прямо и слева Китай. Тоже ледники, морены, а за ними леса. С нашей стороны - северной - лесов не видно. Группа Петра Скоробогатого сразу ушла вниз. Мы же четвером прямо на вершине поставили палатку, приготовили чай и улеглись спать. На следующий день сравнительно рано поднялась основная группа участников экспедиции во главе с Игорем Ерохиным. Вместе с ней поднялась пятерка Борис Романова: Борис Баронов, Борис Локшин, Дима Карпов и еще кто-то, которые только что спускались в лагерь под перевалом Чон-Терен и оттуда принесли бензин для траверса, т. к. за время пребывания в снежных пещерах запас бензина заметно поубавился. Врач экспедиции Аркадий Цирюльников тут же на вершине начал проводить ставшие уже обычными измерения давления участникам восхождения. Измерил он давление и мне, после чего сказал: «У тебя 160, тебе надо вниз». Игорь Александрович Ерохин еще раньше для себя решил и всем объявил, что в траверсе Победы из шестнадцати человек трое будут из Московского университета: Геннадий Фещенко, Юрий Зверев и Николай Володичев. Поскольку я должен был сейчас уйти вниз, вместо меня Ерохин определил другого

участника из МГУ - Бориса Локшина. Ему я передал свою красную пуховку, привезенную из Чехословакии, Аркадию Цирюльнику отдал свои шекельтоны из числа десяти пар, изготовленных на экспериментальной фабрике, в обмен на ВЦСПСовскую пуховую куртку и шекельтоны. И вместе с группой Бориса Романова ушел вниз. В этот день нам удалось спуститься только до снежных пещер на высоте 6500 м, которые отыскивали с большим трудом, т. к. снег успел засыпать входы пещер. Переночевав в пещере, мы на следующий день спустились в верхний базовый лагерь под перевалом Чон-Терен на высоте 5500 м. На этом экспедиция для меня завершилась.

На пик Восточная Победа поднялось более сорока человек. Из них три женщины: Ия Соколова, Аня Тихонова, Света Щукина. От Московского университета на пик Восточная Победа взойшли Ия Соколова, Аня Тихонова, Рем Хохлов, Юрий Зверев, Анатолий Нелидов, Александр Лысенко, Борис Баронов, Дмитрий Карпов, Геннадий Фещенко, Борис Локшин и я.

Тринадцать человек во главе с Игорем Ерохиным от Восточной Победы пошли на траверс в сторону Главной Победы и через неделю благополучно его завершили, несмотря на непогоду. В траверсе участвовали Игорь Ерохин, Адик Белопухов, Валентин Божуков, Иван Богачев, Валентин Чадеев, Евгений Муравьев, Аркадий Цирюльников, Владимир Шполянский, Геннадий Фещенко, Борис Локшин, Александр Абреимов, Сергей Морозов, Ваню Галустов. Из них только Ерохин, Белопухов, Божуков, Богачев, Чадеев, Муравьев и Цирюльников совершили восхождение на Главную вершину. От Московского университета в траверсе принимали участие Геннадий Фещенко и Борис Локшин. *Володичев (2008).*

ТРАВЕРС МАССИВА ПОБЕДЫ

НАЧАЛО

Чадеев (2008). Наконец после всех забросок, те, кто должен был идти на траверс и Главную Победу, вышли из базового лагеря на 5500 м, как говорится, «с вещами», и под непрерывным снегопадом поднялись сначала в пещеры на 6200 м, а потом и на Восточную Победу. Поставили палатки.

Начало траверса Победы удивительно напоминало начало траверса Дыхтау - Коштантау, который мы с Ерохиным проходили в 1957 г. Разной была только высота. Там было пять, а здесь 7 км над уровнем моря. Несколько дней и там и здесь стояла плохая погода с непрерывно идущим снегом. Правда, на Дыхтау еще и с грозой. Здесь, слава Богу, грозы не было. И там и здесь на вершине скопилась масса народу. Народ лежал и ел. А планом лишний народ предусмотрен не был. Решение Ерохина и там и здесь было одинаковым - кто не вперед, тот вниз. Нечего здесь проедать дефицитные продукты и жечь топливо.

Подъем на Восточную Победу. Непосредственно перед траверсом погода испортилась. *Фото Чадеева (1958)*

Остались только те, кто хотел вперед. Снег продолжал идти. Мы по очереди вылезали из палатки его счищать. Год назад здесь замерзла экспедиция. Я лежал в палатке с Сашкой Кабалевским. Кто был еще - не помню. Стояло несколько палаток, и в каждой обсуждали ситуацию. Кое-что было слышно из соседних палаток. Варианты были - или все вниз, или все вверх. Из обмена мнениями постепенно выяснились настроения каждого. Сашка Кабалевский предпочитал вниз, но колебался; я хотел вверх. Приболел или, можно сказать, плохо себя чувствовал Борис Захарьев.

Слушая разные мнения, в т. ч. врача Цирульникова, Ерохин принял, наконец, окончательное кадровое решение: Захарьева - вниз, сопровождать его пойдут Зверев, Володичев и Кабалевский. Остальные - вперед.

Сам гребень высшего пилотажа не требовал, только в одном месте - скальный участок, на котором была небольшая задержка: решали, как облезать - справа или слева. А в основном работа - переноска тяжестей и рытье пещер. *Валя Чадеев (2008)*.

НА ГРЕБНЕ

Божуков и Белопуховы (1963). 12 августа группа покинула Восточную вершину. Путь шел по острому снежному гребню, окаймленному справа ажурными карнизами. Пурга не прекращалась. Преградившие путь скалы обошли слева, спустившись метров на сто по крутому снежно-ледовому склону. Внизу вдоль скал снег такой рыхлый, что идущий впереди утопал до головы.

К 16 ч группа остановилась на ночевку в снежной мульде. Около 3 ч уходит на рытье пещеры: в палатках ночевать здесь невозможно. С

В ожидании очереди рыть пещеру. *Фото Чадеева (1958)*

трудом удалось натянуть под порывами ветра палатку, чтобы временно сложить в ней рюкзаки. Но и рыть пещеру на высоте 7000 м нелегко, а еще хуже ждать своей очереди на ветру: ведь все тринадцать не могут одновременно работать в нише. Вновь и вновь поминали метеорологов. Наконец пещера вырыта, вещи перенесены, палатка снята.

И, тем не менее, настроение у нас отличное. Четвертая ночь на высоте 7000 м, но все с воодушевлением поют любимую песню «А жизнь остается прекрасной всегда».

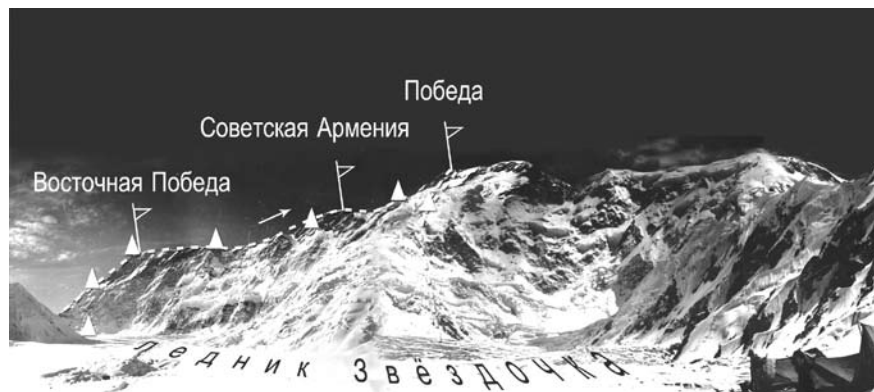
Непогода продолжалась, удалось пройти не более 6 ч. Поднимались по крутому снежному склону, левее карнизов. Каждые 15 мин сменяли переднего. Продвижение осложняет плохая видимость. За пеленой снега нельзя разглядеть даже товарища по связке. Заночевали в двух пещерах, вырытых в огромных снежных надувах. *Божуков и Белопухов (1963).*

Божуков (2008). Траверс запомнился каждодневными снегопадами с полудня и раньше, глубоким снегом, то по колено, то по пояс и тактикой движения группы. Тропящий впереди был обязан идти изо всех сил быстро, идущие за ним его предельный темп выдерживали. Устав, первый делал шаг в сторону и падал отдыхать, после чего становился в «хвост» колонны, которая благодаря этому шла быстро. И, если бы не меняли первого, - такой темп выдержать не смогли бы.

Наши палатки на траверсе тоже работали: не всегда хотелось копать пещеру - трудоемко! Иногда ограничивались установкой снежной защитной стенки от ветра, если он был терпим. Но доставшиеся нам от профсоюзной сборной высотные палатки имели внутренний полог из х/б ткани, которая за ночь промокала от дыхания четверых и замерзала

Путь траверса массива Победы и расположение лагерей.

Рисовала Ира Чадеева (2008)

так, что вынуть стойки и сложить ее Володе Шполянскому не удавалось даже с помощью всей группы (Ерохин, Белопухов, Божуков). Поэтому ее складывали, не разбирая стоек, и в таком виде упаковывали под рюкзак - тюк длиной под 2 м. Я сочувствовал Володе, но т. к. у меня был примус, горючее, то палатка мне не доставалась. Опасались, что пропахнет!

В этой экспедиции в траверсе я отработывал вариант одежды высотного восходителя, который впоследствии и до сегодняшнего времени, используется. Это - белье из чистой шерсти, рейтузы конькобежные с носком - за все 13 дней восхождения я их ни разу не снимал! Далее - обычно, как у всех. А вот пуховая куртка у меня была особая, не как у Игоря, Адика и Володи. Они шли в чешских, из тонкой синтетической ткани, пуховках - тонких и легких. Но они не позволяли спускаться дюльфером - ткань плавилась от трения с веревкой. Моя же пуховка была также теплой, легкой, но верхний слой был из х/б плотной термостойкой ткани, и я мог спускаться, не опасаясь повредить пуховку. На внутренний слой пуховки автор - Майя Бабенко - моя коллега по работе в почтовом ящике поставила легчайшую пухонепроницаемую китайскую тафту. И куртка была изящной, легкой и вызывала зависть Игоря.

Особенно Игорь зауважал Майю, когда прочитал на подаренном ею ноже надпись: «Не займет он много места на пути до Эвереста». Эх, не знали мы, что острые вещи дарить нельзя! *Божуков (2008).*

Белопухов (1993). Траверс продолжался 13 дней. В основном - в непогоду. Приходилось очень туго. Обстановка непрерывно менялась: то приходилось ползти по снегу, настолько он был глубок; то через каждые 10 м загонять крючья в голый лед. Постепенно команда все ближе и ближе подбиралась к трапециевидному бастиону, мрачно взиравшему на нас седым скальным отвесом.

Подойдя под бастион, мы остановились на ночевку, а на завтра решили, оставив палатку, налегке зайти справа, через пологую часть, на самую крайнюю - на высшую точку - по более простому пути, где не нужна была крючьева страховка. Впереди был участок фирна, который позволял пройти на кошках, поочередно страхуясь через ледоруб, с большой степенью надежности.

Пока что высоту все переносили хорошо. Все, кроме Саши Абреимова. Решили, что он на завтра останется в палатке. *Белопухов (1993).*

Шполянский (1998). Исключительно забавны рассказы Ваню Галустова и травки-приправки, которыми он сдобривал нехитрую нашу еду - каши, благодаря чему в условиях плохого аппетита они станови-

лись вкуснее. Запомнилось и монотонное изматывающее движение по широкому снежному гребню, когда считаешь шаги и неожиданно проваливаешься на непрочном насте по пояс в глубокий и сыпучий, как манная крупа, снег. При этом теряешь равновесие, и тебя придавливает тяжелый рюкзак, наверху которого привязана плохо сгибающаяся палатка, пудовая от снега и льда.

Дважды попадал в небольшие снежные лавины. Первый раз поехали втроем по южному склону в Китай. Опоры совсем не было. Склон не был крутым, и Игорю Ерохину удалось нас задержать. *Шполянский (1998)*.

Чадеев (2008). Рытье пещеры занимало около 4 ч. Для этого в Москве были изготовлены специальные инструменты. Технология такая. Один собственно роет с максимальной доступной ему скоростью, вгрызаясь в снег. Остальные удаляют снег. Смена первого каждые 10-15 мин. Были особые специалисты. Они работали дольше других.

У меня были личные проблемы. Я был молодой и стеснительный. Частично по этой причине, а на самом деле из-за того, что выбора уже не было, мне достались шекельтоны с кожаной подошвой. В них где-то в середине траверса я отморозил пальцы ног. Ногти сошли со всех пальцев уже в Москве. На гребне пальцы болели, но идти не мешали. Та же история с перчатками. На каком-то участке я неудачно их куда-то засунул и, чтобы не задерживать всех, весь переход шел без них. Все бы обошлось, если бы не надо было пользоваться айсбайлем. Поскольку приходилось касаться его металлических частей, то подушечки пальцев отморозились. Ногти на пальцах рук сошли уже в Москве. Отмороженные пальцы мешали фотографировать. Так что на траверсе я снял только одну пленку - подъем на Восточную Победу, когда была очень плохая погода.

Каждый вечер после захода солнца кто-то из нас должен был в точно оговоренное время выходить из теплой пещеры на край гребня и зажигать специальные сигнальные спички. Это был сигнал наблюдателям, что мы живы. Другой связи тогда еще не было. Пару раз Ерохин посылал меня со Шполянским подавать сигналы. В том выходе, в котором я участвовал, процедура была такая. С северной стороны гребня шел большой снежный карниз. Я страховал, осторожно выпуская Володю на полную длину 40-метровой веревки. Володя сначала шел, а ближе к карнизу полз, а на его краю зажигал спички. Позже уже в базовом лагере кто-то из наблюдателей говорил, что на фоне ночного неба огонь сигнальных спичек на гребне очень даже хорошо был виден. Расстояние там было около 10 км. *Чадеев (2008)*.

ШТУРМ

Божуков и Белопухов (1963). 16 августа в 7 ч утра группа вышла на штурм. В палатках оставили все, кроме теплых вещей. Хотя по совету врача Ерохин приказывал Галустову остаться в штурмовом лагере с Сашей Абреимовым, Ваню настоял на своем: «Пойду, буду идти, пока хватит сил».

До вершины по высоте метров триста. Мы думали, что подъем и спуск займут не более 4 ч и в этот же день мы начнем спускаться по Северному ребру. Но путь оказался гораздо труднее, чем мы предполагали. Крутые снежные взлеты требовали тщательной страховки. Несколько раз, опасаясь, что у Ваню, идущего с трудом, не останется сил на спуск, предлагали ему вернуться, но безуспешно. Во второй половине дня, когда до вершины осталось меньше 100 м, связка, в которой был Галустов, остановилась. Две первые связки продолжали подъем. Снизу крики: «Ваню решил спускаться!». *Божуков и Белопухов (1963)*.

Чадеев (2008). Перед штурмом ночевали в палатках. Подъем на вершину запомнился глубоким, по пояс, рыхлым снегом. Впереди шли по очереди. Но первый не облегчал путь следующим за ним. Из-за мороза и сыпучего снега ступеньки не образовывались. То есть делаешь шаг, немного сползаешь, еще шаг - еще сползаешь. Следующий за тобой делает то же самое. Делаешь два шага вперед и на шаг точно сползаешь. Первому все же немного труднее, он делает траншею в очень рыхлом снеге.

Хорошо запомнилась сцена остановки. Ерохин выше меня метров на десять, растерянный Шполянский метров на десять ниже. Ерохин приказывает ему со своей связкой спускаться Галустова. Шполянский чуть не плача, что-то говорит.

Не доходя 100 м по высоте до вершины, Ерохин отправляет вниз Галустова в сопровождении связки Шполянского.

Остальные дошли до вершины, написали записку и к вечеру вернулись к палаткам.

Таким образом, весь траверс прошли 13 человек: Ерохин Игорь, Абреимов Александр, Белопухов Адик, Богачев Иван, Божуков Валентин, Галустов Ваню, Локшин Борис, Морозов Сергей, Муравьев Евгений, Фещенко Геннадий, Цирюльников Аркадий, Чадеев Валентин, Шполянский Владимир.

Из них семеро по пути зашли на вершину Главной Победы: Ерохин, Белопухов, Богачев, Божуков, Муравьев, Цирюльников, Чадеев.

Выспавшись, утром начали спуск. *Чадеев (2008)*.

Божуков (2008). Отдохнув ночь после тяжелого подъема на пик Армени - так Игорь предложил назвать взлет с вершинного гребня на предвершинное плато, в честь дня рождения Ваню Артемьевича - выходим на штурм башни вершины. Этот участок запомнился мне заключительной, более крутой, частью подъема.

100-метровый взлет пришлось проходить, прокапывая траншею глубиной в рост. Вначале кулаками, локтями ломается наст, потом коленками осыпает переморозивший снег. Лишь после этого можно сделать следующий шаг ногой вверх - но ступенька не формируется, перемороженная крупа из снега осыпается и второму тоже трудно идти.

На вершинной 5-6-метровой пирамиде, сложенной природой из скал, разместилась вся группа. Вверху Ерохин, вплотную рядом, но ниже остальные: Белопухов, Богачев, Божуков, Муравьев, Чадаев. Фотографирует Аркадий Цирульников, поэтому на вершинном снимке его нет.

На вершине пика Победы - на ее топографически самой высокой точке - нас было семеро (а не шестеро - по воспоминаниям Адика Белопухова). Никаких следов предыдущих восходителей: в 1938 г. (Л. Гутман, Е. Иванов и А. Сидоренко) и в 1956 г. (группа Виталия Абалакова) мы не нашли, так же как и Кирилл Кузьмин, позже в 1961 г., снявший нашу записку.

На вершине пика Победы: сверху Игорь Ерохин, слева направо Иван Богачев, Валя Чадаев, Адик Белопухов, Валя Божуков, Женя Муравьев. Фото Аркадия Цирульникова (1958)

Лавины кругом. Фото Юры Зверева

Путь подъема этих групп проходил по Северному ребру и выводил по скальной гряде почти в середину вершинного гребня чуть западнее, в его самую низкую часть - в седловину, с которой и на восток, и на запад - идут подъемы. На восток более длинный узкий скальный со снежными карнизами, вплоть до башни, на которой мы сидели. На запад - более короткий снежный взлет, хорошо видный на фотографиях М. Ануфрикова 1956 г. Именно за этим взлетом внизу слева стоит сейчас триангуляционная тренога, поставленная китайцами при подъеме на Победу в 1960-х годах.

Исследования, проведенные картографами России, на основе современных космических снимков свидетельствуют, что восточная часть вершинного гребня - тур Ерохина - выше тура Гутмана-Иванова на 70 м, треноги китайцев - на 90 м. *Божуков (2008)*.

Шполянский (1998). Утром Ваню выглядит бодро, как будто отошел. Вершина рядом, погода ходовая. Подъем без рюкзаков. Однако Саша Абреимов сильно устал и решил остаться в палатке. Он наименее опытный, да и слегка поморозился. Ваню хочет идти вверх. Игорь согласился с его желанием.

Состав связок перекроили. Я оказался в компании с Божуковым, Белопуховым и Галустовым. Вышли вперед. Крутой склон с сыпучим

снегом. Адик впереди. После каждого шага сползает вниз. Приходится подставлять ему под ноги ледоруб, втыкая его в снег. А мне легко, за спиной, наконец, отсутствует треклятая палатка. Постепенно Адик, Валя и я уходим вверх от Ваню. Мне приходится подтягивать его за веревку. Видимость ухудшилась. Все затягивает белесая мгла. Вершина близка. Поднимаемся на небольшую снежную площадку. Ждем остальных. Жую шоколад. Смотрим на уходящий к вершине снежный взлет.

Галустов говорит, что больше идти не может и пойдет вниз в палатку. Ерохин реагирует мгновенно и быстро говорит мне: «Отвечаешь за спуск Ваню к палаткам. Поидете ты, Фещенко, Морозов и Локшин». От неожиданности я настолько обалдел, что сразу ничего не ответил. Только после того, как все остальные начали подниматься, мы с Геней Фещенко стали убеждать Игоря в том, что Ваню спустится к палаткам самостоятельно, без нас. Он резко оборвал нас и ушел вверх. Нам ничего не оставалось, как повернуть назад и начать спуск. В общем-то Игорь был прав: в белой мгле все было обманчивым и спускаться надо было очень внимательно и осторожно. В памяти не осталось, как долго спускались к палаткам. Придя, уложили Ваню, разожгли примус и в это время возвратились радостные восходители. *Шполянский (1998)*.

Белопухов (1993). Утром две связки-шестерки вышли на штурм главной вершины. Когда до поворота оставалось 150 м, один из двенадцати остановился и сел на снег. Он не мог идти дальше. Из двенадцати - один. Ваню Галустов - заслуженный мастер спорта - один из сильнейших альпинистов страны, который придан был нам Федерацией, как более опытный и сильный, чтобы вести нас к высоким вершинам. Конечно, сказался и возраст, и тренировался не по нашим канонам.

Так что теперь из трех приданных нам Федерацией «стариков» в штурмовой группе остался один Иван Богачев. Иван был очень силен, прекрасно бегал средние дистанции. Настоящий альпинист-высотник. И опытный - мог всегда дать дельный совет, в любой ситуации.

А Петя Скоробогатов отстал от всех еще на предварительном этапе:

- Ой, как тяжело, как вы быстро ходите. И мяса не дают, все на сгущенку упирают. Я так не могу.

И просидел все время возле кухни в нижнем базовом лагере. Вместе с Сонькой картошку чистил.

Ваню Галустов, Ваню Галустов! Если бы знал он, к чему приведет эта его остановка перед вершиной Победы. Какие изменения произойдут в спорте, в стране и в мире! Изменения, потому что Ерохин мог изменить и страну, и мир. Мог возглавить экспедицию на Эверест, мог возглавить

весь советский альпинизм. Мог жить еще долго-долго. Если бы все это мог предугадать Ваню, сидя на снегу под вершиной, - нашел бы в себе силы дойти. Но кому из нас даровано в жизни чувство предвидения?

Ваню надо было спускать. Вся его связка, пять человек, пошли вниз. Другая - продолжала подъем к вершине. Через пару часов вышла на высшую точку. Как мы и предполагали, сюда еще не ступала нога человека.

Команда Абалакова была совершенно не в этом месте. Не намного ниже, но достаточно далеко по горизонтали. От вершины гребень с еле заметным понижением уходил вдаль. Но высшая точка - выделялась из всего гребня. Всюду на гребне был снег, свисали карнизы. И только здесь - скалы. Мы сложили огромный тур.

Обидно, так обидно было, что нас на вершине было всего шестеро.¹ Наши друзья почти дошли, они были в силах дойти, они уже проделали путь, какой до них никто из советских альпинистов еще не проделывал.

Но тур складывали шесть человек.

Не помню, что написал в записке. Все-таки высота большая. Хорошо еще, что способен был писать. Когда мы вместе с космонавтами проходили медико-биологические исследования - все было гораздо труднее. Труднее голове соображать. В барокамере был такой тест, проверка - насколько ты еще соображаешь. Поднимали долго, сначала с физическими упражнениями, с приседаниями, отжиманиями. Постепенно, в течение двух часов, мы поднимались на высоту 9000 м. Остановки начались с отметки в 6000 м. На каждой остановке нам предлагали решить арифметическую задачку. Одну и ту же. Двухзначное число умножить на двухзначное.

На 6000 м числа спокойно давали себя перемножить, на 7000 м - с трудом, но все же удалось вспомнить, как производятся действия. А вот на 8000 м - как я ни приставлял цифры, то верхние к нижним, то нижние к верхним, ничего у меня не получалось. Кислородное голодание. Почерк становится каким-то корявым. В барокамере был очень быстрый подъем. Ногами так не успеть.

На Победу мы забирались долго. Но, несмотря на всю мою акклиматизацию, я писал записку корявым, незнакомым почерком. Написал, наверное, то, что обычно в записках пишут. Группа такая-то поднялась на пик Победы. А сколько человек, кто именно, я не упомянул. Это упоминание сослужило нам потом плохую службу. Напиши я определенно - поднялись шесть человек¹, - не случилось бы многих драм. А написать, что поднялись все тринадцать - я не мог. Это была открытая ложь. Нас могли бы обвинить в мошенничестве.

¹ На самом деле семь человек

Обед на спуске. Погода прекрасная. Фото Цирюльников (1958)

Но не случилось ни того, ни другого.

Вниз бежали достаточно быстро. Быстро догнали пятерку, спускавшую Галустова. Оказалось, что и не догоняли. Они не решились без нас начинать спуск. Когда мы все вместе немного спустились - Галустов пошел сам. К палатке подходил «своими ногами». Белопухов (1993).

СПУСК

Белопухов (1993). Потом был спуск по Северному ребру. После небывалых снегопадов - очень опасный спуск. Как ни пытаешься проскочить - склон обрывается лавинами. За время спуска каждый летал в лавинах по три-четыре раза. В маленьких и больших.

В самой страшной летела наша четверка. Лавина пошла совершенно неожиданно. Сорвался весь склон под нами. Сотни тонн снега рухнули вниз. За мгновение все вокруг превратилось в адский кипящий круговорот. Если бы лавина зацепила всех четверых - в живых не остался бы никто. Но в снежной бурной реке неслись трое, а Сергей Морозов, связанный с нами веревкой, летел по склону рядом. В конце концов, перед самым обрывом, ему удалось закинуть веревку за уступ и затормозить падение связки. Лавина ушла дальше, в сбросы, а наша четверка осталась висеть на скальном уступе. Пострадал один я. Во время падения веревка обмотала меня и поло-

мала ребра. Остальные отделались ушибами. В нашей группе был Аркадий Цирюльников, опытный врач и прекрасный альпинист. Он осмотрел меня и сказал, что бинтов никаких не хватит. Поэтому мою грудную клетку необходимо туго-туго обмотать полотенцем. Меня замотали. Спуск продолжался.

Было больно, трудно. Каждый шаг резью отдавался в сломанных ребрах. Помню, надо было форсировать трещину, за которой начинался более простой склон. Для этого спускались через дыру на несколько метров, словно в сказочную пещеру, а затем вылезали через подобную же дыру с другой стороны. Я буквально молил Божукова, страховавшего меня, не отпускать веревку до тех пор, пока я не коснусь ногами дна этой пещеры. Но он все равно отпустил ее на метр раньше, я рухнул на дно, доламывая свои ребра.

Под нами лежал ледник Звездочка - ровный многокилометровый ледник. Нам до ровного его тела оставалось всего метров триста. Метров триста лавиноопасного склона. Все прошли аккуратно, след в след. Оставалась наша последняя связка, в которой почему-то шел и Ваню Галустов. Нельзя было садиться, катиться по склону - это приводило к сдвиганию лавины. Спускаться надо было ногами, осторожно. Но Ваню очень устал.

Все кончено. Мы на Звездочке! Слева направо стоят: Александр Абреимов, Валентин Чадеев, Борис Локшин, Евгений Муравьев, Игорь Ерохин, Владимир Шполянский, Ваню Галустов, Сергей Морозов, Геннадий Фещенко. Лежат сверху вниз: Андантин Белопухов, Валентин Божуков, Иван Богачев.

Фото Цирюльников (1958)

Я просил:

- Ваню, пожалуйста, только не сядь на задницу - лавину сорвешь.

Не надо было говорить это ему под руку (или еще под какое место). В следующий момент Ваню сел, склон тронулся, пошла лавина.

Эта лавина шла не на нас, а под нами. Очень здорово, приятно - ехать на лавине верхом, как на саночках. Если б только не мои ребра - как это было бы здорово! За одну минуту - рррраз и вниз. Ледоруб я отбросил подальше от себя, боялся новых переломов. Но куда, видно, было дальше ломаться. По указанию Аркадия полотенце подтянули потуже. Я уже и не чувствовал боли.

Через несколько минут мы стояли на Звездочке.

Траверс Победы закончился.

Закончилось покорение гигантского горного массива. Почти десять дней группа находилась выше отметки 7000 м. Впервые шесть альпинистов были на высшей точке этого самого страшного семитысячника. *Белопухов (1993)*.

Божуков (2008). Утверждая в Федерации маршрут траверса, Игорь стремился пройти весь маршрут с востока на запад. Разрешили спуск только по Северному ребру - пройденному, но лавиноопасному.

Что было в душе у Игоря, Адика, Вани - делающих первый шаг с ночевки на гребень - можно только догадываться. Все мы видели еще из лагеря на 4200 м, что лавины, срывающиеся чуть ли не с вершины, покрывали все Северное ребро до самой Звездочки. И риск многократно увеличил многодневный снегопад. Уменьшить вероятность попасть в лавину мог только быстрый спуск. Понимая это или только веря, я шел за ними следом или впереди, тропя, - неважно, все мы шли веря в нашу победу, в наших лидеров. Шел за ними следом или впереди, тропя, - неважно, все мы шли веря в нашу победу, в наших лидеров.

И прилетевшая сверху, нет - приползшая сверху лавина, ручьями снежных потоков под крики: «Лавина, лавина!» снесла вниз лишь одну первую нижнюю связку. Но задержались, сломано ребро у Адика при зависании на веревке. Аркадий - врач оказывает первую помощь, фиксируя грудную клетку полотенцем - и снова в путь.

Мы шли по пластам лавинообразного склона строго вниз, тонули в траншее, плыли в ней вместе с текущими вниз потоками крупчатого промерзлого снега. След не формируется, проваливаемся по поясу. Идем, с трудом вытаскивая ноги.

Не садиться! - приказ Ерохина. Но силы убывают, и вот Ваню - опытный, но ослабевший - не выдерживает и перестав переставлять ноги, вытягивается и

плывет на рюкзаке, увлекая за собой массу снега и провоцируя на движение окружающий снежный массив. Поехали! Спасла относительно небольшая и уменьшающаяся крутизна склона - выкат! Спуск был быстрый, но не скоростной. Никто не пострадал, только сломанное ребро Адика напомнило о себе.

Отличная погода, яркое солнце, в километре внизу вдали - палатки-парашюты базового лагеря. На душе - радость! Траверс закончен, Победа пройдена. *Божуков (2008)*.

Чадеев (2008). Из-за многодневной плохой погоды, весь северный склон Победы был засыпан свежим снегом. Периодически шелестели лавины. Видимость тоже была плохой. Явных ребер, безопасных от лавин тоже не было. Вероятность попасть под лавину была по всему склону. Минимизировать эту вероятность можно было только одним способом - быстрым спуском. Спускались двумя или тремя связками.

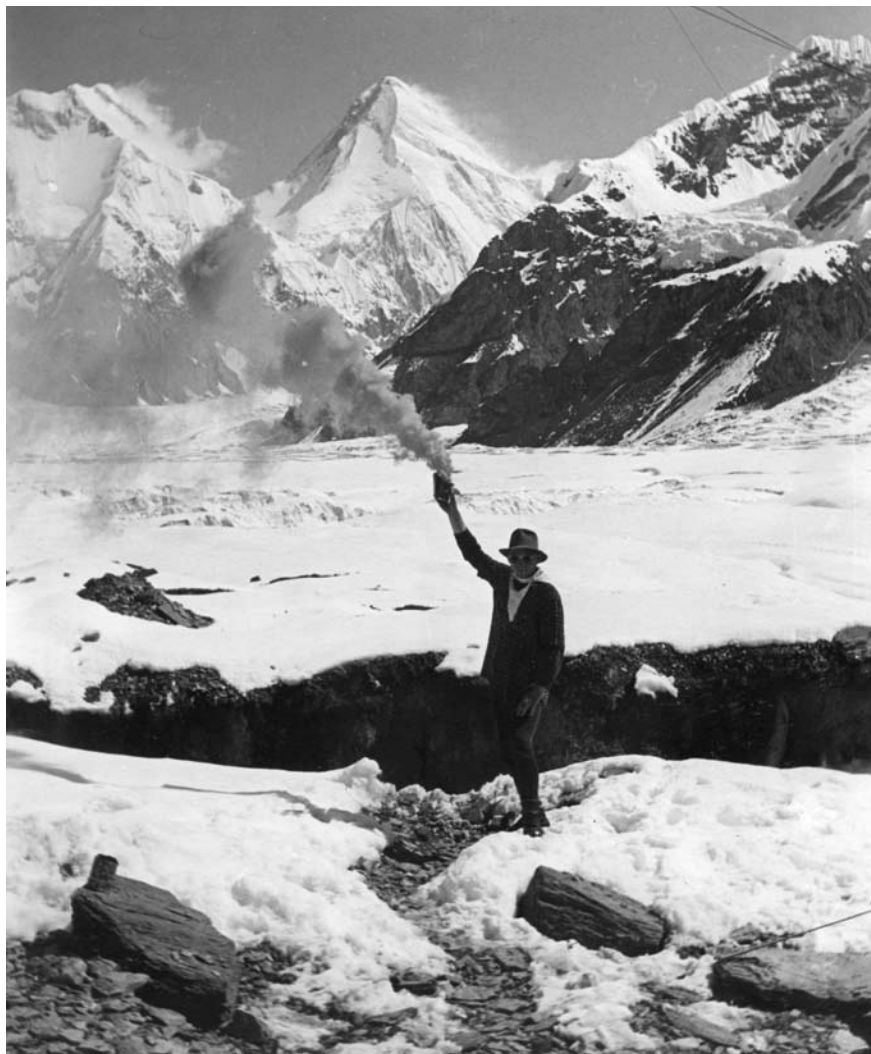
Связка, в которой шел и я, по пояс в снегу пересекала по диагонали снежный склон. Подняв случайно голову, я увидел, что с перегиба метрах в ста над нами выпрыгивает лавина. Крикнув: «Все на склоне - зарубайтесь!», я тоже стал зарубаться. Все залегли в траншее, как на фронте. Нас учили в таких случаях притаиться и освободить место для дыхания, если засыплет. Лавина практически перепрыгнула связку. На нас, конечно, насыпалось много пушистого снега, но основная масса от перегиба пролетела по воздуху и приземлилась ниже нас. Отряхнувшись от снега, связка двинулась дальше вниз.

Была еще одна ночевка. А в середине следующего дня мы уже сидели в лавинобезопасном месте на середине ледника Звездочка. Обсуждали, что и как писать. В базовом лагере нас встретили дымовыми шашками.

Аркадий Цирюльников, как врач, осмотрел мои руки-ноги и объяснил, что для восстановления трофики мне нужно будет в Москве принимать ванночки с водой. В одном тазике самая горячая, в другом самая холодная, и почаще менять. И буду как новенький. Точно не помню, но примерно через месяц все ногти сошли и выросли новые, с которыми до сих пор и хожу. *Чадеев (2008)*.

ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА - ПИК НАНСЕНА

Божуков (2008). Не знаю, какими мыслями руководствовался Игорь Ерохин, когда после успешной экспедиции позволил тройке - мне, Космачеву и Коршунову - сделать первопрохождение на пик Нансена с ледника Иныльчек. Гора величественно возвышалась в гребне Кокшаалтау над лагерем у камня Чон-таш.

Салют победителям! Фото Юры Зверева (1958)

Белопухов договорился, и Казахская экспедиция (Колокольников?) приняла у нас контрольный срок. Стартовав у языка Иныльчека, мы хотели выйти на вершину за день и не взяли палатку. В итоге схватили под вершиной «холодную», но выдержали, укрывшись в 10-метровой пещере, а утром были на высшей точке. Там, откуда много лет назад в 1937 г. академик Летавет увидел высокий горный массив, выше Хан-Тенгри, и назвал его вместе с Леней Гутманом пиком «XX-летия Ленинского комсомола». *Божуков (2008).*

ЭВАКУАЦИЯ

ПРОЩАЙ, АЛЬПИНИАДА

Малахов (2008). В восхождении на пик Военных Топографов я из-за задержки каравана поучаствовать не смог, а в акклиматизационном выходе на перевал Чон-Терен и заброске продуктов в лагерь на 6200 м, расположенный на гребне Восточной Победы, участия принял. После заброски я понял, что принять участие в главном восхождении - траверсе пика Победы - я не успею, т. к. 15 августа должен быть с Мишей Шпагиным в Москве на новом месте работы. Игорь Ерохин заранее знал об этом, но отпустил меня из экспедиции с сожалением.

8 августа вместе с Мишей и мной решили уходить в Москву Борис Быков и Георгий Лоцилов, врач передовой группы, которых также ждали на работе.

Прощались с участниками лагеря, набрали телефонов, чтобы позвонить их близким, и побежали вниз. Бежали по-ерохински - на подходах к вершине, на «зеленке», на спуске - нас учили бегать. До спуска с ледопада ледника Звездочка Георгий дал каждому по таблетке психостимуляторов «Фенамен», и мы действительно не заметили, как прошли и Звездочку, и Илылчек, и поляну Чон-Таш и только из-за непогоды остановились перед перевалом Тюз. На следующий день преодолели перевал и спустились в долину реки Сары-Джаз. Тянь-Шань прощался с нами морем эдельвейсов, которые тысячами стояли по обе стороны тропы. Я почему-то сразу вспомнил Валю Чадеева, оставшегося в лагере и готовящегося к штурму Победы, и Галку Рябенко, стройненькую альпинистку из МГУ, которые уже длительное время дружили и симпатизировали друг другу. На Кавказе я эдельвейсов никогда не видел и знал лишь, что в Альпах эти цветы считаются символом большой любви и растут на большой высоте, что требует много мужества и усилий от влюбленного юноши, чтобы добраться до этого цветка и вручить его девушке. И Борис, и Миша Галку с Валею знали и сразу поддержали мою идею подобрать пару красивых цветов и вручить их Галке (так ее многие звали за отчаянный и веселый характер) от имени Вали. Сказано-сделано. Сняли рюкзаки, достали пару банок сгущенки, выпили их вместе с водой из горного ручья, нашли цветы и аккуратно погрузили банки с цветами в шекельтоны, привязанные к рюкзаку. Теперь предстояла переправа через бурную Сары-Джаз. На противоположном берегу реки мы видели юрты пастухов, кричали, но никто нас не услышал. Значит, будем переправляться без лошадей вброд, а чтобы

не замочить одежду, решили переправляться нагишом с веревочной страховкой с берега. Георгий выдал нам по второй таблетке «Феномена», который не пригодился в лагере, мы разделись и остались только в горных ботинках. Борис, как истый фотограф и фотолетописец экспедиции, конечно, ухитрился сделать несколько снимков, которые мы увидели лишь через 40 лет на встрече, посвященной 40-летию восхождения на Победу. И мы полезли в ледяную воду реки. Переправа через стремительную Сары-Джаз, к счастью, закончилась благополучно. На противоположенном берегу мы привели себя в порядок, оделись и пошли к кошам пастухов, чем очень удивили их, пройдя прямо от бурной реки. Киргизы встретили нас радушно, как всегда в горах. Жители гор, я знаю по своему опыту, будь то, грузины, таджики, кабардинцы или киргизы всегда приютят и накормят путника. Эти же пастухи вдвойне были рады нашему приходу, т. к. они справляли свадьбу своей дочери. Они затащили нас в юрту, где стоял огромный котел, полный бешбармака («пять пальцев» по-киргизски; блюдо едят руками, поэтому оно так называется). Готовится из баранины или конины. Нас посадили на ковер вокруг скатерти с едой, а хозяйка подала нам миски с водой - помыть руки.

Мы, конечно, не сопротивлялись и, поев вволю угощения и выпив домашнего кумыса, который показался нам крепким, остались в юртах пастухов ночевать, тем более, что на следующее утро либо жених, либо кто-то из родственников хозяина должен был ехать на грузовике в Пржевальск. Хозяин обещал, что попросит довезти нас до города. На следующее утро, поблагодарив хозяев и оставив им в подарок что-то из нашего снаряжения, мы отправились в цивилизацию. Не помню точно, но мне кажется, что в этот же день на каком-то грузовике выехали из Пржевальска во Фрунзе. Ехали всю ночь по северному берегу Иссык-Куля, далее, кажется, самолетом и 14 августа за день до встречи с кадровиком, мы были в Москве. В тот же день обзвонили всех родственников, оставшихся в горах, а вечером у памятника Карлу Марксу в центре города вручили Галке Рябенко эдельвейсы от Вали. Следующее утро меня сильно огорчило - я позвонил кадровику и сказал, что прибыл в Москву и готов приехать. В ответ услышал, что зря я торопился - мы увидимся дней через 7-10. Все, что я должен был сказать этому перестраховщику, я, конечно, не сказал, но расстроен был ужасно. Этих дней мне хватило бы, чтобы принять участие в траверсе Победы и пройти его не хуже чем Игорь, Адик, Валя и Володя, с которым я год назад я прошел Дыхтау - Коштантау. *Малахов (2008).*

ПРОЩАЙ, ЗВЕЗДОЧКА

Тихонова (2008). Был последний день пребывания в базовом лагере на морене ледника Звездочка. В этот день, к месту слияния ледников Звездочка и Иньльчека, должен был снизу подойти караван, чтобы увезти имущество экспедиции. И в тот же день мы должны были спуститься по леднику Иньльчек до травы вместе с караваном, т. к. лошадакам надо было кушать.

Рано утром, когда только светало, нас трех женщин - Икусю, Светлану и меня, отправили за заброской с продуктами, которые были оставлены на пути в верхний базовый лагерь выше ледопада. Надо заметить, что эти продукты оказались нелишними на обратном пути, т. к. было голодно.

И вот на рассвете мы идем втроем по ледопаду между огромными ледовыми сбросами, а над нами царствует пик Победы. Розовеет небо на востоке, потом солнце освещает вершины. Золотится вершина пика Победы, ярко-оранжевым загорелся восточный склон пирамиды Хан-Тенгри, а тени на его южной стороне - густого синего цвета. Над нами прозрачное голубое небо и мы одни на этом необъятном леднике. Простор. Свобода.

С рюкзаками, наполненными продуктами, мы спустились примерно к полудню, когда базовый лагерь был уже снят, и тяжело нагруженные люди уже спускались по морене к каравану. Я собрала палатку и свои вещи. Рюкзак оказался таким тяжелым, что сама я его поднять не смогла. Кто-то помог мне его одеть, Галустов поддержал за руки. Я поднялась и пошла по морене очень внимательно с мыслью, что если я упаду, то сама не встану. Благополучно дошла до места, где переключивали грузы и нагружали вьючные сумы на лошадей. Оглянулась назад: «Прощай Победа, прощай Звездочка, мир снега и льда, мир заоблачных вершин».

Караван собрался, рюкзаки слегка разгрузили, и мы двинулись вниз по Иньльчеку. Вся поверхность ледника была завалена камнями разных размеров, начиная от крупных, стоящих на ледяной «ножке» до мелких, скользящих по поверхности льда под триконями. Пока было светло, все шли бодро - все-таки вниз. Но когда стемнело, камней стало не различить, о них спотыкались, ударялись, что очень раздражало. До заветной полянки с травой у левого берега ледника мы добрались к рассвету. Каждого вышедшего на полянку Игорь Александрович встречал маленькой рюмкой коньяка. Такого замечательного я больше никогда не пробовала.

Мы втроем поставили палатку, молча, без слов, хорошо понимая друг друга. Забрались в спальные мешки и заснули. *Тихонова (2008).*

ДОМОЙ С ВЕЩАМИ

Стрелков (2008). Восхождения были закончены, и предстояло благополучно вернуться самим и переправить все хозяйство альпиниады сначала во Фрунзе, а затем в Москву. Конечно, начало экспедиции, организационные хлопоты, приезд участников, доставка снаряжения и продуктов, предвкушение предстоящих восхождений являются острыми ощущениями, запоминающимися на долгие годы.

Однако по окончании экспедиции еще надо суметь вернуться домой и эвакуировать все снаряжение. А в это время все уже очень устали, эмоциональный подъем ослаб, а грузов много, продукты кончились (осталась только гора сгущенки). Последний шедевр нашего повара Сони - суп гороховый с копченостями на сгущенном молоке. В назначенный срок снизу должен был придти караван. Как всегда количество лошадей было меньше, чем нам хотелось, поэтому караван смог взять только общественные грузы и больных.

Утром, еще до выхода из базового лагеря Ерохин приказал мне и Володе Шмелеву сбегать на ледник Иныльчек, к каравану, отнести два пустых газовых баллона. Доставив баллоны, мы снова поднялись в базовый лагерь за рюкзаками, и пошли догонять караван.

На леднике лошадей кормить нечем, поэтому голодным и груженым лошадам на усыпанном камнями и изрезанном трещинами леднике пришлось очень тяжело. На льду лошади скользили, падали. Мы, как могли, помогали - поднимали упавших. Заночевали у первой травы. На следующий день караван пришел к Чон-Ташу.

Тут перед участниками встали проблемы с пропитанием. Когда мы уходили из базового лагеря, никто не мог без отвращения смотреть на остающуюся сгущенку (по подсчетам последующих экспедиций там осталось около 1000 банок) и только самые предусмотрительные взяли по 1-2 банки. На второй день пути сгущенка уже не казалась такой противной и скоро была съедена с удовольствием.

Далее караван разбился на отдельные группы, продвигавшиеся к месту прихода машины у Кен-Су. Я шел с Володей Шмелевым, Славой Глуховым и Юрой Нагибиным. Почему-то с нами перемещался Борис Локшин, которому как помороженному была выделена лошадь. Утром интеллигентный Борис влезал на лошадь и начинал уговаривать ее начать движение. Лошадка не собиралась двигаться, а спокойно щипала травку. Борис насилье отвергал и продолжал уговаривать ее. Наконец, когда все мы отходили от стоянки на полкилометра она нехотя, медленно шла за нами.

В последний день пути, перед переправой через Сары-Джаз, Володя Шмелев потянул мышцу ноги и не смог идти. Мы остановились. В это время между всеми бредущими группами на лихом коне носился наш Чапаев - Игорь Александрович Ерохин, подгоняя отставших и энергично подбадривая тех, кто устал. Надо сказать, что в седле он держался великолепно.

Подъехав к нашей группе он, оценив ситуацию, спросил Локшина: «Идти можешь?» Локшин согласился идти и Володя Шмелев взобрался на лошадь. После энергичного воздействия ледорубом оказалось, что отдохнувшая под Локшиным лошадь весьма бодрa и в гонке, которую после переправы через Сары-Джаз перед Кен-Су устроили Ерохин со Шмелевым, Игорь Александрович шел вторым. У этой гонки есть предыстория - на тренировках альпинистской секции в МВТУ, которые проводил Ерохин, в конце занятия мы играли в баскетбол. Обычно одну команду набирал Ерохин, а другую, очень часто он поручал набирать Шмелеву. Игорь Александрович в игре был очень азартен, но иногда и ему приходилось проигрывать. Поэтому и в этой гонке ему было важно не уступить.

На стоянке Кен-Су, крайней точке куда могла придти машина, жила семья киргизов, у которых были закуплены таз гороха и полбарана. Наши девушки приступили к приготовлению шурпы, а голодная братия щелкала зубами. Не успели мы отведать шурпы, как пришла машина-трехтонка - УралЗИС. Когда выяснилось, что всем в машине места не хватает, Ерохин предложил остаться нашей группе - Глухов, Шмелев, Щукина и Стрелков. Все уехали, а мы доварили шурпу, весьма плотно поужинали и стали ждать следующей ходки машины. На следующий день машина пришла, и часа в четыре мы тронулись в дорогу. Этот вечер подарил нам неопишуемой красоты картину - гроза внизу в ущелье под нами, молнии в ущелье пронизывающие черные, серые, фиолетовые кипящие клубы облаков. А выше облаков снежные горы, освещенные солнцем. Временами сквозь тучи прорезались отдельные лучи яркого зеленого или красного цвета. Было очень красиво и немного страшновато. Бушевала грозная стихия, против которой мы были безоружными букашками.

Спускаясь вниз мы попали под проливной дождь, и тут выяснилось, что шофер должен ехать не в Пржевальск, а в другую сторону, за бревнами. Шофер остановил машину у дома дорожного мастера и попросил его приютить нас на ночь. Несмотря на энергичные призывы: «Не позорь Киргизскую Республику», мастер отказал. Тогда водитель, не желая позорить Киргизскую Республику, повез нас в Пржевальск, нарушив приказ своего начальства.

Здесь мы присоединились к основной группе и вместе со всеми вернулись во Фрунзе.

Отправка снаряжения экспедиции. Когда в марте 1959 г. я защитил диплом, мне долго не подписывали «бегунок» т. к. из экспедиции я привез не только массу впечатлений, но и недостачу 8 рюкзаков, пухового спального мешка и прочей мелочи. Таков удел всех кто связывается с эвакуацией экспедиции. После месяца поисков недостающего снаряжения кладовщица спортклуба МВТУ незабвенная Антонина Ивановна Руднева (помню до сих пор!) сменила гнев на милость и разрешила вместо рюкзаков принести обычные мешки, привязав к ним веревки, имитирующие лямки.

Отправка снаряжения из Фрунзе была поручена мне и Юре Моисееву. До этого мы не были близко знакомы, но Юра сразу покорила меня своим обаянием. Через несколько лет выяснилось, что мы оба работаем в ЦАГИ, и наши встречи стали более частыми и продолжались до его гибели.

Занимаясь отправкой, мы первым делом пришли на вокзал и заказали контейнеры. Вокзал был стандартным железнодорожным сооружением, но имел одну отличительную особенность - он не был оборудован канализацией. На вопрос: «Где туалет?», нам отвечали: «Здесь полевая уборная».

Контейнеры нам обещали через 4 дня, город Фрунзе нам уже надоел и Юра, как старший по команде, предложил смотаться на несколько дней автобусом в Алма-Ату. Я сомневался - имеем ли мы право делать это за казенный счет. Но Юра уверенно сказал, что мы имеем полное право и мы отправились в путь.

Фрунзе и Алма-Ату разделяет 260 км и хребет Заилийский Алатау. Алма-Ата поразила нас красотой местных девушек, изумительными яблочками и снежными горами, окружающими город. Нам удалось съездить на Медео - только что открытый высокогорный каток.

Возвратившись во Фрунзе мы загрузили контейнеры и вернулись в Москву. От Ерохина получили лишь одобрение и ни слова упрека по поводу нашего вояжа. *Стрелков (2008)*.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Чадеев (2008). По-моему, мы бежали вниз с Борисом Захарьевым и еще с кем-то. Борис был геологом-бурильщиком и любил всякую экзотику. Он ездил в Антарктиду работать по специальности, участвовал в разработке бурильной установки для Луны, ну и с нами ездил в горы.

Кроме того, он был хозяйственным мужиком, и Ерохин поручил ему оформить акты о списании лошадей, которые погибли на Иныльчеке.

О спуске остались только гастрономические воспоминания. На кухне выбор продуктов был совсем небольшой: ящики сливочного масла и печеночного паштета. Мы с Захарьевым затарились тем, что было, и наше меню было простым. Мы смешивали полбанки паштета с полбанкой сливочного масла, доводили на примусе до кипения и ели три раза в день. Как я добрался до Фрунзе - не помню, но точно помню, что 72 ч в поезде Фрунзе-Москва я почти непрерывно спал. Осенью 1958 г. я весил 72 кг, хотя весной было 78 кг.

Восхождение окончено. Удовлетворен ли я? Да! Альпинизм - это самоутверждение. В этом смысле я, да думаю и большинство, были полностью удовлетворены. Это было этапом в жизни. Но большинство - это не все. Альпинистов можно разделить на две группы - любителей и профессионалов.

Любители любят горы и готовы многим жертвовать, чтобы ходить в них. Но они никогда не бросят свою основную работу ради гор. И не только ради денег. В нашей экспедиции большинство - любители. Это люди науки и обороны, что в то время было почти одно и то же. В их сущности и открывать, и создавать новое. Это такой же адреналин, как и горы. И они получают его из двух источников.

Профессионалы тоже любят горы. Но у них другие критерии. Для них важны не только самоутверждение и аплодисменты трибун, но и формальная фиксация достижения. Больше того - последний пункт для них главнее всех остальных. От него у них зависит все: и карьера, и деньги.

На работу в Красногорск я добрался почти с месячным опозданием, худой и черный как негр. На работе меня пожурили, а бухгалтер, извиняясь, сказала, что зарплату мне не дадут. Надо сказать, что я и не ждал. И я приступил к работе. Работали в то время 6 дней в неделю сначала по 8 ч, а потом в субботу стали отпускать на 2 ч раньше.

Сразу стал лечить руки-ноги по Цирульникову, то есть горячей и холодной водой. Ногти удивительно быстро сошли и выросли новые. С Аркадием Цирульниковым мы как-то быстро сошлись, даже несколько раз были с моей будущей женой у него в гостях. Он жил на Университетском проспекте.

Люди привычно шлепают на красный свет. Автомобильных пробок тогда не было, как и сотовых телефонов. *Чадеев (2008)*.

После возвращения среди нас царил эйфория. Нас показывали по телевизору. Телевизионная программа была одна, работала всего несколько часов в день и всегда в прямом эфире.

ЛЕТОМ Мы прочли в вашей газете короткую телеграмму о том, что студенческая альпинистская экспедиция совершила небывалое восхождение на вершине Центрального Тянь-Шаня. Не было ли узнать подробнее об этом!

Е. БОРИСОВ, аспирант, Ю. ГИДРОВСКИЙ, архитектор, Москва.

УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ студенты-альпинисты МВТУ и МГУ проводят каникулы в горах. Год от году растет мастерство спортсменов, и восхождения становятся все более трудными. Уже покорена Ужба, пройдена Шхельда, совершены подъемы по сложнейшим северным стенам Дых-Тау и Коштан-Тау. Что же дальше? Дальше — самые суровые и труднодоступные в нашей стране «Небесные горы» — Центральный Тянь-Шань и их высочайшая точка — пик Победы — 7439 метров.

Заслуженные мастера спорта В. М. Абалаков, К. К. Кузьмин, П. С. Рототаев поддержали молодых альпинистов, решивших штурмовать вершину Тянь-Шаня. Разрешение на экспедицию было получено. Всю зиму студенты тренировались, участвовали в лыжных соревнованиях, а весной — в кроссах. Будущие инженеры сами готовили снаряжение для экспедиции, используя весь арсенал современных технических средств. Они сделали, например, легчайшие матрацы из нового изоляционного материала — пенопласта (потом, в течение двух месяцев ноцую на снегу, никто не ощущал холода).

Наконец экзамены сданы. В путь!... И мы

Небывалый траверс

мы дальше поехали сами. На следующий день появились вызванные по радио четырехмоторные самолеты. От первого самолета отделилась черная точка — контейнер с продовольствием, а когда до ледника оставалось 200—300 метров, одновременно открылись два больших парашюта, и 700 килограммов груза плавно опустились около еще дымящихся шашек, которыми мы показывали летчикам место выброски.

Группа за группой уходили альпинисты на гребень Восточной Победы — в лагерь «6200» — для заброски продуктов. Из-за сильно разреженного воздуха идти сначала было тяжело — болела голова, не хотелось есть... Но это состояние быстро прошло.

Первый штурм. Перед нами не взятая еще никем вершина Военных Топографов (6879 м). Для лучшей акклиматизации, необходимой для будущего траверса, решили совершить восхождение в высоком темпе, тем более, что стояла хорошая погода, которая редко бывает в этих краях. Трехдневный упорный штурм (шли по 14 часов в день) принес успех. Преодолев ледовые стены, коварные острые снежные гребни и, наконец, сложные предвершинные скалы, 31 июля 16 альпинистов поднялись на вершину. Короткий отдых, и весь верхний лагерь (пятьдесят человек) вышел на штурм не взятой еще восточной вершины массива — Победы.

Наконец 10 августа группа впервые поднялась на восточную вершину Победы. Среди восходителей были три девушки — Ия Соколова, Аня Тихонова и Света Щукина и четыре чехословацких альпиниста — Мирослав Илек, Далимил Форейтник, Владимир Вуйта и Властик Шмида. Затем от группы отделились тринадцать человек. Они отправились по сложному гребню на высоте свыше 7000 метров через главную вершину Победы, чтобы спуститься по пути, пройденному в 1956 году группой В. М. Абалакова. Четырнадцать дней продолжался этот труднейший траверс. Мировая история альпинизма до сих пор не знала ничего подобного — ни по протяженности гребня, расположенного на такой высоте, ни по количеству участников.

Интересным был наш спортивный сезон!

И. ЕРОХИН, начальник экспедиции, мастер спорта.

Киприоты не будут рабами

Мне пришлось встречать в газетах киприотов на острове Кипр

малась на бороблажета полдня Националь...

Статья Игоря Ерохина в «Комсомольской правде»

О нас писали газеты и журналисты обращались к нам за интервью. Вот статья Игоря Ерохина, которую он написал по просьбе «Комсомольской правды», и которая была опубликована 28 октября 1958 г.

Вырезку этой статьи, и другие материалы об экспедиции, любезно предоставила нам Ольга Михайлова. Приводим фотографию статьи. Ниже ее отсканированный текст.

НЕБЫВАЛЫЙ ТРАВЕРС

Уже несколько лет студенты-альпинисты МВТУ и МГУ проводят каникулы в горах. Год от года растет мастерство спортсменов, и восхождения становятся все более трудными. Уже покорена Ужба, пройдена Шхельда, совершены подъемы по сложнейшим северным стенам Дых-Тау и Коштан-Тау. Что же дальше? Дальше — самые суровые и труднодоступные в нашей стране «Небесные горы» — Центральный Тянь-Шань и их высочайшая точка — Пик Победы — 7439 м.

Заслуженные мастера спорта В. М. Абалаков, К. К. Кузьмин, П. С. Рототаев поддержали молодых альпинистов, решивших штурмовать вершину Тянь-Шаня. Разрешение на экспедицию было получено. Всю зиму студенты тренировались, участвовали в лыжных соревнованиях, а весной — в кроссах. Будущие инженеры сами готовили снаряжение для экспедиции, используя весь арсенал современных технических

средств. Они сделали, например, легчайшие матрацы из нового изоляционного материала — пенопласта (потом, в течение двух месяцев ноцую в снегу, никто не ощущал холода).

Наконец, экзамены сданы. В путь!... (Дальше оторвано — старая газета!)

...мы дальше несли сами. На следующий день появились вызванные по радио четырехмоторные самолеты. От первого самолета отделилась черная точка — контейнер с продовольствием, а когда до ледника оставалось 200-300 м, одновременно раскрылись два больших парашюта, и 700 кг груза плавно опустились около еще дымящихся шашек, которыми мы показывали летчикам место выброски.

Группа за группой уходили альпинисты на гребень Восточной Победы — в лагерь «6200» — для заброски продуктов. Из-за сильно разреженного воздуха идти сначала было тяжело — болела голова, не хотелось есть... Но это состояние быстро прошло.

...Первый штурм. Перед нами не взятая еще никем вершина Военных Топографов (6879 м) Для лучшей акклиматизации, необходимой для будущего траверса, решили совершить восхождение в высоком темпе, тем более, что стояла хорошая погода, которая редко бывает в этих краях. Трехдневный упорный штурм (шли по 14 ч в день) принес успех. Преодолев ледовые стены, коварные острые снежные гребни и, наконец, сложные предвершинные скалы, 31 июля 16 альпинистов поднялись на вершину. Короткий отдых, в весь верхний лагерь (пятьдесят человек) вышел на штурм не взятой еще восточной вершины массива Победы.

Наконец 10 августа группа впервые поднялась на восточную вершину Победы. Среди восходителей были три девушки — Ия Соколова, Аня Тихонова и Света Щукина и четыре чехословацких альпиниста — Мирослав Илек, Далимил Форейтник, Владимир Вуйта и Властик Шмида. Затем от группы отделились тринадцать человек. Они отправились по сложному гребню на высоте свыше 7000 м через главную вершину Победы, чтобы спуститься по пути, пройденному в 1956 г. группой В. М. Абалакова. Четырнадцать дней продолжался этот труднейший траверс. Мировая история альпинизма до сих пор не знала ничего подобного — ни по протяженности гребня, расположенного на такой высоте, ни по количеству участников.

Интересным был наш спортивный сезон!

И. Ерохин, начальник экспедиции, мастер спорта

ТЕПЕРЬ ЭВЕРЕСТ

Чадеев (2008). Уже в сентябре несколько раз собирались, как обычно у Ерохина в 6-м Монетчиковском переулке у Павелецкого вокзала. Обсуждали отчет, разные мероприятия и вполголоса витавшие у всех в голове мысли об Эвересте. Собиралось обычно человек 15-20. Специального приглашения не требовалось.

На одном из собраний Ерохин сообщил нам, что весной 1959 г. предполагается совместная советско-китайская экспедиция на Эверест. Кандидатами в состав участников из нашей экспедиции были зачислены Белопухов, Божуков, Чадеев и Шполянский. Все были мастерами спорта, а у меня формально не был оформлен даже первый разряд.

Запомнилось несколько моментов. Мы попали как бы в сборную СССР. Нас обследовали спортивные врачи в диспансере под трибунами Лужников. Ну, там всякие вдохи-выдохи и т. п. Врач, которая меня смотрела, со стетоскопом долго рисовала шариковой ручкой прямо у меня на груди крестики. А потом позвала свою коллегу и с восторгом сообщила: «Посмотри - типичное сердце спортсмена». Это о моем пороке сердца! А я еще боялся медкомиссии!

Когда нас включили кандидатами, Ерохин сказал, что на тренировках мы должны показать, что физически готовы на голову выше всех остальных. Для этого мы должны были выигрывать все промежуточные финиши. Запомнилась одна такая тренировка. Раздевались мы на спартаковском стадионе на Стромынке, а затем в трусах бежали трусцой в парк Сокольники на тренировку. Я четко следовал принятой на нашем собрании тактике. Когда кончилась тренировка, все уставшие разбрелись по осеннему лесу, двигаясь к стадиону, где раздевались. Я оказался один и скоро осознал, что устал настолько, что если не присяду на что-нибудь, то упаду. И действительно упал прямо на листья и мгновенно уснул. Проснулся от холода. Встал, пошел дальше. По дороге попался летний театр со скамейками. Я лег на скамейку и снова уснул. Проснулся, уже вечерело. С трудом встал и в трусах по оживленным улицам побрел к стадиону. Был 1959 г. и народ на улице людей в трусах сторонился. Помнится, у нашей студенческой группы из МВТУ была технологическая практика в Подольске. А жили мы в деревне около Подольска. Мы с Сашей Кабалеvским уговорили ребят утром бегать за 3 км купаться в Пахре. Бегали мы естественно в трусах. Так местный сельсовет постановил выселить нас из деревни за возвращение молодежи. И выселили. Даже дали «студебеккер», чтобы быстрее уехали...

Подходя к стадиону, я думал, что все уже ушли, но в раздевалке меня ждали Белопухов и Божуков. Они ничего у меня не спрашивали, только проводили в душ. Только там я окончательно пришел в себя. У меня было всего несколько моментов в жизни с такими сверхперегрузками. Кстати, для меня таких перегрузок не было и на Победе.

Начались систематические тренировки, я работал и участвовал в них только по воскресеньям. Читали лекции про Китай. Из них остался в памяти иероглиф «человек», который помню до сих пор. Да, счастье было так близко! Но экспедицию перенесли на 1960 г. Как нам тогда сказали, из-за волнений в Тибете. Теперь знаем, что из-за ухудшения отношений СССР и Китая. Так что с тех пор Никита Хрущев - мой личный враг. *Валя Чадеев (2008).*

Шполянский (1998). По возвращении с практики, уже в октябре, Игорь показал оформленный отчет о восхождении, в котором было указано, что все тринадцать участников поднялись на вершину. На мое недоумение он ответил, что Ваню просил это сделать ради него. Все участники согласились. Мне ничего не оставалось, как подписать отчет. В соревновании по классу траверсов в 1958 г. мы заняли первое место. Нескольким участникам присвоили звания мастеров спорта. Мы выступали на различных форумах: перед альпинистами спортклубов МВТУ и МГУ, было даже организовано выступление по телевидению... Рассказывали о восхождениях.

Весной 1959 г. предполагалась совместная советско-китайская экспедиция на Эверест. Осень была завершающим этапом подготовки этой экспедиции. Кандидатами в состав участников были зачислены некоторые восходители на пик Победы - А. Белопухов, В. Божуков, В. Чадеев и я, а Игорь стал заместителем руководителя этой экспедиции. В основном составе экспедиции были В. Божуков, А. Севастьянов, А. Овчинников. Спортивной подготовкой руководил Витольд Радель. Тренировались по секциям, но по субботам и воскресеньям проводили совместные тренировки в Подрезково: до снега - кроссы, а потом на лыжах. Осень и зима прошли в напряженной подготовке к выезду в Китай. Но накануне вылета в Пекин пришла телеграмма из Китая, что проведение экспедиции решено перенести на 1960 г. Причину нам не сообщили. Лишь позднее из газет мы узнали, что в Тибете неспокойно, далай-лама бежал в Индию. Так закончилась, не начавшись, совместная экспедиция на Эверест 1959 г.

Время шло. Перед майскими праздниками неожиданный звонок Игоря. Он просит срочно приехать к нему. Собрались все московские

участники траверса Победы. Игорь сказал, что Иван Богачев подал заявление в президиум Федерации альпинизма СССР о том, что на вершину пика Победы поднялись только семь участников, а не тринадцать, как указано в документах, поданных в судейскую коллегию первенства по альпинизму.

Потом было разбирательство на президиуме. В результате восхождение не засчитали как спортивное, а участников, которым были присвоены звания мастеров спорта по альпинизму, дисквалифицировали. Также отменили решение судейской коллегии о присуждении нам первого места и выдаче спортивных медалей.

Наше состояние описывать излишне. Оно было просто гнетущим. Я резко забросил тренировки. Летом 1959 г. в горы не поехал. Все отразилось на сердце, которое стало болеть, и начались проблемы со здоровьем.

Однако коллектив, воспитанный Игорем, продолжал активную деятельность. Осенью 1959 г. возобновились тренировки, в том числе на даче у Игоря в подмосковном поселке Некрасовский. На этих тренировках постоянно присутствовал К. Кузьмин, сдружившийся с Игорем в период подготовки экспедиции на Эверест.

В марте 1960 г. команда под руководством Игоря в составе А. Белопухова, В. Божукова, И. Соколовой, А. Цирульниковой и Г. Фещенко запланировала совершить зимний траверс Домбай-Ульгена с перевала на седло. Я должен был участвовать в этом восхождении, но на работе мне не предоставили отпуск. Завидовал друзьям, когда провожал их на вокзал. *Шполянский (1998).*

ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ НА ПОБЕДУ

Чадеев (2008). Траверс массива Победы закончен. Нужно подводить итоги. Результаты экспедиции можно оценивать по разным критериям. Что и произошло.

Оценка Ерохина

Если иметь в виду стратегический план Игоря Ерохина, то подготовка к восхождению на Эверест прошла блестяще. Притом с большим запасом прочности. Это основной итог.

Вот конкретные результаты экспедиции:

1) Более недели команда из 13 человек работала на высоте более 7 км.

2) На высоту 7 км поднялось более 40 человек. Этого достаточно, чтобы доставить все необходимое для восхождения на восьмитысячник штурмовой группы. Имеется в виду снаряжение (возможно кислород), питание, топливо.

3) Восхождение прошло безаварийно. Все вернулись живыми и здоровыми. Небольшие сбои в организмах спортсменов ликвидировались силами и средствами самой команды. В команде было достаточно врачей и сильных участников способных оказать помощь в спуске ослабевшим. Игорь Ерохин блестяще (другое слово здесь не подойдет) воспользовался этими возможностями команды. В вопросах безопасности Ерохин был беспощаден. Вначале траверса с Восточной Победы по показанию врача был эвакуирован Борис Захарьев в сопровождении нескольких участников экспедиции. В конце траверса, почти от самой вершины Победы, вниз был отправлен ослабевший Ваню Галустов в сопровождении сильнейших альпинистов команды. Безаварийность для Игоря Ерохина была главным критерием. Галустова спускали не ослабевшие, а сильнейшие. Для них лично это, конечно, была трагедия.

4) Большая часть восхождений и забросок проходили в условиях плохой погоды. И это свидетельствует: во-первых, о правильно выбранной тактике проведения восхождений с рытьем пещер; во-вторых, о большом запасе прочности самой команды - как по физической, так и моральной подготовке.

5) Блестяще была проведена операция доставки грузов самолетами на ледник Звездочка. Эта сложная операция включала несколько компонентов. С одной стороны, самолеты из европейской части СССР должны были прилететь в район работы экспедиции на Тянь-Шане,

чтобы сбросить контейнеры. С другой стороны, на земле - на леднике Звездочка, эти самолеты должна была встретить группа альпинистов для корректировки бомбометания и поиска контейнеров. Задача согласования действий этих сторон была очень сложна и для земли, и для неба. Необходимо было доставить на ледник не только коротковолновую радиостанцию на лампах, которая в то время весила несколько десятков килограмм, но и двух радистов - обычных советских солдат. Чтобы попасть на Звездочку им пришлось пройти по горам и ледникам более 100 км. Вертолетов, которые могли бы работать на таких высотах, тогда еще не было. Для выбора района бомбометания еще до солдат на ледник Звездочка пришла передовая группа, которая подготовила прием группы радистов.

Для обеспечения взаимодействия самолетов и земли, на борту работали два участника экспедиции, которые помогли штурману увидеть с девятикилометровой высоты палатки передовой группы и место сброса.

Вся эта блестяще реализованная технология могла быть использована для будущего восхождения на Эверест.

При этом надо иметь в виду, что и до, и после экспедиции Ерохина на Победу погибли как отдельные альпинисты, так и целые команды. За 60 последних лет на склонах горы остались более семидесяти горовосходителей. И в третьем тысячелетии несмотря на отличные средства связи, вертолеты и парaplаны, прекрасное снаряжение и хорошую подготовку эта вершина до сих пор остается не только самым северным, но и самым грозным семитысячником планеты.

Ко всему этому следует добавить, что самым сложным участком траверса (в смысле безопасности) был спуск по северному склону Победы. Громадные лавины сходили с самой вершины до ледника Звездочка. Причем лавины шли по всему склону. На нем не было безопасных ребер. Год был снежный, и мы несколько раз наблюдали такие глобальные лавины из лагеря на 4200 м. Проблема для Ерохина была в том, что спуск по северному склону был записан в маршруте, утвержденном советом Федерации. Единственный способ выжить состоял в том, чтобы проскочить этот склон между лавинами. И мы быстрым спуском сделали это, хотя и попали в несколько местных, но не глобальных лавин.

Нам повезло!

Северный склон Победы - это единственное место на всем траверсе (так, некстати, утвержденное советом Федерации), где наша жизнь висела на волоске, а мы ничего не могли сделать.

Оценка Федерации альпинизма СССР

По другому на результаты экспедиции смотрело руководство Федерации альпинизма СССР. В отчете о траверсе мы написали, что траверс прошли 13 человек (что правда) и на вершине Победы было все 13 (на самом деле 7). Я лично сознательно подписался под этой ложью, поскольку остальные участники траверса не упали в штурмовой лагерь с неба, а честно на семи тысячах работали неделю и их вклад в траверс не меньше других.

Руководствуясь своими критериями, федерации, по сути, разгромила команду Игоря Ерохина, которая и физически, и морально была готова к штурму Эвереста. Дисквалифицировав ее участников, федерация фактически лишила их возможности участвовать в восхождении, тем самым, отодвинула взятие Эвереста нашими альпинистами, по крайней мере, на 20 лет.

Мотивы поведения членов Федерации до сих пор обсуждаются в Интернете. О некоторых из них можно прочитать в книге Белопухова [5].

Обсудив между собой, стоит ли нам ввязываться в эту дискуссию, авторы этой книги решили, что *мы выше этого*. Что происходило в горах Тянь-Шаня, читатель узнал из этой книги, а мотивы федерации на ее совести. Будем надеяться, что члены федерации руководствовались благородным желанием любого альпиниста быть на вершине первым. Ну а то, что на пути к этой цели пришлось затоптать целую команду (а административные и бюрократические возможности у федерации были большими) - мелочь. Да простит их Бог.

Но делать вид, что ничего не было, мы не хотим. Была открытая травля команды. Если из «зала» кому-нибудь интересны подробности, то наиболее беспристрастно, на наш взгляд, события тех лет излагают Ясен Дьяченко и Илья Мартынов. Оба они сходятся во мнении, что это был конфликт поколений. Их мнения можно найти в Интернете, хотя не на всякий сайт их пускают. *Чадеев (2008)*.

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ

Чадеев (2008). После блестяще проведенной экспедиции на Победу Игорь Ерохин стал естественным кандидатом в организаторы экспедиции на Эверест. С одной стороны, у него была молодая, хорошо подготовленная команда, получившая хороший опыт высотных восхождений, а с другой - он проявил себя как опытный руководитель восхождения в одном из наиболее труднодоступных районов земли. Казалось бы, ему и карты в руки!

Вначале так и было.

Команде дали золотые медали первенства Союза, правда, не всем, как пишет Белопухов в своей книге. Дело в том, что было изготовлено почему-то всего восемь медалей (наверное, не верили, что так много могут пройти траверс Победы). При этом с посещением главной вершины Победы раздача медалей никак не была связана. Я точно уже не помню, но то ли я давал медаль Аркадию Цирюльникову, то ли он мне, но пока ее не отобрали совсем, мы носили ее по очереди.

Начальник команды Игорь Ерохин стал заместителем руководителя советско-китайского проекта. Но затем стали возникать проблемы.

Ситуация с Эверестом в то время была такая. Хиллари и Тенсинг в 1953 г. поднялись на главную вершину Эвереста с юга - из Непала в составе английской экспедиции, которой руководил Джон Хант. Уже в 1956 г. в СССР вышел перевод его книги «Восхождение на Эверест». Интересно, что в 1960 г. Володя Малахов из нашей экспедиции ходил с Джоном Хантом на пик Коммунизма... Так что в 1958 г., когда проходила экспедиция на Победу, Эверест уже был покорен.

К счастью, Эверест большой. Для нас лакомым куском был северный склон. Во-первых, это было бы первопрохождение, во-вторых, северный склон более прохладный и сложный, в-третьих, он расположен в Китае, а это ближе к Советскому Союзу.

На Эверест хотел не один Ерохин. В Советском Союзе, по крайней мере, три команды претендовали на участие: кроме Игоря Ерохина, еще Кирилл Кузьмин и Виталий Абалаков. Между этими командами, естественно, была конкуренция. Конечно, в Советском Союзе была бы собрана сборная Союза. В 1958 г. Ерохину было 32 года, Кузьмину - 41, Абалакову - 52. Это породило проблемы. У старшего поколения шансы попасть на Эверест были только, если экспедиция состоится в ближайшие годы. Ерохин был опасным конкурентом, т. к. самый молодой. Поэтому все его ошибки трактовались с позиции презумпции виновности. Дело прошлое, минуло 50 лет. Все это следовало бы забыть. Но несколько моментов мешают это сделать.

Надеюсь, читатель из книги узнал, что это была за экспедиция и каким человеком был Игорь Ерохин на самом деле.

Однако старые обиды забыть нелегко. По сути, из-за морального прессинга погиб Ерохин, сломался Белопухов, развалилась команда. Точнее, команду развалили, дисквалифицировав основных игроков и запретив восхождения. Конечно, некоторые после восстановления продолжали ходить в горы, но это уже была не команда, «нацеленная на Эверест», а «физические лица», отвечающие только за себя. Команда погибла вместе с Ерохиным...

Оппоненты с одной и другой стороны продолжают выступать до сих пор как в книгах, так и в Интернете. Наиболее резко против Ерохина выступают Анатолий Овчинников [3] и Геннадий Стариков на сайте www.mountain.ru, а против федерации (за Игоря Ерохина) выступает Белопухов в книге [5]. Желающие могут посмотреть их точки зрения по оригиналам. Здесь же мы приведем несколько заметок о причинах конфликта в конце пятидесятых годов. *Чадеев (2008)*.

Ясен Дьяченко (2005).

У молодых мастеров, а их к тому времени было подавляющее большинство, был свой собственный опыт и свои собственные рецепты. Выразителем этих идей стал председатель объединенного клуба двух престижнейших вузов страны - МГУ и МВТУ - Игорь Ерохин. Его статья в газете «Советский спорт» содержала главные позиции противостояния. Вот ее тезисы:

1. Основой альпинизма является круглогодичная общефизическая, специальная техническая и теоретическая подготовка.
2. Скорость прохождения маршрута является критерием оценки спортивной зрелости команды. Тактика «осады» - порочна.
3. Подготовка спортсменов высших категорий возможна только в низовых коллективах. Для реализации этого требования необходимо расширить права низовых коллективов, предоставив им право проведения самостоятельных спортивных мероприятий.
4. Опыт зарубежных восхождений должен лечь в основу подготовки мастеров суперкласса.

Казалось бы, что здесь неверного? Но статья вызвала взрыв полемики и дискуссий. Противники Ерохина критиковали абсолютно все пункты, даже такой, как круглогодичная тренировка. «Кто сможет проверить, что они действительно так тренируются?» А уж скоростное прохождение маршрута считалось синонимом пренебрежения страховкой. Порой было проще после восхождения устроить дневку

где-нибудь на лужайке у ручейка, не спускаясь в лагерь, нежели объясниться с начспасом.

Зарубежный опыт также вызывал оскомину. Особенно могучая волна критики этого самого зарубежного опыта прокатилась по поводу одиночного первовосхождения Германа Буля на Нанга-Парбат. Слова «авантюризм», «неоправданный риск», «лишь случайное стечение счастливых обстоятельств» были в каждом комментарии. Убежден, что подавляющее большинство (если не все) критиков не знали того обстоятельства, что зарубежная пресса и конкретно германский «Bergsteiger» квалифицировали Буля как зимнего ночного одиночку. К тому, что Буль совершил, он много готовился. Накануне выезда в Гималаи, зимой 1952-1953 гг., он совершил 20 стенных маршрутов в Альпах - один и ночью. И его победа отнюдь не случайность. Нельзя делить альпинизм на «буржуазный» и «советский». Но нас воспитывали иначе.

Нападки и критика Ерохина не смутили. Он ведь не только словом, но и делом был готов отстаивать свою позицию. Успешно проведя сборы на Кавказе в ущелье Адыл-Су в 1956 г., на следующий год он наметил участие в чемпионате страны. В качестве объекта была выбрана Северная стена Дыхтау с продолжением траверса до Коштантау.

Прохождение этой стены командой Абалакова принесло спартаковцам спортивное звание чемпионов в 1954 г. На тот момент это было лучшее стенное восхождение за всю историю отечественного альпинизма. Затрудняюсь утверждать, что заявка Ерохина была вызовом старшему поколению, но, безусловно, для дебютанта чемпионата это был сильнейший ход. Команда Ерохина прошла стену и траверс. Прошла быстро и безаварийно. Вождеденного «золота» команда не получила, удовлетворившись лишь «серебром». Ходили слухи о необъективности судейства. Не исключено, что это была попытка одернуть «завравшегося мальчишку».

А что же автор первопрохождения Дыхтау Виталий Михайлович Абалаков? Все случившееся он воспринял как вызов. Как персональный вызов ему лично. Этот мужественный и мудрый человек понимал, что в этой гонке молодая поросль уже дышит в затылок, что на него пал жребий совершить нечто экстраординарное. И он сделал это. Он заявил диретиссиму Северной стены Чатынтау - «Черный ромб»!

Для плеяды молодых мастеров это было как команда к атаке. 1958 г. стал переломным. Игорь Ерохин в классе высотных восхождений заявил траверс пика Победы от Восточной до Главной вершины. Мероприятие, безусловно, превосходящее первовосхождение Абалакова в 1956 г. Экспедиция была организована с таким размахом, который и сейчас превзой-

ти трудно, и уж конечно, ей не было равных. Самое поразительное то, что к подготовке экспедиции Ерохину удалось привлечь не только советский административно-хозяйственный аппарат, но и армию. Если первые решали задачи обеспечения экспедиции провиантом, экипировкой, снаряжением, транспортом, то вторые с помощью военно-транспортной авиации выполнили прицельную выброску грузов экспедиции в районе базового лагеря на 5200 м на плато под перевалом Чон-Терен.

Эта грандиозная и многочисленная экспедиция имела обширные и претенциозные планы. Реализовать их полностью не удалось. Далеко не все шло гладко, и все же, несмотря на организационные просчеты и неблагоприятные погодные условия, запас прочности, заложенный круглогодичной тренировкой, и прекрасное материальное обеспечение позволили достичь главной цели. В классе высотных восхождений траверс массива Победы был выдающимся достижением и оставался таковым многие и многие годы. *Ясен Дьяченко (2005).*

А вот мнение о противостоянии поколений в 1950-е годы мастера спорта Ильи Мартынова (из письма «И. А. Ерохин глазами А. Г. Овчинникова»):

Илья Мартынов (2001). Так случилось, что у меня совместились два события: горестная дата гибели моего друга Игоря Ерохина - 8 марта, того человека, который ознаменовал перелом в нашем альпинизме, и мое знакомство с книгой выдающегося альпиниста Анатолия Овчинникова «Альпинисты МВТУ им. Баумана».

В книге очень интересно описан жизненный путь профессора А. Г. Овчинникова, переплетенный с альпинизмом - от простого карельского мальчишки до заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР. В нее очень удачно вкраплены воспоминания друзей: В. Николаенко, О. Космачева, К. Кузьмина. Но мне кажется, что незаслуженно мало написано об альпинистах МВТУ, в свое время бывших образцами для подражания, внесшими значительный вклад в развитие клуба. Хотелось бы узнать и о сегодняшнем дне альпинизма МВТУ.

В книге много внимания уделено Игорю Александровичу Ерохину, роль которого в альпинизме невозможно замолчать. Жаль, конечно, что ничего положительного о нем не сказано, и слова о нем имеют субъективный и даже злобный характер личных выпадов.

Наверное, в становлении Ерохина в альпинизме положительное значение имело совмещение работы инструктора с собственным спортивным совершенствованием. Он во всем следует тренерским принципам А. Г. Чернышева, прекрасного наставника спортсменов МВТУ, и про-

являет свои способности учиться у всех, у кого возможно, отличается умением общаться, не ставя себя выше, целеустремленностью и глубоким чувством юмора в любой ситуации.

Доброжелательность, юмор, отсутствие «напряга» - таким он был в общении. Умение поставить перед всеми высокую, хотя и неблизкую цель, талант организатора определили его место лидера молодого поколения альпинистов 1950-х годов. В эти годы происходила далеко не бесконфликтная смена поколений в альпинизме. Секция МВТУ, принявшая и освоившая методику спортивного совершенствования А. М. Чернышева, была готова к выполнению альпинистских задач самого высокого класса, и определились два направления и два лидера. Первое - это комбинированные маршруты, траверсы с длительными нагрузками, потом высотные, которые были интересны И. Ерохину и К. Кузьмину с друзьями. И второе - скальные стены, опыта прохождения которых, по сути, еще не было. К ним устремились Л. Мышляев, А. Овчинников, В. Николаенко со своими последователями.

Хочу отметить особенности этих направлений, о которых тогда не задумывались или умалчивали. «Ниша», в которой хотел работать Ерохин, была освоена и занята старшим поколением, там имела место жестокая конкурентная борьба в уже придуманных соревнованиях и определенная монополия группы «патриархов», имеющих вес в руководящих органах, а отсюда - преимущества, награды, возможности. «Ниша», интересовавшая Мышляева и его «технарей», была свободной, т. к. требовала других кондиций, уже недоступных старшим. Поэтому с первых успешных шагов Ерохин с товарищами почувствовали неприязнь и противодействие со стороны руководящих кругов и просто завистников.

Но пока Мышляев и его последователи совершали прекрасные стеновые восхождения, Ерохин поставил перед клубом цель - траверс пика Победы, а затем... Эверест. И пик Победы - не малочисленной группой, а, по сути, всем дееспособным коллективом клуба МВТУ. Организационные способности Ерохина проявились во всем блеске - подготовка материальной базы, использование авиации для переброски грузов на ледник Иньльчек, тренировочный цикл по новой системе.

В 1958 г. более 40 человек под пиком Победы! Система навязала Ерохину (для помощи? для контроля?) двух «стариков» - Петра Скоробогатова и Ваню Галустова. Знал бы он, каких «тройских коней» получил в нагрузку... И вот восхождение - 28 человек вошли на Восточную Победу, еще 13 должны взойти на Главную Победу. Но не хватило сил у Галустова и, немного не доходя до вершины, кому-то пришлось спускать его вниз. В результате на вершину вошли только 7 человек.

Дальше произошло то, что описано в книге. Галустов взмолился, чтобы его вписали в число взойшедших, и группа дружно решила: его и тех, кто вынужден был его спускать, включить в список взойшедших. Правильно ли это было? По меркам того времени - нет. Теперь, может быть, и другое мерило.

Припомнили Ерохину и восхождение на Ушбу в 1956 г., которое он с группой совершил с отклонением от заявленного пути, обойдя где-то что-то «по пологому склону», как говорит Овчинников. Так случилось, что моя группа, поднимаясь на Ушбу, на предвершинном гребне встретилась с группой Ерохина, спускающейся с вершины. Потому я знаю характер льда, «пологость» склона, характер выхода с него на вершину.

Я помню еще «горячие» впечатления группы о маршруте. Ерохин сказал, что если бы не Осинцев - «ледолаз от Бога» - они не смогли бы преодолеть ледовые участки. И надо помнить, что тогда не было того ледового снаряжения, которое мы знаем сейчас! По отвесным скалам в те времена было легче лазать, чем по крутому льду... *Илья Мартынов (2001).*

Малахов (2008). Думаю, что зимний траверс Домбай-Ульгена был задуман И. Ерохиным не только, чтобы, как пишет И. Мартынов, доказать своим недоброжелателям, что он и его команда не сломлены. Ему нужно было как-то реабилитироваться в глазах альпсекций МВТУ и МГУ, а также и всей альпинистской общественности Союза, показав им, что «еще не вечер».

Да их прямо подталкивали на этот поступок! И ужасное произошло, и именно на этой стенке: четверка отличных альпинистов из шести погибла, в том числе чудесный человек, любимец молодежи МВТУ, участник войны - Игорь Ерохин. В начале альпинистской карьеры его кто-то посмел упрекнуть в трусости (хотя он был просто осторожен). Игорь Ерохин - талантливый организатор, сплотивший в своих планах альпсекции МВТУ и МГУ и организовавший три настоящие студенческие альпиниады этих вузов, такие, которые никем не были повторены до сих пор.

В 1962 г. я принял участие в Советско-Британской экспедиции на Памир. И в этой экспедиции я нашел для себя ответ, надо ли было так жестоко карать И. Ерохина за то, что на вершину пика Победы он взойшел с семью участниками вместо тринадцати.

Советско-Британскую экспедицию 1962 г. возглавляли с британской стороны знаменитый сэр Джон Хант - начальник первой успешной экспедиции на Эверест, а с советской - А. Г. Овчинников. По плану совместной экспедиции, перед восхождением на пик Коммунизма - глав-

ную цель британцев - предполагалось, что все участники, разбившись на три смешанные группы под руководством гостей, совершат акклиматизационные восхождения. Группа сэра Джона выбрала безымянную вершину (5640 м) по маршруту 5А, названную позже по праву первоисходителей пиком Содружества, группа Уилфрида Нойса - пик Гармо (6595 м) по маршруту 5Б, а группа Малкольма Слессера - пик Патриот (6350 м) по маршруту 5Б. В последней группе с четырьмя шотландцами оказались и мы с Колей Алхутовым.

Нашей группе с первой попытки не удалось подняться на вершину. Двое британцев отделились в лагере № 5, британцы Браун и Макнат-Девис отступили с 5700 м, а мы с Колей Алхутовым не дошли до вершины около 300 м, где начиналась предвершинная стенка.

В десятой главе «Различные точки зрения» своей книги об экспедиции, названной «Красный пик», Малкольм Слессер - заместитель сэра Джона Ханта - так описывает дискуссию, состоявшуюся после первой неудачной попытки взятия вершины Патриот в штурмовом лагере № 6. У западных альпинистов вершина считается покоренной, если хотя бы часть восходителей взойдет на нее.

Последняя двойка британцев не хотела идти наверх, в то время как наши - Николай и я - были готовы довершить штурм вершины. М. Слессер, как руководитель группы, принял решение оставить двум советским участникам остаток продуктов, а всем британцам спуститься в лагерь № 5. Советская же двойка должна была идти вверх, захватив палатку, до высоты 5700-5800 м, там разбить лагерь № 7, переночевать, а утром идти на вершину, что нами и было сделано. Таким образом, 24 июля 1962 г. на пик Патриот взошли только два наших альпиниста.

Почему я привожу эти рассуждения из британской книги? Просто хотел показать, как умный и опытный западный альпинист решил задачу, когда все остались довольны. Вот бы ему заседать в нашей федерации!

Я считаю, что британцы много поработали, сделали свою часть работы, и они имеют право считаться покорителями пика Патриот, особенно те, кто дошел до 5700 м. Но так думают на цивилизованном Западе!

У нас же не дошедших до вершины Победы всего 100-150 м втапывали в грязь, а вместе с ними и руководителя, который считал, что эти люди могут считаться победителями. Но не так считают чиновники.

И тем удивительнее мне было увидеть, что в книге А. Г. Овчинникова «Альпинисты МВТУ имени Н. Э. Баумана» на странице 555 написано, что на вершине Патриот были два советских и два британских альпиниста.

Что это - реверанс в сторону гостей и наша вежливость? Но почему мы так поступаем только по отношению к иностранцам?

Только сами восходители видят вклад каждого члена группы в достижение победы. Кто-то рубится впереди, а другой отсиживается сзади и у него остается больше сил для последнего рывка, и наоборот. Я не стал бы обращать свою мысль в догму и размыывать правила, сложившееся в нашем альпинизме при той системе, но решающее слово должно быть за руководителем, тем более, когда до вершины остаются считанные метры.

Должен сказать, что, читая книгу Овчинникова, подаренную мне лет десять назад автором, испытал большое чувство гордости за наш вуз и радость от встреч с сотнями знакомых фамилий людей, с которыми вместе ходил и встречался в горах. Но вместе с тем меня несколько цапнули по сердцу некоторые отзывы автора о И. Ерохине.

И еще немного о морали и совести.

Командам, участвующим в первенстве Советского Союза по альпинизму, федерация, а точнее, профсоюзы, выделяли большие по тем временам деньги (более 600 рублей на каждого члена команды). Все эти деньги Ерохин отдавал альпиниаде. Его команда ела не черную икру, хотя могла себе позволить, а сгущенку - как все. Уже в наше время его бы обязательно судили, как теперь модно говорить, за нецелевое использование средств (профсоюзных денег). Тем не менее, это в большой степени характеризует моральную позицию Игоря. *Малахов (2008).*

В ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИГОРЕ ЕРОХИНЕ

Саша Ерохин об отце

Саша Ерохин (2008). Как писать об отце?! Что я помню о нем и насколько разделяю его взгляды? Конечно, часть его мировоззрения органично вошла в мою (тогда еще младенческую) душу. Позже часть этого мироощущения укрепилась во мне под влиянием его друзей, другая же часть претерпела существенные изменения. Отец - часть истории, и не только моей. Но если описывать личность, прижимаясь к ней, отображение выйдет кривобоким. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». (Есенин). Попробую как бы чуть со стороны. Впрочем, пишу, как умею.

Прошло много лет. И конкретные побудительные мотивы теперь могут быть не поняты читателем. Поэтому начну с аналогий.

На зимней олимпиаде 2002 г. в Америке наша женская сборная по лыжным гонкам была настолько сильна, что следующие за ней фавориты выглядели «дворовой командой». Было найдено общепринятое для нашего времени обвинение в использовании допинга. Пойди, проверь, - что в биохимии крови позволяет человеку бежать по лыжне втрое быстрее, чем мы с вами? Возмутило, правда, поведение «наших» чиновников, срывающих золотые медали с героев-спортсменов. Приписывалось это миазмам уходящей перестройки, но это не так...

Летом 1958 г. студенческая команда альпинистов, обойдя все чиновничьи рогатки и запреты, сделала невозможное. Более 40 человек (по большей части студентов одетых в брезентовые штормовки и трикони) взойшло на Восточную вершину самого северного семитысячника мира - пика Победы. А сборная этого коллектива прошла в непогоду траверсом на высоте более 7000 м все вершины этого гиганта, отделяющего нас от Китая. Ни до этого момента, ни в десять последующих лет это оказалось невозможным. В единой спаянной команде, не выделяясь, шли будущие чемпионы СССР по альпинизму и скалолазанию грядущих лет, выдающиеся ученые, будущий ректор МГУ и просто замечательные люди. Вел команду безусловный лидер - Игорь Ерохин. Сколько грязи и обвинений было вылито на этого человека чиновниками всех мастей, сорвавшими с героев-студентов золотые медали первенства СССР.

Откуда берутся лидеры, нужны ли они, и почему многие самые заслуженные мастера спорта или ученые (как бы они этого не хотели) лидерами не являются? Что привлекает идущих в личности лидера, и что страшит обывателя перед лицом этой очевидной тайны?

Игорь Александрович Ерохин родился в 1924 г. в г. Тбилиси. Его мать Тамара Семеновна - урожденная православная ассирийка в восемнадцатилетнем возрасте бежала из родительского дома с русским строителем Александром Афанасьевичем в Москву, где в начале двадцатых годов будущие родители искали работу (с которой и тогда было туго), а жили в Замоскворечье, где придется. Когда подошло время, беглянка вернулась в родительский дом, где и родился Игорь Ерохин.

Семья жила в Москве в относительном финансовом благополучии. Игорь сочетал в себе широту и рассудительность русского человека с горячностью выходца из Закавказья. По-видимому, национальные проблемы у него были, т. к. известно, что самых лучших школьных друзей он приобретал в кулачных боях. А друзей у него было много. Он хорошо учился и окончил школу с золотой медалью. Вероятно, это было нелегко, т. к. по материнской линии он унаследовал врожденную неграмотность в построении русских фраз. В школе он серьезно увлекался шахматами, а в старших классах боксом - был на уровне чемпиона района в своей возрастной категории. За это спортивное увлечение он расплачивался выбитыми фалангами пальцев.

Учителя в школе и дома были на высоте. Однажды с друзьями на уроке немецкого Игорь бросал перья со стабилизатором так, что они втыкались в доску. Внезапно учительница встала, и брошенное им перо воткнулось ей в щеку. Учительница вынула дротик, и, не обращая внимания на текущую из щеки кровь, продолжила урок. Сколько требовалось мужества, чтобы подойти к ней после урока, сознаться в том, в чем тебя не обвиняли, и просить прощения.

По-видимому, от отца Игорь унаследовал четкость в постановке задач и доскональную проработку возможных методов их решения. Наброски в записных книжках свидетельствуют о том, как непроста была эта работа (но как плодотворна!) Его отец Александр Афанасьевич выбирал себе задачи, непосильные другим, и старался их одолеть, иные он считал неинтересными. Поэтому именно ему поручали строительство аэродромов в первые месяцы войны. Именно ему поручили эвакуацию Путиловского завода, перед сдачей врагу Ленинграда (задача с которой он, как известно, не справился, и вынужден был скрываться от неотвратимого наказания).

Медаль за окончание школы дала Игорю возможность без экзаменов поступить в МВТУ. Но тут война, демобилизация... О войне он рассказывать не любил, - говорил: «подрастешь, расскажу». Говорил, что выиграли войну не танками и пушками, в качестве которых мы сильно уступали противнику, а силой духа. Когда одноклассникам сына дали задание - расспросить родителей о том, сколько каждый убил немцев, то он сходил в

После училища (1942-1943). Из архива семьи Ерохиных

школу (которую и заканчивал), и задание исчезло. Войну закончил в срок шестом в звании капитана артиллерии. Был награжден орденами и медалями. И сразу же восстановился и продолжил обучение в Бауманке.

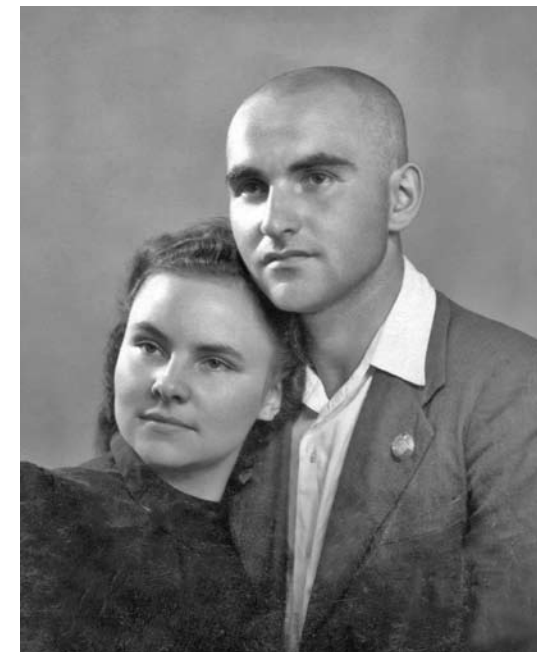
В решении многих вопросов он отличался радикальностью. Так стало известно, что на фронте он стрелял из автомата по машине своего командира. Поскольку его не расстреляли, видимо его действия были правильными (только наградные документы «потерялись»). Позже во время обучения случилось, что студентам задержали на пару месяцев стипендию. Для многих бывших фронтовиков стипендия была единственным источником существования. Игорь от себя лично отправил телеграмму Сталину. Результат был непредсказуем. Однако стипендию в институте выплатили на следующий день, а проректор бегал за ним и говорил: «Зачем же вы так Игорь Александрович!?»

Таким же образом он устраивал и свою семейную жизнь. Друзья познакомили его с Олей Лобановой учившейся на старших курсах (ведь женщины не воевали) того же института, и он сделал ей предложение.

Необходимо было (по православным традициям) получить родительское благословение. Игорь, не раздумывая, едет в Красноярский край, где уже не в лагере, но еще в ссылке пребывает его будущий тесть, знакомится с ним, и получает необходимое согласие. Но с условием - венчаться. И они венчаются. По всем нормам того времени его должны были выгнать из института, но не выгнали.

Игорь заканчивает институт и остается в Бауманке в лаборатории электротехники.

Он далеко не безразличен к техническому прогрессу начала 1950-х гг. Его волнуют проблемы ультразвуковой космической сварки, он с восторгом рассказывает дома о том, как решаются проблемы обработки активных металлов. У его сына появляется кусочек циркония, и жильцы дома с удивлением наблюдают рождение микрошариков, с шипением летящих по воздуху и исчезающих с громким хлопком. Демонстрация подшипника с магнитным подвесом или лампы с почти не расходящимся пучком света тоже не редкость в

Молодожены Ольга и Игорь Ерохины.
Из архива Ерохиных

доме. С восторгом обсуждаются будущие космические полеты на далекие планеты, фотонные ракеты... С Кириллом Кузьминым обсуждаются перспективы технического прогресса в Сибирских регионах. Замышляется переезд семьи в Новосибирск (семья Кузьминых таки переехала в Красноярск в 1970-х годах). И все эти грандиозные проекты и перспективы рождены в коммуналках. Почему-то тогда для широты мысли и рождения детей не требовалась отдельная квартира. Зато для реализации проектов нужна была вся Родина от Бреста до Камчатки и от Новой Земли до Тянь-Шаня (и даже Эвереста).

Что сказал Ерохин в приватном разговоре Анатолию Овчинникову, и чем так глубоко задел его самолюбие, тоже останется, видимо тайной. Но все были просто шокированы тем словесным фонтаном, которым неожиданно излился этот достойный человек на давно погибшего лидера. Урок всем: не обижайте людей, даже если, по вашему мнению, они этого и заслуживают (это мнение по стечению лет может оказаться ошибочным, а человек может измениться). Но как радушен был Ерохин с друзьями и просто с людьми, студентами, окружающими его в Бауманке и конечно с командой. Как часто по вечерам собирались дру-

Игорь - в центре - со студентами кафедры. Сзади здание МВТУ.
Из архива Ерохиных

зья и вся команда в комнате на 6-м Монетчиковском. Как умели они шутить, веселиться и отмечать праздники. Какие замечательные песни они поют. Например, вспоминаются слова песни: «Наш хваленый Кавказ не обитель чудес, а бульвар, где пажоны гуляют. То ли дело подходов нетронутый лес, неприступная высь Гималаев», напеваемой на мотив народной песни - «там, вдали, за рекой». Это ложь, что питье определяет веселье на Руси - настоящие спортсмены не пьют! С какой радостью проходил он в «колоннах физкультурников» с красной лентой украшенной значками и медалями чемпионатов СССР по Красной Площади на 1 Мая, участвовал в кроссах по Садовому кольцу. С каким азартом болел за наших футболистов и баскетболистов, выигравших тогда чудом матч у американцев. Он водил сына на футбольные матчи с участием Э. Стрельцова, чтобы тот воочию ощутил действо «настоящего мастера».

Спортивная сторона жизни Игоря Ерохина требует понимания того, зачем вообще нужен большой спорт. Ведь выдающиеся спортсмены до старости, как правило, не доживают (а альпинисты и подавно). Заниматься физкультурой! - это полезнее для здоровья вашего тела (но не духа). Зачем восхищаться Гагариным, - ведь у 90% людей при таких вибрациях оторвались бы все внутренности? Зачем ставить в пример А. Матросова, - ведь как следует из элементарной математики, если каждый тысячный

последует его примеру, генофонд России растратится. По-видимому, немалую все-таки часть в человеке занимает дух, хоть никто не знает точно, что это такое. Иной всю жизнь, иногда недолгую, стяжает себе этот дух. Сейчас можно замечать, что он не сделал того или этого, или не так поступил в том или ином случае, но, вспоминая общение с ним, понимаешь, что обыденные мерки не вполне к нему подходили.

Конечно, требования к уровню общефизической подготовки были очень высоки. Это касалось кросса, лыж, плавания, баскетбола. И это все на уровне, заметно превышающем уровень первого разряда. Друзья альпинисты из команды «академиков» (СКАН) называли самого яркого представителя этого направления в команде, Адика Белопухова, «человек-пружина». Сейчас я бы назвал этот уровень физическим совершенством. Совершенствовалась и техника скалолазания. Но, к сожалению, в этом виде спорта отец чувствовал себя догоняющим, и с присутствующей ему иронией говорил мне: «У меня лазание, как твоя арифметика - на троечку». Но и эти пробелы решено было подтянуть. Гарантией этому была дружба с Лево́й Мышляевым, который часто бывал у нас дома. Понятно, что команды, не уделяющие много внимания круглогодичным тренировкам, выглядели заметно слабее Ерохинской. На беду последней самой яркой командой «пенсионеров» оказалась команда Виталия Абалакова, интегрированная во все уровни официального альпинизма того времени и официально считавшаяся сильнейшей. Сейчас кажется смешным, что Ерохинским атлетам приходилось доказывать свое явное превосходство над спортсменами, заметно уступавшими им физически. Кульминацией этого противостояния были «эверестские» сборы зимой 1958-1959 гг. на базе альпинистского лагеря «Шхельда», которые закончились коллективным восхождением на Эльбрус. Как же они были непохожи на те, что проводились 20 лет спустя. Они были больше похожи на спортивный праздник. Не было и тени сомнения, что команда СССР вместе с китайцами взойдет на Эверест. Кто-то проглядел и Ерохин, Кузьмин, и Овчинников приехали с детьми. То есть даже детям было в итоге ясно кто сильнее. К сожалению, вспоминаю, что шутки тогда носили довольно прямолинейный (иногда даже издевательский) характер.

Видимо именно в этот момент Виталию Абалакову - человеку сильной воли и известному альпинистскому лидеру надоело, что ему уже несколько лет нарочито наступают на пятки. К тому же он за год до этого невольно (или намеренно) сообщил Ерохину, что его (Абалакова) команда в 56 не дошла до вершины пика Победы. Абалаков завершил разговор словами: «... и вам дойти до вершины вряд ли удастся», Ерохин «наживку проглотил, придав этому на самом деле незначительно-

му факту слишком большое значение, и в узких альпинистских кругах показывал абалаковские фотографии, которые запечатлели этот факт. Ответ не заставил себя долго ждать. Допинг тогда еще был не в моде - Ерохину предложили иезуитский нравственный выбор. В сборную траверсантов на пик Победы был по инспирированному сверху приказу внедрен по меткому определению Ильи Мартынова «тройский конь» - «опытный альпинист высотник» Ваню Галустов. Он открыто посмеивался над суровой спортивной дисциплиной команды, ... а в итоге не нашел в себе сил преодолеть последний подъем до главной вершины. Ерохин в приказном порядке (попробовал бы кто отказаться!) отрядил нескольких человек спускать «жизнелюба», чтобы тот ненароком не помер (как это обычно случалось в подобных ситуациях). Говорят, Володя Шполянский плакал от обиды. Во время спуска вместе с догнавшей их командой Галустов пришел в себя и уговорил команду умолчать об этом инциденте. И все молчали до тех пор, пока по истечении шести месяцев И. Богачев не заявил во всеуслышание, что не может более молчать. И началось избивание (как в Трое).

Нелепый запрет на совершение восхождений в сезоне 1959 г. дал семье возможность вместе с отцом съездить на Селигер, побыть на даче... и тренировки, тренировки, тренировки к сезону 1960 г. Конечно же, начать сезон хотелось пораньше - в марте. Отпуск не давали. Отец трижды бросал ректору на стол «заявление по собственному желанию», пока тот не подписал отпускное... Похоронка пришла с опозданием недели на две. Бабушка заблуждала, мать, потеряв равновесие, оперлась о печь, жизнь семьи пошла по совсем другому руслу. Когда мать пошла в Бауманку выправить какую-то бумагу, подтверждающую факт того, что отец там действительно работал, то некий начальник лаборатории позвонил в «охрану» и просил «больше не пускать эту побирушку». Много лет спустя бывшие студенты, оказавшиеся невольными свидетелями случившегося, и глубоко задетые этим поступком, передали мне это и просили не забывать имя «героя», да я забыл. А вот команда и другие замечательные альпинисты, в их числе и Толя Овчинников, сделали все, чтобы смягчить этот смертельный рывок. Низкий поклон вам ребята от семьи Ерохиных и большое спасибо (последнее слово в прямом смысле означает - **спаси** вас всех **Бог**).

Ерохин считал, что нужно говорить об альпинизме и освещать его успехи в средствах массовой информации, т. к. этот вид спорта укрепляет народный дух, вселяет уверенность в силы народа. Да, это не было принято, но он отправлял в газеты различных рангов отчеты об экспедиции на Победу, а вручение золотых медалей участникам тра-

верса транслировали по единственному каналу центрального телевидения. Он не стеснялся рассказывать об этом выдающемся массовом достижении студентов перед школьниками своей обычной московской 728-й школы и в других аудиториях. По итогам экспедиции в 1961 г. в Чехословакии вышла замечательная, прекрасно иллюстрированная книга, участника восхождения на восточную Победу, чеха В. Вуйты без прикрас (им же не надо было проходить чиновничьи фильтры) и с юмором описывающего все подробности.

Теперь о правде. Утверждение коммунистов о том, что правда для всех разная, - ложь. Русскому человеку с малолетства известно, где правда. Игорь Ерохин как человек русский это хорошо знал, а как восточный человек, не мог долго терпеть в себе эту несправедливость. Он ненавидел ложь и не терпел компромисса с ней, какие бы коврижки это ему не сулило. Он жил по правде, а не по чиновничьей букве (которую они сами и придумали), и ходил по горам, а не по описаниям. В 1959 г. победили его оппоненты: ветераны стали чемпионами, экономика - экономной, приписки доходили до десятикратных размеров, а Брежнев стал маршалом этой «правды». Ерохин ушел в 1960 г., т. к. не мог органически жить среди этой лжи. Но мы то знаем, что ложь обречена.

А что Победа? Пик Победы в разных своих ипостасях легко найти в первых трех строках гамбургского списка лучших отечественных альпинистов наших дней. *Саша Ерохин (2008).*

Стрела, нацеленная на Эверест

Костя Стрелков (2008). Когда Игорь Александрович хотел сказать о каком-либо маршруте, даже объявленном трудным, а, по его мнению, легком, он говорил, что заведет туда свою бабушку. Этими словами он часто обижал некоторых «заслуженных» и накалял отношения с бонзами альпинизма. Это единственное в чем он был не прагматичен. В остальном Игоря Ерохина можно сравнить с остро отточенной стрелой, нацеленной на покорение Эвереста и стремительно летящей к этой цели. В жизни каждого из нас, в жизненном успехе каждого, он сыграл огромную роль, научив ставить цели и добиваться их выполнения. Смерть в горах оборвала его полет. Он утверждал, что физически и технически подготовленный, волевой альпинист не должен погибать в горах. Но в альпинизме есть еще и случай, который унес жизни Ерохина и его друзей. Но мы все помним и чтим его память.

Во время одной из зарядок, проводившихся в парке МВО, ныне Лефортовском, к нам подошел мужчина и попросил закурить, и тут все

60-70 человек хором ответили : «Мы не курим!». Это результат принципа Ерохина - курящему в горах делать нечего, и он почти никогда не отступал от этого принципа.

Ерохин придавал большое значение физической и волевой подготовке. При подготовке экспедиции на Победу он уделял основное внимание повышению выносливости - проводил длительные кроссы и лыжные марафоны. Где, как не на этих марафонах, мы приучались терпеть.

Приведу еще один маленький штрих, характеризующий Игоря Александровича. Во Фрунзе (ныне Бишкек), где мы собирались, готовясь к отъезду в горы, нам удавалось почти каждый вечер проводить на стадионе, в основном на баскетбольной площадке. Однажды к нам попал футбольный мяч, и мы начали пробивать пенальти. Ерохин принял участие в этой забаве. Он сказал, что главное в успехе не мастерство и сила удара, а противостояние характеров, и что любому вратарю он забьет не менее 8 пенальти из 10, а от любого нападающего пропустит не более 5 голов. И тут же убедительно подтвердил это: забил 10, а пропустил 1.

Когда сейчас оглядываешься назад, удивляешься той огромной организационной работе, которую проделал Ерохин при подготовке экспедиции. Во-первых, он изучил опыт предшествовавших экспедиций и уже в Москве наметил основной план действий, который и был выполнен. Надо заметить, что это удается в альпинизме далеко не всегда. Большое время у Ерохина отнимала организация обеспечения экспедиции продуктами и снаряжением. Ни МГУ, ни МВТУ не располагали снаряжением для высотной экспедиции (отметим, что Победа является самым северным семитысячником в мире). Многого из необходимого снаряжения вообще в стране не было. Поэтому значительную часть приходилось добывать, организовывать производство и т. д. Все это шло под постоянным контролем Игоря Александровича. Впервые для доставки большей части снаряжения и продуктов по инициативе Ерохина была привлечена военно-транспортная авиация.

Вся эта грандиозная работа принесла свои плоды - экспедиция в составе 60 человек была проведена студенческими коллективами МГУ и МВТУ.

Всю команду в 46 человек на семитысячную Восточную Победу сумел вывести (поднять) великий альпинист и руководитель Игорь Александрович Ерохин! Повторить это пока не удалось никому!

Восхождения на Пик Военных Топографов, первопрохождение траверсом массива пика Победа - вот результат трудов Ерохина и его команды. Вся экспедиция прошла без происшествий и жертв, и это на самом трагичном семитысячнике СССР. Жертвы и немалые на Победе

были и до экспедиции Ерохина и после нее. До сих пор Победа хранит тела около двух десятков восходителей из числа многих погибших на этой горе. *Стрелков (2008).*

Неординарная личность

Малахов (2008). В те годы была такая обстановка, что такая неординарная личность, как Игорь, была не нужна многим, они мешали, даже пугали, и любой «сигнал» с места принимался к сведению. МВТУ в той системе был тем ВУЗом, за положением в котором следили внимательно, но, к сожалению, явно не очень умно. Сейчас прошло уже почти 50 лет, как погибли или просто ушли из жизни многие участники той замечательной и не повторенной пока студенческой экспедиции. Экспедиции составленной, как цветастая мозаика из труда и усилий десятков студентов, преподавателей и руководства крупнейших ВУЗов Москвы МГУ и МВТУ, и организованной советом или штабом экспедиции во главе с такой талантливой и неординарной личностью как Игорь Ерохин. Он вырастил и воспитал десятки, а возможно и сотни альпинистов, в том числе и первых российских покорителей Эвереста.

И не пора ли сейчас, после десятилетий забвения, сказать вслух, а иным и самим себе, что это был и жил среди нас Организатор и Руководитель московских альпинистов с большой буквы. Идеи, находки и мысли Игоря Ерохина иногда незаметно для себя принимали на вооружения многие тренеры и организаторы в альпинизме, в том числе и критиковавшие когда-то Игоря Александровича за его прямолинейность и несговорчивость. *Малахов (2008).*

Близкий друг

Илья Мартынов (2001). Для меня Игорь Ерохин был близким другом не только в альпинизме, но и в обычной жизни. Я знаю его по совместной работе в альпинистском лагере «Звездочка» и восхождениям в дружной группе единомышленников: И. Ерохин, К. Кузьмин, А. Белопухов. Близка мне была и семья Игоря. Все это дает мне право, обязывает сказать свои добрые и, надеюсь, объективные слова об Игоре Ерохине и «его альпинизме».

Наверное, в становлении Ерохина в альпинизме положительное значение имело совмещение работы инструктором с собственным спортивным совершенствованием. Он во всем следует тренерским принципам А. Г. Чернышева, прекрасного наставника спортсменов МВТУ, и проявляет свои способности учиться у всех, у кого возможно, умение общаться, не ставя себя выше других, целеустремленность и глубокое

чувство юмора в любой ситуации. Он помнил полученную в начале пути «выволочку» от Инны Долговой на одном из простых восхождений за несобранность, но, наверное, это неизбежно у молодых. Мы вспоминаем драматический и смешной момент на занятиях учебного отделения. Показывая участникам спуск дюльфером на «Большом камне» в Домбае, он не разобрался наверху с веревками, накиннул на себя незакрепленную и, выйдя на отвес, рухнул вниз, к счастью, на травку. Сбежалась толпа, созерцая неподвижно лежащего Игоря. Через какие-то минуты он открывает глаза и говорит: «Что это вы как на похоронах, не рано ли?» Пришел в себя и продолжал занятия.

Со значкистами сделали траверс Софруджу и с перевала отправили их на самостоятельное восхождение на Чхалту. Накрыли нас, инструкторов, облака, и мы отсиживались в палатке уже около часа. Вдруг снаружи робкий голос Димы Шутина (в будущем МС): «Игорь Александрович, мы не можем найти вершину...» Ответ: «Ну что ты, Дима, ты ведь даже очки носишь!» Вышел и показал путь.

На одном из восхождений Адик Белопухов, выйдя со снежной подушки на крутые скалы, пройдя метров 10, сорвался со скальным блоком и рухнул на снег рядом с нами. Обошлось благополучно, только выше колена была рваная рана. Игорь: «Красивый полет! Только лететь надо было на вершину». Наш общий смех помог Адикуну собраться, и после перевязки продолжить восхождение.

Доброжелательность, юмор, отсутствие «напряга» - таким он был в общении. Его умение поставить перед всеми высокую, хотя и неблизкую цель, его талант организатора, определили ему место лидера молодого поколения альпинистов 1950-х годов. В эти годы происходила далеко небесконфликтная смена поколений в альпинизме. Секция МВТУ, принявшая и освоившая методику спортивного совершенствования А. Г. Чернышева, была готова к выполнению альпинистских задач самого высокого класса. В это время определились два направления и два лидера. Первое - это комбинированные маршруты, траверсы с длительными нагрузками, потом высотные, которые были интересны И. Ерохину и К. Кузьмину с друзьями, И второе - скальные стены, опыта прохождения которых, по сути, еще не было. К ним устремились Л. Мышляев, А. Овчинников, В. Николаенко со своими последователями.

Хочу отметить особенности этих направлений, о которых тогда не задумывались или умалчивали. «Ниша», в которой хотел работать Ерохин, была освоена и занята старшим поколением, там имела место жестокая конкурентная борьба в уже придуманных соревнованиях

и определенная монополия группы «патриархов», имеющих вес в руководящих органах. Отсюда - преимущества, награды, возможности. «Ниша», интересовавшая Мышляева и его «технарей», была свободной, т. к. требовала других кондиций, уже недоступных старшим. Поэтому с первых же успешных шагов, Ерохин с товарищами почувствовали неприязнь и противодействие со стороны руководящих кругов и просто завистников.

Как бы то ни было, все планы и надежды рухнули. Вместо подготовки к Эвересту Ерохин с Олей и детьми провел лето на озере Ильмень, и судьба подарила семье последние дни счастья. Но Ерохина так нельзя сломить и, наверное, в значительной мере, чтобы доказать это своим недоброжелателям, он в марте 1960 г. с группой альпинистов, проверенных на Победе, идет на зимний траверс Домбай-Ульгена. Да, идут «паровозом». Впереди - Божуков и Белопухов, в середине, наверное, не такие сильные - Фещенко, Соколова, Цирюльников. замыкающий - Ерохин. Ключевым местом маршрута является «психологическая стенка» - узкая полочка протяженностью приблизительно 15 м, затем подъем по не очень прочным скалам, внизу отвес 500 м. Преодолев стенку, наверх вышли Божуков и Белопухов. Фещенко от полки двигался вверх. Соколова и Цирюльников только что прошли полку. Ерохин начал выбивать крючья и двигаться по полке. Белопухов вдруг увидел, что веревка натянута и лопнула, и понял, что произошел срыв. На зов не было никаких ответов, и стало ясно, что четверка улетела и погибла. Так не оказалось никаких свидетелей самого срыва.

Потом начались домыслы с прямыми злыми обвинениями Ерохина: как его «паровоза», так и его альпинистских качеств. Я имел некоторое отношение к этому восхождению. Ерохин предлагал мне участвовать в нем. Помешало этому мое участие в те же дни в восхождении с другой группой. Мы достаточно подробно обсуждали планы его выхода. А 9 марта Ф. А. Кропф, начальник Домбайского КСП, направил меня на «Птышские ночевки» с диспетчерскими функциями для всех спасательных отрядов, ведущих работы на Домбае, и мне пришлось участвовать в организации последнего пути вниз всех погибших...

В те годы Ерохин в МВТУ и московском «Буревестнике» своими тренировками и восхождениями показал пример молодому поколению, что оно способно идти в альпинизме своими путями. Основы сегодняшних достижений были заложены именно тогда, благодаря ерохинским идеям. Мне очень хочется защитить его достойную память. Нельзя пинать ногами умершего льва. *Мартынов (2001).*

Мой Ерохин

Коришунов (2008). Такое название очень обосновано. Он для каждого, соприкасающегося с ним, разный. Такое возможно только для человека неординарного. Он был притягателен и предсказуем. Несмотря на сложность решаемых проблем, он знал, кто их может решить. Его заслуга - какой вариант может быть. Поэтому первые соприкосновения с ним притягательны, перспективы будущего захватывали.

Его предложение мне - участие в экспедиции 1958 г. приходится на конец 1957 г. Летний сезон 1957 г. для меня был удачным: скалолазание, альпинизм, лыжи, легкая атлетика толкали меня на поиски более сложных вариантов. Тем более, что перспективы просматривались на 1958, 1959 1960 гг.

Разговор шел о горах, куда могли отправиться только небожители: Абалаков, Снесарев, Мышляев. Все проблемы может решить любой, кто одержим идеей далеких стран - Тянь-Шаня, Гималаев. Он знал рецепты для больных горами. «Горы Кавказа тесны для тебя - 22 горы за 2 дня - это здорово. Можно делать и больше, но не в условиях альплагеря: 1958 - пик Победы, 1959 - Броуд-Пик, 1960 - Эверест. Таковы планы, но для этого надо много работать. Закончишь институт, времени будет больше».

Сами тренировки для меня не были сложными. Я тренировался в секции легкой атлетике, где 100 раз по 100 м у тренера Чикина не было пределом. Он любил повторять: «Я никого не выгнал, они ушли сами».

На тренировках Ерохина такого не было. Бегали кроссы - 1-2 ч. Он не терпел, когда кто-либо из молодежи бежал рядом с ним, обычно он заставлял сделать ускорение метров на 400 или бежать в обратную сторону и потом догонять...

Кроме разговоров были конкретные дела, но это уже после схода снега в 1958 г. Как-то он дает мне деньги и говорит: «Надо купить 20 канистр. Не ходи по магазинам, где их нет, а иди туда, где они лежат». Целый день я ездил по Москве и, наконец, нашел. Звоню Ерохину и прошу помочь с доставкой. В ответ слышу: «А что метро отменили? Вези их в МВТУ». Сейчас в годы борьбы с терроризмом это звучит смешно. Человек, обвешанный канистрами, лезет в метро. Все 20 штук я привез на кафедру Ерохину за 40 коп на метро.

- Ну вот, когда съезжится, то думать начинаешь.

Особая статья разговоров была связана с личностью Абалакова. По всей видимости, это была проблема отцов и детей.

Абалаков: «Альпинизм - лучший отдых».

Ерохин: «Альпинизм - такой же вид спорта, как лыжи или легкая атлетика».

Ерохин: «Маршруты, за которые Абалаков получил золото и потратил все лето, должны проходиться за 2-4 дня».

И он это делал. Вначале это скрытая борьба в газетах. Затем Федерация альпинизма запретила писать о Ерохине. В те годы федерация состояла на 80% из сторонников Абалакова. Когда Ерохин в газете «Советский спорт» напечатал статью «Ушба за 2 дня, Шхельда за 3», федерацией был назначен А. И. Поляков, который контролировал все, что пишется в центральной прессе.

Слухи по Москве о выезде студенческой экспедиции на пик Победы без помощи ведущих высотников страны, заставили провести экстренное заседание федерации. Но пока решали этот вопрос, передовой отряд выехал из Москвы. Первая реакция - вернуть, но не получилась. А когда уехала вся экспедиция - решили усилить экспедицию опытными высотниками. На 1959 г. намечалась совместная советско-китайская экспедиция на Эверест. Любые неконтролируемые ситуации в нашей Федерации альпинизма могли бы пагубно отразиться на предстоящем мероприятии, тем более что противодействие нарастало.

Экспедиция на Победу состоялась, Ерохин - Победо-победитель. Он включен в состав тренерского совета экспедиции 1959 г. Ерохин пробивает проведение школы альпинизма в Москве: «Лекции читать для «школьников» зимой, а стажировка - летом».

Я хорошо помню - каждая лекция Ерохина - ажиотаж. Они проходили живо, энергично. Шутки, смех и так 2 ч. Каждый вид спорта, кроме альпинизма, лыж и легкой атлетики, получил свое:

- Есть три вида спорта: альпинизм, лыжи и легкая атлетика, - остальное штокпа носков.

А туризм для него был особой статьей. После воскресных лыжных тренировок возвращались на электричке. После 6-7 ч беготни ехали усталые, а Ерохин подсаживался к группе поющих туристов и просил спеть «Кружку» или «Котелок». Это было всегда, мы об этом знали, и когда туристы начинали петь эти популярные тогда песни, у нас это вызвало гомерический хохот.

Параллельно со школой инструкторов шли тренировки на опилочной дорожке малого стадиона «Динамо». Ерохин, как тренер экспедиции на Эверест, обязал всех кандидатов посещать тренировки. Бег по опилкам тогда входил во все легкоатлетические тренировки. Приходили и кандидаты от «Спартака»: Абалаков, Филимонов, Аркин, Сидоренко. Особенно Ерохин любил подшучивать над «несгибаемым» Филимоновым, который не мог сделать ни одного упражнения. Игорь всегда, на полном серьезе, предлагал ему сделать мостик. Они всегда

оба падали - все смеялись, но удивительно, Лев никогда не обижался. Игорь шутил, приговаривая: «Ничего нужно время, мы не таких скручивали в бараний рог». В беге мы, конечно, уходили от «старичков», тем более, что Ерохин нас всегда поощрял.

Лыжные тренировки шли приблизительно по одной схеме. Выезд за город по одной железной дороге, затем по полям, по лесам - до другой. Как правило - по целине. Первый топчет в таком темпе, чтобы второй не успевал. Если второй приблизился - уступи. Спартакотцы категорически отказывались от лыж.

Ленинские горы, Царицыно. Мекка альпинистов. Здесь - лазанье, кроссы по пересеченной местности, возвращение - по возможности; а место, занятое в кроссе заносилось в таблицу.

К началу весны 1959 г. стали появляться сомнения относительно экспедиции с китайцами. К этому присоединились сомнения федерации по письму доброты. Экспедиция 1958 г. была признана профанацией. Призы, медали - вернуть. Руководителей подвергнуть остракизму. Ерохин говорил: «Гора, достижение вершины не факт зачета. Гору засчитывать за вклад в общее дело». Не сработало. На заседаниях федерации говорили о ерохинцах и ероховщине, об искоренении, о пагубности спортивных принципов.

К сезону 1959 г. была создана сборная команда ВЦСПС, и меня Кирилл Кузьмин пригласил в состав кандидатов, сказав, что ты понравился Ерохину, и он просил включить. Для меня сезон 1959 г. прошел блестяще - пики Сталина, Москва и др. шеститысячники. Опыт, полученный от «стариков», которых было больше 60%, даже просто жизнь в одной палатке - стоит многого.

Как-то на лекции в школе инструкторов Ерохин обмолвился в мой адрес: «Вот Коршунов уже стал альпинистом, не имеющим вершин 4 категории трудности, а имеющим 5Б - его голыми руками не возьмешь». С его легкой руки я попал в сборную 1960 г. на Победу.

После дисквалификации Ерохину надо было как-то всплывать, и он первым в Советском Союзе решил пройти 5Б в зимних условиях.

- Ходили же мы 5Б на больших высотах и в плохих условиях, - говорит Игорь. - Я думаю, это равновесные вещи. Тем более надо для страны иметь один свой восьмитысячник.

И он на полном серьезе предложил мне участвовать в предстоящей экспедиции на Броуд-Пик.

Если бы не трагедия 1960 г. с Ерохиным, неизвестно как бы развивался отечественный альпинизм, и какие бы планы были у советских альпинистов.

Еще о Ерохине и его планах. О планах Ерохина стало известно весной 1957 г. Все альпинисты Москвы знали, что весной 1958 г. команда МВТУ собирается на Тянь-Шань. Кавказ стал тесен и неинтересен. В МВТУ - сильная секция, которая строила очень дерзкие планы и, как правило, выполняла их. Ходили много и быстро. А какие имена! - Мышляев, Овчинников, Белопухов, Севастьянов, Николаенко.

По окончании сезона 1957 г. неожиданная весть разнеслась по альпинистам Москвы. Все желающие поехать на Тянь-Шань должны иметь 2 разряд по альпинизму, лыжам и легкой атлетике, тренироваться по программе альпинистов МВТУ. У меня было превышение этих требований, и я был зачислен в состав кандидатов.

Каждый кандидат должен был выполнять конкретные поручения руководства экспедиции. Для кандидатов, прошедших школу альплагерей, и не имеющих понятия, откуда берется снаряжение, продукты - экспедиционные заботы оказались весьма непонятным делом.

Краткосрочные этапные задания выполнялись беспрекословно, срыв сроков приводил к душевительной беседе с Ерохиным. Решение некоторых вопросов отложили до прибытия в Киргизию. С киргизами любовно трудно - они не ходят в баню и не пьют водку. А платить мы могли только по госрасценкам (аренда лошади - 3 рубля, килограмм мяса - 1 руб. 42 коп.). Ходоки, выбивавшие необходимое из киргизов, столовались «за свой счет» - счет был щадящий - бутылка «Ситро» и банка конины. Кстати, это тоже вызывало повышенный интерес - можно ли коня есть. Попытки красть гусей могли привести к побоям. Киргизский председатель и русский председатель - очень большая разница. Первый - бай, которого можно было застать в правлении рано утром и вечером. Остальное время он был в поле. Бай из русских слов знал только матерные, остальные - «мая твоя бильбейм».

Единственное, что дали даром - овечьи шкуры, но где московскому студенту было знать, что они должны были быть выделанными. Киргизы - Алим Романов, Маречек Ерапунов - советовали их взять в качестве подстилок. Нам дали 15 «фанер».

Вторая забота, которая нас волновала - караван. Еще в Москве нас снабдили письмами от различных организаций с просьбой выделить лошадей за наличный расчет. Когда председатель это слышал - 3 руб. за день работы - выражался нецензурно. В колхозе «Кутурга» мне выделили 4 лошади с караванщиком. Караванщик амнистирован после смерти Сталина. Бежал из Киргизии после установления Советской власти (басмач). В 1958 г. это был 78-летний старик. Мог сидеть и спать на лошади по 3-4 суток. Прекрасно знал Тянь-Шань, перевалы и Хан-

Тенгри. Он там был, они туда ходили за медведями и козлами. Звали его Урмаке Байсеркеев. В караване было 2 кобылы с жеребятами. И я задал вопрос: «Можно ли их оставить?» Но в колхозе сказали, что нельзя - «что кушать будут?» Прекрасно переправлялись через все реки, в том числе через Сары-Джаз и Иныльчек. Лошади переходили шагом, а жеребята - прыжками.

Когда пришли в базовый лагерь, Ерохин встретил нас неприветливо, сказав: «А чем лошадей будешь кормить?» Дело в том, что еще в Пржевальске мне сказали, что самолетом в контейнере сбросят 500 кг овса. Но здесь мы узнали, что контейнеры перепутали, и груз с овсом находится под Чон-Тереном.

- Завтра пойдешь наверх, возьмешь 2 бака по 40 л. Туда и обратно рюкзак овса - не ходить же порожняком.

Случаи. На базаре покупаем овец. Подходит киргиз и предлагает на это количество килограмм овец одну корову - «она разбежаться не будет».

Космачев не сдал дежурство по лагерю. Ерохин пригласил его на разбор, а когда Космачев стал оправдываться, Ерохин рявкнул: «Какую змею я пригрел на своей волосатой груди».

Приходит киргиз, предлагает мясо диких козлов (теке). Сошлись в цене. На следующий день он приходит к Ерохину и говорит: «Дай мне 13 человек, козлов принести», а время 9 ч утра.

На лекциях Ерохина. Недостатки в стране есть, но на фоне громадных успехов они меркнут.

Девушка в альпинизме - беда. Лучше пусть передаст детям свою любовь к горам.

Что делает спорт с женщиной - смотри на Щукину.

В альпинизме нельзя быть добреньким.

Мы не умеем преподносить прелести наших гор.

В советском альпинизме нет свободных самоубийц.

В советском альпинизме основа - дисциплина. Одного из лагеря выгнать - помогает.

Самая высокая дисциплина - на биваках.

Отучать от дискуссии при компоновке рюкзака.

Нельзя засчитывать восхождение автоматом, даже если он был на вершине и наоборот.

Бегать надо не столько, сколько приятно, а гораздо больше, когда неприятно.

Лучше бегать в лесу, хуже в роще, еще хуже в поле, плохо на стадионе, мерзко в зале.

Гимнастов готовят для пляжа.

Горнолыжный спорт - удел пижонов.

От волейбола развивается неврастения.

От пинг-понга до измены родине - один шаг.

Нарушить режим можно один раз, но не должно быть системы.

На вершинах более 7000 м основа - волевой фактор.

Если почувствовал камень под собой - пора вставать.

В советском альпинизме - целая армия рахитов. Наша задача, или выгнать их, или заставить бегать.

Спорт лентяев не любит.

Наша задача - не побить мировой рекорд, а узнать скотину, на которой ты едешь.

Тренировка одному сложна, лучше вдвоем, это снижает нервное напряжение.

Если пропал аппетит - перетренировался, вот у Светки аппетит всегда.

Иностранцы нас плохо знают. Мы должны им доказать - Россия родина слонов.

Поездка на курорт - звонок ухудшения здоровья.

Не давайте абалаковым себя обмануть, что альпинизм - лучший вид отдыха. Альпинизм - это спорт.

Неожиданности в войне в горах исчезли, когда стали привлекать альпинистов. *Коршунов (2008).*

Максималист

Володичев (2008). Экспедиция Игоря Александровича Ерохина на Победу завершилась. Завершилась успешно благодаря глубоко и тщательно продуманной стратегии и тактике экспедиции. Тогда казалось, что все идет своим чередом, так, как и должно было идти. Нет, само собой ничего не идет, а если идет, то не само собой. Теперь видно, с какой скрупулезностью Игорем Ерохиным готовился каждый шаг экспедиции и как твердо он держал в руках руль управления. Над своими московскими оппонентами Ерохин одержал убедительную победу за явным преимуществом.

Игорь Александрович Ерохин был сильным человеком и был максималистом. Он ездил в самые сложные горные районы и шел на самые трудные горные вершины. Еще на Кавказе, в Безенги, Игорь Александрович в своей обычной жесткой манере полусуто-полусерьезно, говорил о своих планах: Безенги, Победа, Эверест. Его план был близок к осуществлению. На следующий год после Победы, в 1959 г., готови-

лась первая советская экспедиция на Эверест. Игорь Ерохин входил в тройку руководителей. Определился состав экспедиции, грузы были переправлены в Тибет. Но человек только предполагает. Незадолго до выезда экспедиции в Тибете начались волнения. Экспедиция рухнула. Полностью планам Игоря Александровича Ерохина так и не суждено было осуществиться. Может быть, поэтому он и говорил полусерьезно: Безенги, Победа, Эверест.

Памятный значок. После экспедиции на Победу, уже в Москву, Игорь Александрович Ерохин решил сделать значок, посвященный нашей экспедиции. Осуществить свою задумку он поручил мне, с чем и направил меня к альпинисту-художнику, мастеру спорта СССР Юрию Одноблюдову, у которого был опыт таких работ. Игорь Александрович считал, что на значке необходимо было изобразить гребень Победы от Восточной вершины до Центральной, надпись «Траверс пика Победы, 1958 г.», самолет над гребнем вершины, ледоруб и флаг общества «Буревестник». Когда я пришел к Одноблюдову, он мне категорически заявил, что значков с таким количеством символов не бывает, значок должен содержать не более одного-двух символов. Я сообщил об этом Ерохину и Игорь резко мне возразил: «Коля, о чем мы с тобой говорили?» и больше разговаривать со мной не стал.

Снова иду к Одноблюдову и снова напоминаю ему о пожеланиях Игоря Александровича. Не согласившись со мной опять, он все же решил попробовать сделать эскиз значка. Дня через два мы встретились снова. Юрий Одноблюдов показал несколько вариантов эскизов значка, выполненных в цвете, которые я передал Ерохину. Игорь Александрович выбрал один из них. Эскиз был утвержден, и я отвез на одну из фабрик

Значок, изготовленный по эскизу художника Юрия Одноблюдова (1959)

эскиз с гарантийным письмом на изготовление двухсот экземпляров значков. Через неделю контрольный экземпляр значка был готов, он был одобрен Ерохиным, и вскоре с фабрики я получил двести экземпляров новеньких значков, посвященных нашей экспедиции на Победу. Нам их вручали на торжественном собрании, которое состоялось в Доме культуры МГУ им. М. В. Ломоносова на Ленинских горах в октябре 1958 г. За столом президиума сидели Игорь Александрович Ерохин, Рем Викто-

рович Хохлов и никому из нас неизвестный человек в черном костюме. Первый значок был вручен ему. Оказалось, что это был проректор МГУ Иванов. *Володичев (2008).*

Блестящий организатор

Нелидов (2008). Я уже писал, что не помню начала нашего объединения с МВТУ, но, в отличие от некоторых моих друзей, считаю, что оно дало нам очень много - стимул. Это не относится к характеристике Игоря, только как альпиниста. А ведь именно он начал скоростные подготовленные восхождения, успел провести три экспедиции, где ходили все, а не лишь малая кучка избранных, обслуживаемая «шерпами». Он был не только блестящим организатором в альпинизме, но мог бы стать во главе любой отрасли.

Он был достаточно тверд, но не жестким и грубым. Прислушивался к доводам других и, если чувствовал, что человек не убежден, возвращался к разговору еще раз. Не будучи трезвенником, он категорически был против выпивок в горах.

Я уже писал, что мне выпала печальная участь - искать зимой в Домбае, а потом хоронить Игоря. *Нелидов (2008).*

Стратег

Чадеев (2008). Я с Ерохиным был на Вы. Он был преподавателем, я студентом. За глаза я называл его, как все, - Игорь, в глаза - Игорь Александрович. Я знал его всего четыре года, с весны 1956 г. Сейчас уже трудно восстановить мое отношение к нему в то время. Помню только, что его грубоватые шутки при разборках всегда были по делу, но никогда не унижали человека его команды.

Его отличала кристальная честность по сути и ясное понимание того, что цивилизованный человек врет на каждом шагу - это входит в правила поведения. Мы говорим: «Вы прекрасно выглядите!» из вежливости и это не имеет никакого отношения к истине. То же самое и при общении с администрацией. Когда дело касалось его лично, Ерохин следовал правилам этикета, но когда дело касалось команды, правила соблюдались в последнюю очередь, а главным было честное, по сути, решение стратегической задачи.

Пример. Титан был фондируемым материалом. Чтобы его получить нужно было разрешение, чуть ли не совета министров. Тем не менее, мы сами делали крючья из титана, нарушая закон. Если бы мы попытались получить титан законно, то его нужно было заказать, то есть запланировать его производство не ранее чем на следующий год. А с дру-

гой стороны, потеря того количества титана, которое нам было нужно, на работе любого предприятия никак не могло отразиться.

Альпинизм жесткий вид спорта. Особенно высотный. В сложной ситуации демократическая свобода при принятии решения, как правило, приводит к трагедии. Особенно опасен поиск оптимального решения. Продукты и горючее при интеллектуальном поиске расходуются, а физического продвижения нет. А разные решения людей в одной связке опасны вдвойне.

Все принципиальные решения Ерохин принимал единолично. При этом на стадии обсуждения он выслушивал все мнения, с ним можно было спорить. Работал, как тогда говорили «демократический централизм» - очень рациональная вещь для экстремальных ситуаций.

Организация экспедиции на Победу характерна многократным дублированием ключевых элементов. Это в первую очередь люди, транспорт, питание, горючие и медобслуживание.

Предполагалось, что команда, которая совершит траверс массива Победы, будет состоять из 10-15 человек. В экспедиции участвовало около 60 человек. Из них около половины по своим физическим и волевым параметрам могли участвовать в траверсе, что соответствует двукратному дублированию. Это существенно повышало надежность выполнения основной задачи.

Транспорт. Грузы в район Победы доставлялись несколькими способами. На самолетах - около 4 тн на парашютах и несколько сот килограмм простым бомбометанием. На автомашинах от Пржевальска до поселка Ак-Су на берегу Сары-Джаз. На лошадях от поселка Ак-су до ледника Звездочка. Ну, и конечно, в рюкзаках участников. *Чадеев (2008).*

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГИХ УЧАСТНИКАХ ЭКСПЕДИЦИИ

Ия Борисовна Соколова

Тихонова (2008). Икуся - высокая, стройная, рыжеволосая, со спокойным и приветливым выражением лица, жизнерадостная и абсолютно надежная - такой я ее помню. Не так много я могу привести конкретных примеров из нашей жизни, скорее осталось впечатление, собранное из мелочей и оттенков. Но глубокое уважение и восхищение Икусей сложились в дорогой мне образ.

Икуся поступила на физический факультет МГУ в 1945 г. Это был первый послевоенный прием, она держала экзамены вместе с людьми,

прошедшими фронт, людьми серьезными и целеустремленными. Они задавали тон студенческой жизни, серьезного отношения к занятиям и вообще подтянутости. Наверное, многое из жизни тех послевоенных лет отразилось в поведении Икуси. *Тихонова (2008).*

Володичев (2008). Сейчас трудно сказать, когда мы познакомились с Икусей. Осенью 1954 г. я пришел в ФИАН для выполнения дипломной работы, увидел ее там, и мы поприветствовали друг друга. Может быть мы встречались до этого на тренировках или в походах, или на наших закрытиях сезонов. До конца 1955 г., когда я защитил дипломную работу, мы находились с Ией в одной комнате вместе с другими сотрудниками ФИАНа. Возможно, Икуся в это время была аспиранткой. Сотрудники, аспиранты и дипломники в этой комнате работали с микроскопами, изучали ядерные взаимодействия методом ядерных фотоэмульсий и относились к лаборатории или отделу члена-корреспондента АН СССР Ильи Михайловича Франка, который через несколько лет стал академиком и лауреатом Нобелевской премии вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом и Павлом Алексеевичем Черенковым. *Володичев (2008).*

Икуся Соколова - мастер спорта по альпинизму и кандидат физико-математических наук.
Фото Юры Зверева (1958)

Тихонова (2008). Как-то она с юмором рассказывала о трудностях, связанных с их экспериментом. Пластинки с фотоэмульсией облучались на синхротроне в Дубне, и их нужно было как можно скорее доставить в ФИАН для анализа. А в то время регулярного железнодорожного сообщения с Дубной по Савеловской дороге не было. Приходилось изыскивать всякие способы быстреей перевозки пластинок. В частности, она договаривалась с машинистами, которые вели товарные составы в Москву, и на паровозах, с горящими топками, в доброжелательной мужской компании, она доставляла свой научный груз.

В декабре 1959 г за три месца до гибели Икуси защитила кандидатскую диссертацию. *Тихонова (2008).*

Володичев (2008). Мы с Икусей в первый раз встретились в горах только в 1957 г. как участники Альпиниады МГУ-МВТУ в районе Безенги. Мы оказались в одной группе, которой руководил Вадим Николаевич Павлов, геоботаник с биологического факультета МГУ, в то время бывший уже опытным и очень ответственным альпинистом. В нашу группу вошел еще Борис Баронов из МАИ. Первым нашим восхождением была вершина Западная Мижирги с юга 4 к. тр. Маршрут проходил по крутым разрушенным скалам, на которых нельзя было организовать страховку, левее крутого снежного кулуара, по которому часто сверху летели камни. Вадим шел в связке с Борисом, а я в связке с Икусей. Для надежности шли медленно. Ночевать пришлось в снежном кулуаре, другого места нигде на склоне не оказалось. На вершину поднялись только в конце следующего дня и вторую ночевку устроили прямо на вершине Западная Мижирги, т. к. там нашлась площадка для палатки.

Высота около 5000 м. К нашему счастью, ночь была спокойная, грозы не было. Спускались тоже медленно, т. к. организовать страховку снова было негде, а склон был крутой и ненадежный. Следующую ночевку пришлось провести на месте первой, т. е. в снежном кулуаре, другого места просто не было. Утром следующего дня подошли к вертикальной стене высотой более 40 м, с которой надо было спускаться свободным дюльфером. Я спустился первым. Второй стала спускаться Икуся. Метров за 10-15 до окончания спуска я услышал плач Икуси. Я спросил, в чем дело. Она не отвечала и продолжала с рыданием спускаться вниз. Оказалось, что она забыла подложить себе под плечо и бедро рукавицы и натянутой веревкой сожгла до крови плечо и бедро. Закончив спускаться, она с плачем добежала до безопасного места и там некоторое время продолжала громко плакать. Но на следующий день, когда мы возвращались в лагерь, она наотрез отказалась отдать нам свой рюкзак и целый день несла его сама. Ия была мужественным, ответственным и физически сильным человеком. Она никогда ни на что не жаловалась, вела себя всегда достойно.

Второй горой у нас была Дыхтау. Когда мы поднялись на вершину, в тур на вершине Икуся положила фотографию Кости Туманова, незадолго перед этим погибшего вместе с Володей Бланком на склонах Дыхтау. Вместе с фотографией она положила записку с просьбой фотографию не уносить.

В том же 1957 г. в Безенги Игорь Александрович Ерохин, вернувшись в лагерь с траверса Дыхтау - Коштантау, разрешил всем, кто входил в спасательный отряд во время его отсутствия, совершить любое восхождение. Икуся руководила группой, в которую вошли Вадим Павлов, Борис Локшин, Дмитрий Дубинин и Дмитрий Черешкин.

Они поднялись на Коштантау по северо-западному контрфорсу - маршруту Льва Калишевского, который был впервые пройден и занял в том году второе место в своем классе в первенстве Советского Союза по альпинизму.

Конечно, душой она была связана с поколением, с которым начинала заниматься альпинизмом, - Костей Тумановым, Микой Бонгардом, Сашей Балдиным, Юрой Широковым и другими альпинистами Московского университета и Академии наук. Все они относились к Икусе с большим уважением, называя ее ласковыми именами. У нее была лучистая и очень добрая улыбка, смеялась она заразительно весело. Высокая, стройная, с длинной русой косой. С нами, принадлежавшими к следующему поколению, ее связывали горы. Ее постоянно тянуло в горы, в горах она могла находиться сколь угодно долго, совершая восхождения или катаясь на горных лыжах. *Володичев (2008)*.

Тихонова (2008). Икуся была очень умная, и у нее было сильное чувство реальности. Она умела находить решения простые и естественные. Примером того, как Икуся живо оценивала ситуацию, может служить такой случай. Продолжительность нашей экспедиции на Тянь-Шань превышала длительность очередных отпусков. Для того, чтобы получить дополнительный отпуск, требовались различные ухищрения (порядки тогда были строгие) и все по этому поводу суетились. Икуся была спокойна. Как раз на день отбытия участников экспедиции у нее была назначена встреча с заведующим лабораторией Ильей Михайловичем Франком (она тогда работала в ФИАНе). Икуся должна была отчитаться по результатам своей работы. Она сумела провести обсуждение таким образом, что Илья Михайлович сам предложил ей взять дополнительный отпуск. Отпуск быстро оформили, а вечером того же дня Икуся села в самолет и улетела во Фрунзе.

Вообще в общении Икуся была легким человеком. Она держалась просто и естественно, всегда оставалась сама собой, смеялась легко и беззаботно. Хорошо понимала людей, их характеры и намерения, но не помню случая, чтобы она воспользовалась чьей-нибудь слабостью.

Икуся была очень хорошим собеседником. Она внимательно и с пониманием выслушивала, живо участвовала в обсуждении чужих проблем, но не спешила высказывать свое мнение или в случае несогласия выражала его очень мягко. В отзывах о несимпатичных ей людях проявляла сдержанность.

И очень честная: честно относилась к родителям и товарищам, честно училась и работала, честно тренировалась, ей не требовалось снисхождения в альпинизме.

Было важное свойство в характере Икуси - она никогда не жаловалась. На Восточной Победе она сильно обморозила ноги из-за того, что ботинки были ей малы. Но ни при восхождении, ни при спуске она виду не показывала, что ей больно. Хотя заметно было, что ей идти тяжело. И только вернувшись в базовый лагерь, уже в палатке она сказала об обмороженных ногах. Она мужественно терпела боль и дальше, не желая никого обременять.

Все эти качества Икуси я поняла и прочувствовала за 5 лет, которые мы с ней вместе прожили в одной палатке в горах.

В альпинизм Икуся пришла на последних курсах учебы в университете. В 1952 г. она участвовала в восхождении на Накратау по Северо-западной стене (4Б) под руководством Балдина и выполнила норму второго разряда. В 1956 г. ей было присвоено звание мастера спорта по альпинизму. Икуся была спортивным человеком по природе своей. Она была сильной, гибкой и пластичной в движениях. На скальных занятиях доставляло удовольствие смотреть, как плавно без резких движений она передвигается по скалам. Походка ее была стремительной и легкой как у человека, привыкшего совершать большие переходы. Да и рюкзак, даже тяжелый, как-то очень складно сидел на ней. При этом Икуся много тренировалась, как было положено у Игоря Александровича: на неделе в МВТУ, по воскресеньям - кроссы или двухчасовой бег с мужской командой, зимой лыжные пробеги по 50 км. И при этом серьезная работа. В последние годы она работала в ФИАНе в лаборатории. Она занималась методом фоторегистрации треков элементарных частиц в различных ядерных реакциях.

Как-то она с юмором рассказывала о трудностях, связанных с их экспериментом. Пластинки с фотоэмульсией облучались на синхротроне в Дубне, и их нужно было как можно скорее доставить в ФИАН для анализа. А в то время регулярного железнодорожного сообщения с Дубной по Савеловской дороге не было. Приходилось изыскивать всякие способы быстрой перевозки пластинок. В частности, она договаривалась с машинистами, которые вели товарные составы в Москву, и на паровозах, с горящими топками, в хорошей мужской компании, она доставляла свой научный груз. В декабре 1959 г. Икуся защитила кандидатскую диссертацию. *Тихонова (2008).*

Володя Шполянский

Малахов (2008). Володя закончил Транспортный факультет МВТУ им. Баумана в 1959 г., инженер-механик по специальности локомотивостроение, был распределен на предприятие «Красная Звезда», где начал работать вначале инженером, затем старшим инженером, а в конце

ведущим конструктором предприятия. С первого года работы стал донором, в дальнейшем в связи с регулярной и многолетней сдачей крови был удостоен звания «Почетный донор СССР».

Альпинизмом начал заниматься в 1954 г., когда летом с группой однокурсников приехал в альплагерь «Адыл-Су» («Нижний Локомотив»), где все они после получения значков «Альпинист СССР 1-й степени» совершили восхождение на Восточную вершину Эльбруса в составе альпиниады, проводимой в том году в ознаменование Всесоюзного дня железнодорожника. После этого вся четверка перебралась на «Поляну кошей», на километр выше лагеря «Адыл-Су», где проводила свои восхождения альпсекция МВТУ. В альпиниаде вся группа под руководством в то время перворазрядников И. Ерохина и Н. Кузьмина совершила несколько восхождений и выполнила норму 3-го спортивного разряда. На следующий 1955 г. вся четверка молодых третьеразрядников оказалась в ущелье Узункол, в альплагере «Гвандра», которым руководили в тот год бауманские мастера-альпинисты В. Волченко и Б. Миненков. В этом лагере четверка почти выполнила норму 2-го разряда, а Володя вместе с Ю. Снетковым и А. Сутугиным под руководством тоже бауманца Б. Ефимова совершили свое первое восхождение на вершину 4 категории трудности.

После сезона 1955 г. секция альпинизма МВТУ стала заниматься под руководством И. Ерохина, выполнившего в 1954 г. норму мастера спорта по альпинизму. Володя, Шполянский, выбранный председателем альпсекции, стал активным помощником Игоря Александровича и принимал самое деятельное участие в организации всех трех знаменитых студенческих альпиниад спортклубов МГУ и МВТУ, осуществленных в три последующих года.

Володя практически выполнил норму первого спортивного разряда по альпинизму, совершив несколько сложных восхождений, в том числе по маршрутам 4Б категории трудности, причем одно из них, на Восточную вершину Шхельды - в качестве руководителя.

Именно на этом восхождении, уже на спуске с вершины, я спровоцировал спуск группы на «пятых точках» прямо по огромному снежному склону. Он вызвал снежную лавину, на которой группа через несколько минут спустилась, перескакивая через ледовые трещины, почти на тропу к подножью вершины. За такое нарушение на состоявшемся разборе восхождения И. Ерохин намеревался выгнать Володю и меня из альпиниады. В дальнейшем, дней через пять «отсидки в лагере» без восхождений, мы были прощены, но ни одного недоброжелательного слова или жалобы за все эти дни от Володи, как руководителя той груп-

пы, пострадавшего из-за меня, я в свой адрес не услышал и надолго запомнил эту его деликатность и благородство.

В альпиниаде 1957 г. (ущелье Безенги) мы были вместе в составе одной группы при восхождении по Северо-восточной стене на Дыхтау и далее на траверсе Мижиргийской стены до Коштантау. Это восхождение группы альпинистов МВТУ под руководством Ерохина в составе: Белопухов, Малахов, Чадеев и Шполянский было заявлено на первенство СССР и удостоено в дальнейшем серебряных медалей первенства. Это восхождение, продолжавшееся восемь дней, с опытными мастерами спорта стало для нас, двадцатилетних ребят, хорошей школой альпинизма. Все пятеро шли в одной связке, состоявшей из двух веревок по три человека на каждой. Такие связки критиковались и уничижительно назывались «паровозиком» некоторыми руководителями советского альпинизма. При таком движении темп прохождения траверса и стены был в два-три раза выше, чем у других групп, проходивших эти маршруты отдельными связками. Конечно, здесь сыграли свою роль не только круглогодичные тренировки и хорошая общефизическая подготовка участников, но и новая, предложенная И. Ерохиным, тактика движения на маршруте. При ней вся группа практически все время была в движении, сжимаясь и разжимаясь, словно гусеница, что при прохождении траверсов можно считать непризнанным в то время «ноу-хау».

На этом восхождении Володе Шполянскому фатально не везло: при подъеме по стене Дыхтау он на одной из остановок упустил свой рюкзак. В рюкзаке были шоколад для всей группы и все его личные вещи. А при разведке пути на пик Тихонова, уже в конце траверса, упустил и айсбайль. Володя, конечно, очень переживал эти промахи, но обстановка в группе была хорошая и все с пониманием отнеслись к этим его ошибкам. К слову, утерянный шоколад судьба нам «возвратила», но уже в самом конце траверса, когда мы, располагаясь на ночевку, нашли оставленную кем-то и неиспользованную по каким-то причинам заброску, в которой были и шоколад, и несколько пробитых молнией банок шпрот, и какие-то испорченные временем галеты. Шоколаду мы обрадовались - берем, галеты - нет, а вот шпроты в банках с дырками нас озадачили. Игорь сказал, что они, могут быть испорченны, и он их есть не будет, Адик его поддержал, а Володя, как дисциплинированный член команды, да еще чувствующий себя все еще виноватым за свои промахи, посомневавшись, поддержал мастеров.

Ну, а мы с Валею решили рискнуть - очень на высоте хочется чего-то вкусного. Открыли одну банку - шпроты как шпроты, только без масла и сухие, попробовали под заинтересованными взглядами группы, и

всю съели. Когда мы закончили вторую и намеревались приступить к третьей банке, Адик с Володей решили присоединиться к нам, а затем, где-то на четвертой, сдался и «несгибаемый руководитель». Ну, а шоколад мы ели все по-братски.

После сезона 1957 г. Володю избрали председателем альпсекции МВТУ и он стал членом штаба под руководством И. Ерохина по подготовке к экспедиции спортклубов МГУ и МВТУ на пик Победы летом 1958 г. Новые обязанности требовали от него практически каждодневной работы, не считая того, что он в то время был уже студентом выпускного курса Училища.

В экспедиции мы вместе с Володей должны были в поселках Тюп и Михайловское найти лошадей и перегнать их под загрузку в долину реки Сары-Джаз. С помощью местных партийных органов это удалось сделать, но было потеряно много дней, и наш караван оказался последним, пришедшим на ледник Инылчек.

После совместного участия в заброске в лагерь на 6200 м я вынужден был уехать на работу, а Володя советом экспедиции был включен в состав штурмовой группы на траверс пика Победы. Но Володе и здесь не повезло - он попал в число тех, кому пришлось спускаться вниз с восхождения с заболевшими или ослабшими участниками группы. Так Юра Зверев и Коля Володичев должны были сопровождать вниз заболевшего мастера спорта Б. Захарьева, а Володя, Борис Локшин, Сергей Морозов и Геннадий Фещенко - ослабшего мастера спорта, высотника Ваню Галустова. Конечно, руководитель группы, направляя участников вниз сопровождать заболевших или ослабших, должен был отправлять тех, кто реально мог обеспечить безопасность спускаемых. Это обидно для всех сопровождаемых, мечтавших о восхождении, но должно быть вдвойне обидно для последней четверки, в которой оказался Володя, вынужденной повернуть вниз буквально прямо из-под главной вершины пика Победы.

После завершения экспедиции Володя в числе четырех других восходителей на пик Победы был зачислен кандидатом в состав участников совместной советско-китайской экспедиции 1959 г. на Эверест. Началась напряженная подготовка к выезду в Китай. Но и здесь Володе, да и всем другим участникам предполагавшейся экспедиции не повезло, - буквально накануне вылета советских участников в Пекин китайцы телеграммой перенесли начало экспедиции на 1960 г., а затем вообще забыли о ней.

Отмена экспедиции привели к началу внутренних разборок в Федерации альпинизма, что привело, в первую очередь, к разбирательству результатов траверса пика Победы в 1958 г.. Известным решением президиума летом 1959 г. это восхождение не было засчитано, как спортивное,

а все участники были наказаны. Володя и некоторые другие участники восхождения после этого, кто прекратил тренировки, а кто вообще покинул альпинизм. Правда, осенью тренировки команды И. Ерохина возобновились, и Володя даже планировал в составе этой команды принять участие в зимнем траверсе Домбай-Ульгена, но ему не дали отпуска на работе, а траверс, как известно, закончился трагически: Игорь и трое его друзей погибли.

Володя лишь в 1963 г. вернулся в альпинизм и несколько лет проработал в альплагерях Кавказа в качестве инструктора, тренера или начспаса, в первую очередь, в лагере МВТУ «Джантуган», где принял участие в подготовке многих будущих мастеров спорта - бауманцев. В 1967 г. нам с Володей довелось вместе поработать инструкторами в этом лагере и чуть не совершить группой «старичков» восхождение на пик Щуровского. Но вмешалась погода, затем Володя и все «старички» поочередно вынуждены были возвращаться на работу, и вместо моего, как оказалось последнего, восхождения с друзьями, мне пришлось идти на него с молодежью. Ну, а Володя, продолжая работать в лагерях в 1970 и в 1971 гг. совершил свои пятёрки на пики Московская Правда и Корона. С 1984 по 1990 гг. Володя стал больше бывать в альпинистских экспедициях на Южном Памире, Тянь-Шане и в Фанских горах, работал старшим тренером.

С возрастом делать поездки в экспедиции стало сложнее, а неизменная любовь к горам и желание видеть новые горные районы мира и, в первую очередь, Гималаи с Эверестом и другими восьмитысячниками, оставалась. И вот начиная с 1994 г., уже в возрасте почти 60 лет Володя начинает проходить трекинговые маршруты и несколько раз посещает Непал. На нашей встрече по случаю 40-летия экспедиции на пик Победы, проходившей на даче Анечки Тихоновой, мне почему-то запомнился рассказ Володи, как он никак не мог уговорить носильщика-шерпа-женщину отдать ему нести его рюкзак. В самом деле, какой-то странный иностранец, а в этом был весь Володя с его готовностью подставить свое плечо каждому в трудную минуту.

В 2001 г. Володя с группой горных туристов побывал в Австралии, Новой Зеландии и Японии, а в 2002 г. - даже в горах Южной Америки. Завидный образец такой любви к горам, когда вопреки всем трудностям, в возрасте под 70 лет, человек летит на встречу с очередными чудесами света - знаменитыми горными вершинами!

Тяжелая болезнь в апреле 2005 г. оборвала жизнь нашего друга Володи Шполянского. У него осталась жена, три дочери и два внука. *Малахов (2008).*

Вано Галустов

Кориунов (2008). Первая встреча с Вано произошла в 1957 г., когда проводились сборы московского «Буревестника» в альплагере «Баксан». Обычно после ужина все высыпали на площадку, и начинался треп.

Говорили о горах, восхождениях и несчастных случаях. К нашей компании подошел невысокий, коренастый с совершенно черным лицом человек, более похожий на истопника, нежели на альпиниста. Внешне походил на мешковатый увалень. Но когда он заговорил с какой-то мягкой кавказской иронией об альпинизме и альпинистах - все стали прислушиваться.

Говорил о сложнейших маршрутах, в том числе и о зодиевном ?? траверсе Безенгийской стены. Сколько навоза от них там осталось и что команда не должна так комплектоваться, а что Игорь Смирнов больше всех ел и медленнее шел. Он был очень веселый рассказчик, около него всегда собиралась компания.

Еще в Москве мы знали, что в составе экспедиции на пик Победы будет Галустов. Меня это очень обрадовало. Там где Галустов всегда весело.

Когда пришел караван, он очень радовался, что пришли овцы и будет шашлык.

Рассказчик он был искусный, смаковал случаи и никогда не спешил выговориться, а его никто и не торопил. Хорошее вино надо пить медленно. Вспоминается рассказ Вано о своих молодых годах, когда он был очень хорошим футболистом (с его слов). Он говорил: «За нашей командой из Армении ездили болельщики и, когда мы выигрывали, выкатывали на поле бочонок вина, а нам давали по кусочку шланга, мы ими чокались и пили вкусное вино».

Я не знаю, как называются коллекционеры перочинных ножей, но у Вано их было более 1500 штук. Причем он занялся этим, когда стал оседло жить в лагере зимой.

- У меня память хорошая и все ножи разные, - приговаривал он.

У Вано был брат, который готовил подарки Сталину в честь 70-летия. Было соткано 13 ковров, 9 ковров забраковали и они остались в Армении. Брат не захотел хранить их у себя, и они оказались в альплагере Домбая. Вано повесил их друг на друга, а к ним пришел перочинные ножи, которые цыганил у участников:

- Иногда всю смену просишь подарить.

Особенно Вано переживал, когда Ерохин у него в вещах нашел купол грузового парашюта. Он шутил:

- Я хотел для всех армян найти трусы, я не себе. Я в одних трусах 3 месяца проходил. *Кориунов (2008).*

ИСТОКИ

Каждый участник экспедиции пришел в альпинизм своим путем. Своим же путем попадали в команду Ерохина. Выходили из альпинизма тоже по-разному. В момент экспедиции на Победу все мы, за редкими исключениями, были молодыми и здоровыми. В этой главе можно узнать - откуда появилась команда Ерохина - ее истоки.

МЫ ПОПАЛИ НА ПОБЕДУ С ЗАВОДА

Быков (2008). Сборы в экспедицию на пик Победы начались задолго до лета 1958 г. Начались с ежедневных тренировок, которые и не заканчивались после проведения альпиниады МВТУ - МГУ в районе Безенги в 1957 г.

Мы с Валея Чадеевым, закончив МВТУ им. Баумана, работали на Красногорском механическом заводе под Москвой, и светлого времени для тренировок у нас не было. Тренировались по вечерам после работы, зимой бегали по лесам и холмам Красногорска на лыжах, освещая себе путь фонарем прикрепленным к головному убору, а с ранней весны бегали еще и утром по шоссе. Иногда тренировки разнообразили ездой от Москвы до Красногорска на велосипеде. Я выезжал в 6 ч утра из дома на Котельнической набережной и через Красную площадь, свободно пропускаемый милицией, направлялся к заводу. На КМЗ в те времена работал многотысячный коллектив, но секции альпинизма не было. Не помню от кого, наверное, от Ерохина, мне было предложено организовать такую секцию, что я и сделал. В секции занимались инженеры из ЦКБ и несколько рабочих. На тренировках я повторял с ребятами то, чему меня учил Ерохин на основных занятиях. С начала весны тренировки на заводе проходили через день. Под удивленные взгляды жителей Красногорска, где всех знали наперечет и в лицо, мы бегали по лужам и грязи улиц, а иногда на городском стадионе «Зоркий». Помню, что на 1 Мая я со своими подопечными ходил в поход по Подмосковию.

Наши тренировки не пропала даром, и нам с Валея Чадеевым выделили некоторую сумму денег от ДСО «Труд» для участия в экспедиции. По субботам и воскресеньям Игорь Ерохин проводил тренировки в Царицино, они заканчивались обязательным кроссом на 10-15 км. На этих занятиях мы познакомились с членами будущей экспедиции, ядро которой составили студенты московских вузов: МВТУ им. Баумана, МГУ, Физтех и других. Большинство из них уже были знакомы по аль-

пиниаде 1957 г. прошедшей в Безенгийском районе Кавказа. Студенческие команды ВУЗов принадлежали ДСО «Буревестник». В июле 1958 г. сборы активизировались.

Игорь Ерохин работал на кафедре «Электротехники» в МВТУ. Как преподаватель он был суров и требователен, и сдать ему зачет было чрезвычайно трудно, особенно ребятам. К девушкам он относился мягче, считая, что им его предмет не так уж и нужен. К альпинистам - братьям «по оружию» - он относился по-дружески. Мы постоянно «захламляли» его рабочую комнату снаряжением: веревками, палатками, ботинками и т. д. Часто все это относилось к нему домой, где нас всегда очень гостеприимно встречали его жена Оля и мама Тамара Семеновна.

Кроме общих обязанностей Ерохин поставил передо мной задачу фотографировать все, что я увижу с первого до последнего дня, т. е. создать фотолетопись экспедиции. Ерохин зауважал фотографию, после того как в 1957 г. я телевиком сделал снимки восхождения группы под его руководством по стене Дыхтау во время прохождения сложного участка маршрута. Я купил 30 черно-белых фотопленок и 10 пленок для цветных слайдов. У меня было два фотоаппарата и вся сменная оптика для фотоаппарата «Зенит», который только-только появился в продаже. Кстати, изготавливался «Зенит» на нашем Красногорском заводе. *Быков (2008)*.

АЛЬПИНИСТКАЯ СЕКЦИЯ МГУ

Локишин (2008). В секцию альпинизма при спортивном клубе МГУ меня уговорил прийти мой друг и однокурсник Дима Карпов. Мы вместе учились тогда на первом курсе химического факультета МГУ, сходили зимой в студенческие каникулы в лыжный поход по Подмосковию и решили, что летом мы хотим поехать в горы. Мы получили в Спортклубе МГУ путевки в альплагерь «Алибек» на Домбае, где, совершив восхождение на Софруджу и, пройдя перевальный поход, заработали значки «Альпинист СССР 1-й ступени». Рядом с альплагерем на лесной поляне располагался палаточный городок альпиниады МГУ, которой руководил Алексей Николаевич Кост, тогда доцент, а впоследствии профессор химфака МГУ. То ли мы ему понравились, то ли сыграло роль, что мы тоже были с химического факультета, но он разрешил нам после смены остаться в альпиниаде и дал нам возможность, в придачу к нашему первому восхождению, прибавить еще одно восхождение на «единичку» («Голова Сулахат»). Завершили мы сезон перевальным ту-

ристским походом через 4 перевала из Домбая к Черному морю.

Теперь следует сказать несколько слов об альпиниадах МГУ. Традиция их проведения началась еще до войны в 1930-е гг. В 1935-1940 гг. было проведено 6 самостоятельных учебных альпиниад МГУ. Первые довоенные альпиниады занимались, в основном, подготовкой значкистов и не ставили перед собой высоких спортивных целей. Подготовка значкистов по альпинизму была одной из задач в рамках подготовки страны к возможной войне в горах (наряду с комплексом ГТО - «Готов к труду и обороне»). После войны традиция проведения альпиниад возродилась вновь. В первые послевоенные годы альплагеря еще только разворачивали свою работу, количество путевок было ограничено, а желающих поехать в горы среди студентов и преподавателей было много. Альпиниады позволяли вывезти в горы довольно большое число спортсменов - как начинающих (значкистов), так и более опытных (разрядников). Чтобы заработать поездку в горы, надо было весь год тренироваться. На совместных тренировках складывался коллектив, который затем и выезжал на Кавказ (все первые альпиниады МГУ проходили на Кавказе). Ректорат, спортклуб, спортобщество «Наука» помогали в организации альпинистских сборов снаряжением, оплатой дороги, продуктами питания. Среди тренерского состава были опытные альпинисты с довоенным стажем: Б. А. Гарф, П. И. Поварнин, Б. Н. Делоне (известный математик, член-корреспондент Академии наук, совершивший свое первое восхождение на Эльбрус в 1905 г.). Вся работа тренерского и руководящего состава велась на общественных началах. В альпиниадах был возможен более быстрый спортивный рост, чем в альплагере, и со временем альпсекция МГУ стала одной из сильнейших в Москве и в стране.

IX и X альпиниада МГУ прошли в 1951 и 1952 гг. в ущелье Адыл-Су. К этому времени в МГУ выросла целая плеяда сильных альпинистов. В 1952 г. после X альпиниады норму мастера спорта СССР по альпинизму выполнили К. А. Туманов, А. М. Широков, А. М. Балдин, С. П. Репин. Большая группа альпинистов, воспитанных в секции МГУ, составила впоследствии костяк знаменитой команды Академии наук, которую возглавлял Е. И. Тамм.

1953 год, когда я пришел в секцию МГУ, оказался для нее тяжелым. Впервые альпсекция проводила одновременно два мероприятия. На Домбае проходила уже упоминавшаяся мной альпиниада для значкистов и разрядников младших разрядов. Сильнейшая же часть секции, включая всех мастеров спорта, приняла участие в экспедиции на Памир в верховья ледника Гармо. Во время этой экспедиции произошла траге-

дия - погибли Репин и Романович. Альпинисты МГУ после этого были вынуждены на какое-то время отказаться от высших спортивных достижений и вернуться к кавказским альпиниадам, наращивая количество и качество альпинистов-разрядников. Фактически секцию МГУ в эти годы возглавлял Константин Арташесович Туманов, которого я во многом считаю своим учителем в альпинизме. В 1954 г. успешно прошла кавказская альпиниада на базе альплагеря «Адыл-Су», а в 1955 г. - альпиниада в Адыл-Су. Я был участником обеих альпиниад и за два года, проводя почти по 2 летних месяца в горах, «дорос» до 2-го спортивного разряда.

Для меня сезоны 1956 и 1957 гг. были сложными в смысле возможности выезда в горы. Хотя с помощью спортклуба МГУ меня освобождали от поездок вместе с курсом на целину или в колхоз, но не могли освободить от необходимости проходить после 4 и 5 курсов военные сборы в июле. Правда, в 1957 г. нас отпустили из лагерей на неделю раньше, чтобы мы могли принять участие в открывавшемся в Москве Всемирном фестивале молодежи и студентов. Но меня, естественно, фестиваль волновал мало и я сразу же поехал в горы. Тем не менее, в эти годы я не мог находиться в горах в течение всего срока проведения альпиниад. Я опаздывал недели на три. Мои товарищи за это время успевали многое сделать. Спасибо И. А. Ерохину, возглавлявшему обе альпиниады, который входил в мое положение. Как я теперь понимаю, он считал меня перспективным спортсменом, и поэтому создавал мне наиболее благоприятные условия для роста, чтобы я по приезде в горы хотя бы частично мог наверстать упущенное.

Я сейчас уже не помню всех деталей подготовки экспедиции. Основной штаб находился в МВТУ и возглавлялся Ерохиным. Именно он занимался решением наиболее сложных организационных вопросов, заставляя всех нас активно ему помогать во всем, что он нам поручал. Ситуация была непростой. В Федерации альпинизма СССР у Ерохина было много противников, считавших, что молодой коллектив спортсменов двух ВУЗов не имеет достаточного опыта для столь сложного и опасного высотного восхождения в труднодоступном районе, да еще при составе экспедиции в 60 человек, включая трех женщин. Ведь всего год назад в 1956 г. на подъеме от перевала Чон-Терен к Восточной Победе трагически погибла застигнутая непогодой почти вся экспедиция казахских альпинистов. А ведь именно по этому маршруту планировалось массовое восхождение практически всех участников на Восточную Победу. Выезд на Тянь-Шань висел на волоске. В итоге экспедицию все же разрешили, включив в ее состав ряд очень опытных и уважаемых нами альпинистов-высотников - В. А. Галустова, И. Д. Бо-

гачева, П. Скоробогатова. Я думаю, что все мы очень им благодарны, за то, что они согласились поехать с нами и тем самым фактически спасли экспедицию. С другой стороны, участие в основной группе «траверсантов» Ваню Артемовича Галустова - очень опытного альпиниста-профессионала, пользовавшегося среди нас огромным авторитетом и уважением, но уже немолодого человека (в то время ему было, если я не ошибаюсь, около 50 лет), привело к возникновению проблем на маршруте, связанных с его физическим состоянием.

Приходилось решать множество проблем. В 1958 г. хорошее высотное снаряжение было большим дефицитом, приходилось самим организовывать пошив пуховых курток, изготовление на базе русских валенок высотных теплых шекельтонов с шипами. Возникла идея: для обеспечения доставки на ледник Звездочка продуктов питания на 60 человек на полтора месяца надо привлечь военную авиацию. Хотя первоначально идея казалась сумасшедшей, она была успешно проведена в жизнь при личном участии командующего военно-воздушными силами маршала Вершинина, оказавшего нам поддержку. Об этом можно прочитать в других главах этой книги, написанных непосредственными организаторами операции. Надо сказать, что многие участники экспедиции были выпускниками МГУ и МВТУ и работали в различных организациях, связанных, как теперь говорят, с военно-промышленным комплексом. Это помогло, используя их связи, решить ряд проблем со снаряжением и с организацией экспедиции.

Другой стороной подготовки экспедиции была активная тренировка: соревнования, лыжные гонки, кроссы. Право на участие в экспедиции надо было заработать как высокими спортивными показателями, так и активной работой по подготовке экспедиции. *Локин (2008)*.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ НА ПАМИРЕ

Малахов (2008). Как все начиналось. 1951 г., нам по 17-18 лет, мы - студенты знаменитого МВТУ им. Н. Э. Баумана. Прошло только шесть лет после ожесточенной войны и Великой Победы. В учебных группах в основном молодые москвичи, примерно треть или четверть - бывшие школьники из других городов Союза, болгары, венгры (в нашей группе три человека из ВНР), китайцы, поляки, чехи. В каждой группе по 1-3 участника войны, которых деканаты обычно назначали старостами групп и старшими потока.

Весь институт работает на оборонку, факультеты носят интригующие и загадочные названия: «Н», «Е», «РТ», «М», «Т», «МТ», «ТГМ» и т. п. и почти все готовят специалистов для НИИ и предприятий оборонки.

Мы горды тем, что мы студенты ВУЗа, который закончили многие главные конструкторы и изобретатели страны и от которого отпочковались как факультеты такие мощные в настоящее время ВУЗы, как МАИ, МИФИ, МЭИ и другие.

Это было время огромного патриотического подъема, особенно после одержанной Победы. Мы молоды, верим в счастливое будущее и свободны в своих увлечениях и пристрастиях: можно заниматься в научно-студенческих обществах, спортивных секциях, в драматических и хоровых коллективах и т. д. и т. п.

Да, вообще, загруженность была делом не только МВТУ, чем мы в молодости даже гордились, расшифровывая с удовольствием аббревиатуру МВТУ как «могила, вырытая трудами ученых», а обычная и в наши дни практика ведущих ВУЗов нашей страны или их естественных факультетов. Так, например, в июне 2008 г. в интервью корреспонденту «Российской газеты» лауреат Государственной премии РФ за 2007 г. - завкафедрой физфака МГУ, академик Алексей Хохлов в разделе «Каторга за свои деньги» с уважением сказал: «Есть анекдот. На небо попадают три студента. Там спрашивают: «Откуда?». Первый медик, его - в рай, второй журналист - в ад, третий из Бауманки - тоже в ад. Он удивлен: «За что?» Не бойся, после Бауманки ад покажется раем. Так и на естественных факультетах МГУ - физфаке, мехмате, химфаке. Если душа не лежит, и нет данных, зачем за большие деньги идти на каторгу и мучаться шесть лет? Глупо». Вот так надо было учиться, чтобы получить хорошую профессию и быть довольным ею.

Отдельно стояли стенды с фотографиями-отчетами о туристических походах и альпинистских восхождениях в самых различных регионах нашего огромного Союза. Походы были пешеходные через заповедные леса, по рекам на плотках и лодках, лыжные и, конечно, горные. А районы какие! Кавказ, Карпаты, Подмосковье, Валдай, Селигер, Урал, Алтай, Сибирь, Крым, Средняя Азия, Карелия, Камчатка, Памир - словно зазывали нас к себе. Ведь это была одна шестая суши всего мира, все климатические пояса и все это ждало нас, молодых и здоровых. Конечно, наша группа устоять от подобной пропаганды туризма и альпинизма не могла.

Впервые в горах. В те годы на Рабочей улице был отличный клуб туристов, где можно было ознакомиться с проведенными походами, получить консультации, карты и описания маршрутов, взять в аренду снаряжение и т. п.

И вот в каникулы 1953 г. мы, 9 человек, оказались на западном Кавказе. Это были настоящие горы, где на таких перевалах, как Марухский, шли настоящие бои, гибли наши солдаты и оставались еще укрепления.

Несмотря на пару холодных ночевков, горы очаровали нас и на следующий год мы запланировали опять поход, на этот раз 12 студентов МВТУ и МГУ, через более сложные перевалы Кавказа опять к Черному морю, а второй месяц мы должны были отдать на работу на целине.

Но в 1954 г. в связи с якобы «большой загруженностью и усталостью студентов» ЦК КПСС с подачи каких-то «доброхотов» использование студентов на целине запретил. Перед нами встал вопрос, где провести этот месяц. И тут один из членов секции бокса, где я так же занимался, альпинист-разрядник Юрий Моисеев (норму мастера спорта по альпинизму выполнил в 1958 г., погиб при восхождении на пик Корона в 1971 г.) посоветовал мне и моему другу Мише Шпагину поехать в альплагерь. В то время в МВТУ этот вопрос решался довольно просто: заявление в Профком Училища, получение льготной путевки в один из лагерей студенческого общества «Буревестник» - и ты можешь ехать в лагерь.

Таким образом, после нашего успешного похода по Кавказу с выходом на море мы с Мишей вернулись в альплагерь «Алибек», где после завершения всей программы получили значки «Альпинист СССР 1-й ступени». Нам нравилось все - обстановка в альплагерях, торжественный ритуал выхода на восхождение и возвращения в лагерь, песни у костра и весь этот мужественный вид спорта - альпинизм.

Первый альпинистский опыт. Мы уже почти стали альпинистами, но у горных туристов МВТУ осталось одна неосуществленная мечта - поход по Восточному Памиру. Почему по Памиру?

Во-первых, Памир - это крыша мира, на которую ты просто можешь в жизни не попасть. Во-вторых, еще ни одна группа московских туристов не совершала там похода, а студентам МВТУ Московский клуб туристов готов был помочь с пропусками в погранзону, а также с оплатой расходов на железную дорогу и автотранспорт в оба конца, на что нам было обещано 15 тыс. рублей. В-третьих, маршрут пролегал через район знаменитого Усойского завала, образовавшегося 6 февраля 1911 г., и не менее знаменитого чуда природы - Сарезского озера, через четыре высокогорных перевала высотой около 4500 м и среди них перевал Хурджин (4880 м), первый и последний раз пройденный в 1905 г. есаулом Косиненко с отрядом казаков. И в-четвертых, 80% пешеходного маршрута пролегал по безлюдным высокогорным районам. Местное горное население несколько лет было отселено в хлопководческие низинные районы, что предполагало отсутствие на маршруте дорог и пешеходных троп, а так же переправ через бурные горные реки и обещало дополнительный адреналин для молодых искателей приключений.

Поход вместе с дорогой занял почти весь август. Уже один путь на грузовике от г. Ош (Киргизия) через перевалы Кызыл-Арт (4280 м) и Акбайтал (4655 м), где уже чувствовалась нехватка кислорода, и продолжавшийся 4 суток до ясовхоза «Булункуль» в Горном Бадахшане Таджикистана, произвел сильное впечатление на группу. Сам же пешеходный маршрут оказался значительно более тяжелым, чем нам казалось. Горы Восточного Памира, по сравнению с Кавказом, казались безжизненными. Глубокие ущелья с почти отвесными склонами, скудная природа без растительности и зелени. Тропы животных идут высоко над реками, мостов через реки практически не осталось. Некоторые реки из-за рельефа местности приходилось переходить с берега на берег по нескольку раз. Продукты закончились быстрее, чем было запланировано и последние два дня их расход пришлось ограничить.

Группа оказалась практически беззащитна от каких-либо случайностей (травмы, потеря снаряжения или продуктов при переправах и т. п.), да и на чью-либо помощь надеяться не приходилось. Это могло бы привести к трагедии. Связи у группы с внешним миром не было. Из девяти человек группы (четверо были девушки) только двое: Борис Быков и я были значкистами альпинизма.

Думаю, в ходе похода многие участники поняли, что нами был брошен наглый и безумный вызов здешним безжизненным и суровым горам. Но эти мысли не вызвали паники участников, наоборот это сплотило нас, мы стали теплее и с пониманием относиться друг к другу и медленно, но верно подошли к последнему перевалу на нашем пути Гуджавасту (4600 м), который был расположен в огромном горном цирке. Перевал нам, к счастью, удалось угадать с первого раза, но, чтобы не тратить силы на бесполезный подъем, послали туда «разведчика», который увидел на той стороне гребня пешеходные тропы. Группа поднялась на перевал, спустилась по тропам, вышла на коши пастухов, где что-то перехватила у гостеприимных таджиков, а затем попала в поселок Ванч.

Там мы, во-первых, направили телеграммы родным, а потом ели и ели в местной чайхане, отмечая окончание похода. Уже не помню в тот же или на следующий день, мы на грузовике выехали вдоль границы по реке Пяндж и далее через г. Комсомолабад в Душанбе. Так закончился этот наш авантюрно-адреналиновый поход по крыше мира, но оставшиеся в памяти впечатления об этих суровых краях и гостеприимных людях, а фотографии еще долго будут греть наши сердца!

В Душанбе группа разделилась: основная часть поехала в Москву, а у меня с Борисом Быковым с 3 сентября начиналась смена в узбекском

альплагере «Урожай», где мы оказались, должно быть, самым тренированным значкистами. Мы без труда под руководством местного мастера Вадима Эльчибекова, часто заходившего в нашу палатку, послушать сагу о переходе, выполнили норму 3-го разряда по альпинизму.

Ну, и с той осени мы с Борисом, а также еще несколько студентов нашей группы - бывшие туристы - стали регулярно посещать тренировки альпсекции МВТУ, которые проводились под руководством Игоря Александровича Ерохина, бывшего тогда заведующим лабораторией электротехники и после летнего сезона 1955 г. ставшего руководителем альпсекции МВТУ.

Хочу отметить, что наша академическая группа факультета «Н» за 3 года учебы в МВТУ совершила несколько походов по горам, рекам и на лыжах в средней полосе, на Кавказе, Урале, Дальнем Востоке. И дала в 1955-1956 гг. в альпсекцию Училища сразу пятерых альпинистов. Это были Юрий Нагибин, Юрий Саратов, Михаил Ождин, Михаил Шпагин и я, совершившие впоследствии восхождения высших категорий трудности, а трое из них в 1958 г. приняли участие в экспедиции на пик Победы. *Малахов (2008).*

ВНАЧАЛЕ БЫЛИ СЛЕТЫ ТУРИСТОВ

Чадеев (2008). В альплагере «Накра». Весной 1949 г. под Москвой на слете туристов мы с моим другом Юрой Кожевниковым познакомились со студентами, а точнее студентками, из МХТИ им. Менделеева. Оказалось, что, во-первых, у них есть профкомовские путевки в альплагерь «Накра» в Сванетии, а во-вторых, в июне у них экзамены и поехать туда они сами не могут. Они предложили нам с Юрой (мы были школьниками) поехать в лагерь как бы студентами МХТИ. Зарплата в то время была 1000 руб., путевка для студентов 70 руб., а буханка хлеба 1 руб. 40 коп. Мы с Юрой начали читать книгу Семеновского об альпинизме и бегать от площади Марины Расковой до Белорусского вокзала. Там был круг трамвая, двери в них тогда еще не закрывались, и мы обессиленные приходили в себя, забравшись в пустой вагон, хотя от Сокола до Белорусского всего 4 км. В лагере мы были не хуже других, получили значки «Альпинист СССР». Запомнилось, что с нами в лагере была Светлана Сталина, как теперь любят говорить без сопровождения и без охраны.

В МВТУ. Следующий раз в горы я попал в 1952 г. после первого курса МВТУ. Кстати, и в институт я поступил отчасти потому, что там была сильнейшая в Москве секция альпинизма. Вторая поездка

была в лагерь «Алибек» на Домбае. Запомнилось - как снимали Лубенца с Домбай-Ульгена и при свете факелов и костров новички и значкисты тащили его на руках в долину, где ждала скорая помощь. Мы, новички, бежали с факелами впереди, освещая дорогу тем, кто нес Лубенца.

В 1953 г. я попал в альплагерь «Адыл-Су». В тот год он был внизу у Баксана. Начальником нашего отряда был Толя Овчинников. А на следующий год возникли проблемы. По советским правилам, чтобы получить путевку в лагерь, надо было предварительно получить справку от врача. Какая-то бдительная врачиха из студенческой поликлиники МВТУ обнаружила где-то в истории болезни, что у меня порок сердца. Что это такое я до сих пор точно не знаю, но сердце было больше нормы. И она наотрез отказалась дать мне эту справку.

Лето 1954 г. я провел у Юркиной бабушки в Сухуми. Уже в конце августа решил перейти через Главный Кавказский хребет и уехать в Москву на поезде с той стороны. Никакого снаряжения у меня не было - только рюкзак, обычная одежда, туфли, соль, спички и горох. Я выбрал Марухский перевал. С морской стороны перевала я ночевал у пастухов, которые уже гнали отары вниз в Кодорское ущелье. Они сказали мне, что в этом году через перевал уже никто не пойдет, и отговаривали меня. Я, конечно, не послушал, молодой был.

Вышел рано утром и по холодку дошел до перевала. Северный склон был еще в тени. Внизу был крутой длинный снежник, по которому можно было быстро скатиться вниз и потерять высоту. По скалам я подошел к снежнику и, недолго думая, прыгнул на него через бергшруд. А зря!

Оказалось, что рано утром это не фирн, а лед. И я на пятой точке, набирая скорость, полетел по ледяным кочкам вниз на скалы. Попытка тормозить руками, только ободрал запястья. Основная мысль была - попасть на скалы ногами, а не головой. Приземлился более-менее. До крови ободраны запястья. Порваны брюки и болит зад, но идти я мог. Через несколько часов встретил молодых ребят, которые пасли лошадей. У них зашил штаны и переночевал. Спать мог только на животе. Сидеть я тоже не мог. Подходя к автомобильной дороге, я со страхом думал, как поеду на грузовике. К счастью, первым на горной дороге оказался лесовоз. В кабине водителя сидели люди, но между кабиной и бревнами была полочка, на которой могли стоять человека три. На ней я и поехал...

В 1955 г. я сделал еще попытку поехать в альплагерь, но медицина была на страже, меня опять не пустили. У меня в то время была под-

ружка. С ней вдвоем мы прошли несколько перевалов через Главный Кавказский хребет и потом поехали к морю. Все-таки горы.

Знакомство с Ерохиным. В 1956 г. кто-то из ребят сказал мне, что можно поехать в альпиниаду МВТУ - МГУ, нужно только ходить на тренировки по воскресеньям. Надо сказать, что в то время я и сам бегал хотя бы раз в неделю километров 10-15. Отбор в альпиниаду проводился по результатам заключительного кросса. Я вроде бы был в первых рядах. На всякий случай я пожаловался Ерохину, что мне не дают медицинскую справку. Ерохин решил эту проблему просто: «А зачем она тебе? Там же будет врач, который будет осматривать тебя перед каждым восхождением». Это решение, можно сказать, вернуло мне вкус к жизни. Моя жизнь была бы другой, не попади я в ту альпиниаду. Больше того, я понял, что многие проблемы в жизни можно решать, не обращая внимания на «мнение специалистов». Это относится особенно к медицине и науке.

В мае 1956 г. у нашей группы была эксплуатационная практика на крейсере «Дзержинский» в Севастополе. Это был еще закрытый город - въезд по пропускам. Саша Кабалевский из нашей группы тоже собирался на альпиниаду. Вместе с ним после практики в Крыму мы добирались до Адыл-Су в Баксанском ущелье на Кавказе. Сама альпиниада МГУ - МВТУ располагалась на «Поляне кошей» выше альплагеря «Джантуган».

На этой альпиниаде, которой руководил Игорь Ерохин, я впервые взойшел на сложные вершины. Кстати, для Ерохина это тоже была первая организованная им альпиниада. *Чадеев (2008).*

ЛИТЕРАТУРА

А. Е. Абалаков. Триумф и трагедия великого альпиниста. М.: Издатель И. В. Балабанов, 2007, 192 с.

А. К. Белопухов, В. М. Божуков. В далеких хребтах Тянь-Шаня. Победенные вершины. Сборник советского альпинизма 1958-1961. М.: Географгиз, 1963, 110-127 с.

А. Г. Овчинников. Альпинисты МВТУ им. Н. Э. Баумана. М.: Изд-во МВТУ, 1998.

В. Шполянский. Игорь Ерохин - организатор и альпинист. В книге А. Г. Овчинников. Альпинисты МВТУ им. Н. Э. Баумана, 149-166 с.

А. К. Белопухов. Я - спинальник. М.: КИНТ, 1993, 224 с.

6. Владимир Вуйта. К вершинам небесных гор. 1961.

МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТА

1. Илья Мартынов. Рецензия на книгу А. Г. Овчинникова «Альпинисты МВТУ им. Баумана». <http://www/mountain.ru/people/sketch/2001/recenzia/martynov/shtml>

2. Кем был Игорь Ерохин? Полемика: Илья Мартынов, Анатолий Овчинников, Г. А. Стариков. http://www/mountain.ru/people/dispute/2001/o_Erohine/Erohin/shtml

3. Пик Победы (история покорения) 4. Экспедиция Ерохина 1958 г. <http://kyrgyzmount.narod.ru/pobtdahistory4.htm>

4. Экспедиция команды Вимм-Билль-Данн Эверест-2006 (с участием Бориса Коршунова). <http://www.alpclubbars.ru/articles/totmyanin5/>

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАБЛИЦА ЦИТИРОВАНИЯ АВТОРОВ

Авторы	Страницы упоминаний	Число упоминаний
БелБож	159, 171, 175,	3
Белопухов	42, 62, 103, 105, 130, 178, 180	7
Богачев	8, 115, 122	3
Божуков	25, 63, 86, 132, 136, 172, 176, 182, 183	9
Быков	65, 87, 91, 92, 102, 107, 109, 111, 238,	9
Володичев	28, 64, 87, 106, 122, 133, 166, 225, 229, 230	10
Вуйта	137	1
Глухов	66	1
ДубЧаян	98, 163	2
Дьяченко	201	1
Ерохин Саша	208	1
Ерохин Игорь	192	1
Зверев	54, 61, 64, 95, 157	5
Коршунов	79, 220, 237	3
Локшин	25, 51, 89, 114, 164, 239	6
Малахов	18, 18, 33, 43, 59, 90, 185, 205, 217, 232, 242	11
Мартынов	203, 217	2
Муравьев	77	1
Назаренко	35, 40	2
Нелидов	25, 41, 52, 72, 227	4
Стрелков	81, 104, 188, 215	4
Тихонова	89, 96, 98, 109, 129, 154, 162, 187, 228, 229	10
Чадеев	15, 18, 23, 27, 32, 45, 63, 74, 78, 79, 101, 122, 127, 136, 170, 174, 183, 190, 194, 197, 200, 227, 246	23
Шпагин	71, 99, 104, 110	4
Шполянский	39, 49, 99, 173, 177, 195	6

СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ

№	Участник	ВУЗ	Год рождения	МС	МС после Победы	Военных Топографов	Восточная Победа	Траверс	Победа	Нансена
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Абреимов Александр	МВТУ					X	X		
2	Артемов									
3	Батыров Маматали	киргиз								
4	Белопухов Андантин Константинович	МВТУ	1927	1955		X	X	X	X	
5	Богачев Иван Дмитриевич	МЭИ	1928	1954		X	X	X	X	
6	Божуков Валентин Михайлович	МАИ	1933		1960	X	X	X	X	X
7	Боронов Борис	МАИ					X			
8	Быков Борис Захарович	МВТУ	1934							
9	Володичев Николай Николаевич	МГУ				X	X			
10	Вуйта Владимир	Чех					X			
11	Галустов Иван Артемович		1910		змс 1958		X	X		
12	Глухов Станислав Васильевич	МВТУ	1936		мсмк 1967	X				
13	Григоренко Сева	МВТУ								
14	Давыдова Софья Александровна									

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
15	Дубинин Вадим Алексеевич	МФТИ	1934	1955		X				
16	Еропунов									
17	Ерохин Игорь Александрович	МВТУ	1924	1954		X	X	X	X	
18	Захарьев Борис Всеволодович		1929	1956			X			
19	Зверев Георгий Митрофанович	МГУ	1934				X			
20	Илек Мирослав	словак					X			
21	Кабалевский Александр Николаевич	МВТУ	1934				X			
22	Карпов Тибор Петрович	МГУ	1935				X			
23	Коршунов Борис Степанович	МАТИ	1935		1970		X			X
24	Космачев Олег Семенович		1936		1967	X	X			X
25	Ленгник Ольгерд Михайлович	Фрун- зе	1928		1960					
26	Локшин Борис Вениаминович	МГУ	1935				X	X		
27	Лоцилов Георгий Васильевич	Врач в Ка- щенко	1927							
28	Лысенко Александр Иванович	МГУ	1933				X			
29	Малахов Владимир Дмитриевич	МВТУ	1933		1962					
30	Маричек Бо- ревой	ЧЕХ					X			
31	Моисеев Юрий Николаевич	МВТУ	1931	1958						

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
32	Морозов Сергей	Озеры	1931				X	X		
33	Муравьев Евгений	УПИ	1931				X	X	X	
34	Нагибин Юрий Петрович	МВТУ	1934							
35	Нелидов Анатолий Борисович	МГУ	1932		1968		X			
36	Павлючков Александр	МВТУ								
37	Романов Алим Васильевич	Врач	1931	1956			X			
38	Романов Борис Тимофеевич	врач	1926	1956			X			
39	Рябухин Александр Григорьевич	МХТИ	1931							
40	Скоробогатов Петр Кузьмич		1913	1956			X			
41	Соколова Ия Борисовна	МГУ	1927	1956			X			
42	солдат-1 веломотор	в/ч								
43	солдат-2 радист Иосиф	в/ч								
44	Стрелков Константин Сергеевич	МВТУ					X			
45	Тихонова Анна Андреевна	МГУ	1934				X	X		
46	Фещенко Геннадий	МГУ	1932				X	X		
47	Фореитник Долимил	чех					X			
48	Хохлов Рем Викторович	МГУ	1926				X			
49	Цирюльников Аркадий	врач					X	X	X	
50	Чадеев Валентин Маркович	МВТУ	1932				X	X	X	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
51	Чаянов Борис Аркадьевич	МФТИ								
52	Черемисинов Вячеслав Андреевич	МВТУ					X			
53	Чернобровкин Алексей Петрович	МВТУ		1951						
54	Шмелёв Владимир Егорович	МВТУ								
55	Шмида Властимил	чех					X			
56	Шпагин Михаил Михайлович	МВТУ	1933							
57	Шполянский Владимир Наумович	МВТУ	1935				X	X		
58	Щукина Светлана Николаевна	МВТУ					X			

В экспедиции было всего 10 мастеров спорта СССР по альпинизму. После экспедиции еще 7 участников из ее состава получили это звание.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ ВОЛОДИ МАЛАХОВА

Во вступлении к этой книге авторы очень правильно пишут: «с расстояния в 50 лет становится ясно, что это была великая экспедиция и по организации, и по исполнению, и по силе духа». Тогда в нелегких условиях только что вышедшей из тяжелейшей войны обескровленной страны большая группа альпинистов под руководством действительно неординарного организатора и руководителя И. А. Ерохина смогла подготовить и безаварийно провести на далеком Тянь-Шане замечательную экспедицию, аналогов которой не было ни до того, ни в последующие годы нашего альпинизма. И хотя базовый костяк альпиниады был сформирован из студентов и преподавателей МГУ и МВТУ, в составе этой большой группы восходителей были представители и других вузов, таких как МАИ, МАТИ, Уральский Политех, МФТИ, МХТИ, Медицинский институт. Многие участники мероприятия впоследствии стали известными высотниками, «снежными барсами», покорившими самые известные вершины мира.

И сейчас, после того как материалы уже собраны, просмотрены на импровизированных встречах авторов и подготовлены наконец-то к передаче в издательство, хотелось бы от имени всех участников проекта поблагодарить наиболее активных «летописцев» за проделанную работу. Удалось восстановить почти из небытия многие факты и события этой, на самом деле, грандиозной для 50-х годов прошлого века экспедиции, выпавшей по ряду причин из истории советского альпинизма.

Особой признательности заслуживает инициатор написания этой книги, самый почтенный участник проекта И. Д. Богачев за мысль вспомнить события полувековой давности и дать им заслуженную оценку.

Нельзя, конечно, не отметить большой вклад в этот процесс участницы той далекой экспедиции очаровательной Анечки Тихоновой, которая гостеприимно принимала за добрым русским столом организационные собрания авторов проекта.

И надо было видеть, как приходившие на эти встречи, проводимые обычно вечерами, уставшие после работы пожилые люди, преподаватели вузов или научные работники практически сразу же превращались в позавчерашних студентов - Борисов и Николаев, Валентинов и Юриев, которые с жаром и искренней заинтересованностью обсуждали вопросы написания и издания «нашей» книги.

Самое активное творческое участие приняли в этой работе Н. Н. Володичев, Г. М. Зверев, Б. В. Локшин. Их строгая, но доброжелательная критика способствовала более тщательному отбору материалов, освобождению их от «плевел».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И УЧАСТНИКАХ

АБРЕИМОВ Александр

Участник траверса массива Победы с перевала Чон-Терен через Восточную Победу. Без захода на главную Победу. Мастер спорта СССР по пулевой стрельбе. Обеспечивал (вместе с Мишей Шпагиным) участников экспедиции свежим мясом диких козлов и зайцев. Они вдвоем заготовили более 200 кг. Окончил МВТУ им. Баумана.

БЕЛОПУХОВ Андантин Константинович (1927-1993)

В тексте - Адик. Непосредственный участник экспедиции, прошедший траверс массива Победы (с восхождением на главную вершину). В составе экспедиции поднялся на пик Военных Топографов. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1955 г. В 1947 г. поступил в МВТУ им. Баумана на механико-технологический факультет. Стал первым в СССР специалистом в области литья под давлением (доктор технических наук, автор нескольких монографий).

В 1966 г. получил травму позвоночника с полным разрывом спинного мозга. Травма полностью парализовала его тело от груди и ниже. Написал книгу «Я - спинальник», в которой рассказывает, как можно жить инвалидом и не быть им. Книга стала «Библией» спинальников.

БОГАЧЕВ Иван Дмитриевич

Родился 4 июля 1928 г. Непосредственный участник экспедиции, прошедший траверс массива Победы (с восхождением на главную вершину). В составе экспедиции поднялся на пик Военных Топографов. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1954 г. Чемпион СССР по альпинизму: в 1953 г. - траверс Безенгийской подковы (Безенгийская стена - Мижерги - Дых-Тау); в 1957 г. - пик Сталина через Памирское фирновое плато; в 1958 г. - траверс пика Победы с перевала Чен-Терен. «Снежный барс», обладатель знака № 7.

В 1953 г. окончил Московский энергетический институт. Главный

Среди огромного количества фотоснимков, добытых из старых запасников многими авторами, значительная часть представлена Б. З. Быковым, который уже в те дальние годы увлеченно занимался художественной фотографией.

И конечно, нужно поблагодарить Валу Чадеева за проделанную им титаническую работу при подготовке книги для печати. Он был «накопителем», «систематизатором», редактором, корректором всех текстов, фотографий и рисунков, на базе которых провел компоновку книги в едином композиционном ключе, одобренном всеми участниками проекта. А уж о том, какой огромный объем работы по технической обработке материалов ему пришлось провести, прежде чем передать их в издательство, и говорить не приходится!

Оглядываясь назад на годы, проведенные в альпинизме, я с ужасом вдруг обнаружил, как много друзей, партнеров по связке потерял за 50 с лишним лет, начиная с 1953 г., когда впервые попал в горы, в район знаменитой Домбайской поляны. Там я увидел наяву потрясающую горную красоту, которая приворожила меня так, что каждый год я начал ездить к ней на поклон. Но спустя какое-то время жизнь распорядилась так, что почти 20 лет пришлось работать далеко, не было возможности реализовать эти поклонения, и как-то незаметно порвались практически все связи с оставшимися в живых альпинистами.

И невозможно представить, как я был благодарен судьбе в лице Бориса Быкова, лучшего нашего фотографа во многих общих походах и восхождениях, когда в начале апреля 2008 г. раздался его звонок. Он сообщил, что 12 апреля у Ани Тихоновой по случаю 50-летия экспедиции на пик Победы соберутся ее участники. Это была поистине чудесная встреча с юностью! Поначалу к предложению что-то написать я отнесся крайне скептически, т. к. посчитал, что все забылось. Но потом вдруг в памяти стали всплывать разрозненные картинки. По просьбе Чадеева я стал смотреть, что есть про Победу в моем фотоархиве. И вдруг обнаружил в нем около 20 забытых черно-белых пленок, проявленных, но не отпечатанных. После просмотра отпечатанных и переведенных в цифру снимков все стало на свои места: разрозненные картинка превратились в развернутое полотно! Его я и постарался показать в моих воспоминаниях.

Я думаю, что ни у меня и ни у кого из моих коллег по экспедиции не отнимешь, ни при каких обстоятельствах, счастливой радости осознания того, что в свои далекие молодые годы мы участвовали в небывалом восхождении на самый северный и самый кровожадный семитысячник Советского Союза. Мы до сих пор гордимся участием в этой масштабной, умелой, со многими находками, безаварийной и до сих пор не повторенной никем альпинистской экспедиции под руководством истинного новатора и замечательного организатора нашего альпинизма 1950-х годов - Игоря Александровича Ерохина.

конструктор стратегических оборонных систем, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, автор более ста научных трудов. В настоящее время независимый консультант по некоторым совместным проектам «Россия-Африка», профессор.

БОЖУКОВ Валентин Михайлович

Родился в 1933 г. Непосредственный участник экспедиции, прошедший траверс массива Победы (с восхождением на главную вершину). В составе экспедиции поднялся на пик Военных Топографов и пик Нансена. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1960 г.

Окончил МАИ. Работал в НИИ «Автоматических систем». Кандидат технических наук. Имеет фирму в Непале, которая обеспечивает спортсменов баллонами и аппаратурой для дыхания кислородом на больших высотах. Имеет детей и внуков.

БЫКОВ Борис Захарович

Родился в 1933 г. В экспедиции формировал караван и обеспечивал доставку грузов в базовые лагеря, поднимался до перевала Чон-Тарен. Участвовал всех трех альпинидах МГУ-МВТУ. По заданию Ерохина вел фотолетопись экспедиции. Окончил МВТУ в 1957 г., работал на Красногорском оптико-механическом заводе, где организовал альпинистскую секцию. С 1960 г. по настоящее время преподаватель МВТУ, кандидат технических наук, доцент кафедры «Оптические материалы и технологии». Имеет детей и внуков.

ВОЛОДИЧЕВ Николай Николаевич

В экспедиции совершил восхождение на пик Военных Топографов и Восточную Победу. В подготовительный период отвечал за изготовление шекельтонов. Участвовал в забросках. Окончил МГУ. Старший научный сотрудник НИИ ядерной физики МГУ им. Скобелева. Кандидат физико-математических наук. Занимается краткосрочным прогнозированием землетрясений по всплескам нейтронных излучений в новолуния и полнолуния.

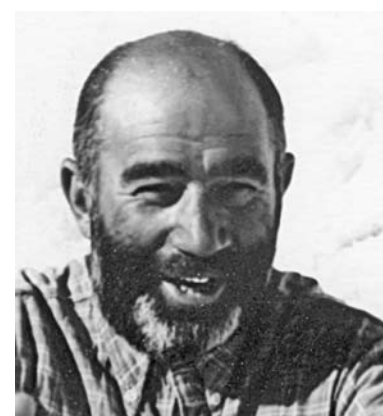

ВУЙТА Владимир

Альпинист из Чехословакии (ЧССР, г. Брно). В составе экспедиции совершил восхождение на Восточную Победу. По результатам экспедиции написал прекрасную книгу «К вершинам Небесных гор», которая вышла в Чехословакии в 1963 г. Вскоре была переведена на немецкий язык и издана в ГДР. К сожалению на русский язык книга переведена не была, и в СССР не издавалась. Отрывок из его книги (о восхождении на Восточную Победу) приведен в настоящем издании. Перевод с чешского сделан Татьяной Кислицыной.

ГАЛУСТОВ Иван Артемович (1910-1985)

В тексте - Ваню. Родился в 1910 г. в Ереване, жил в Тбилиси, последние годы в Таджикистане (1964). Основная профессия - инструктор альпинизма. В экспедиции был начальником передовой группы, принимавшей парашюты с контейнерами. Большая заслуга Галустова в том, что все контейнеры были найдены. Непосредственный участник экспедиции, прошедший траверс массива Победы (без восхождения на главную вершину). Мастер спорта по альпинизму с 1950 г. Звание заслуженный мастер спорта по альпинизму присвоено в 1958 г. Совершил с 1948 г. по 1960 г. более 50 восхождений, в том числе по маршрутам высшей категории сложности.

Первенство СССР: в команде «Буревестника» (1951 г.) - траверс Шхельда - Ушба с подъемом по Северной стене 2-й западной Шхельды (рук. К. Кузьмин), 1-е место в классе траверсов; 1953 г. - траверс Безингийской стены от Ляльвера до Дыхтау (рук. К. Кузьмин), 1-е место в классе траверсов; 1954 - рук. траверса массива Домбай с подъемом на В вершину по С стене из Буульгенского ущелья, 2-е место в классе траверсов; 1955 г. - рук. траверса (25 км, 34 дня) Коштантау - Мижирги - Цурунгал, 1-е место в классе траверсов. В 1964 г. в возрасте 54 лет поднялся на вершину Мечта (Ходжа-Локан, Гиссарский хребет) по В ст. (5 к. сл.), а в 1967 г. - на пик Ленина в составе международной альпиниады.

С именем Ивана Галустова связана целая эпоха в так называемом промышленном альпинизме: он готовил скалолазов-монтажников на строительстве Нурекской ГЭС, позднее вместе со своими учениками перешел на строительство Рогунской ГЭС. В 1973 г. руководил сбором нурекских альпинистов-скалолазов в Фанских горах. Десятки теперь уже немолодых альпинистов хранят воспоминания о неугомонном и неунывающим инструкторе Ване Галустове.

ГЛУХОВ Вячеслав Васильевич

Родился 4 апреля 1936 г. Участник экспедиции МВТУ-МГУ на пик Победы 1958, участник восхождения на пик Военных Топографов. Участвовал в альпиниадах МГУ-МВТУ 1956 и 1957 гг. Участник восхождения на пик Е. Корженевской - 2-е место в классе высотнотехнических восхождений (1966). Звание мастер спорта СССР по альпинизму присвоено в 1967 г. Звание мастер спорта СССР международного класса присвоено в 1968 г. Участник восхождения на пик Хан-Тенгри, 1-е место в классе высотнотехнических восхождений (1974). Участник восхождения на пик Победы в группе тренеров международных альпинистских лагерей (1983). С 1977 г. по 1992 г. работал в международных альпинистских лагерях «Памир» тренером-спасателем и начальником спасотряда. Восхождений на семитысячники СССР - 19 и одно - на Хан-Тенгри.

Окончил МВТУ в 1959 г. После окончания института, распределен в НИИ, где участвовал в разработках и испытаниях крылатой ракеты для

ВМФ (ведущий инженер). В 1965 г. перешел в МАИ на должность старшего преподавателя. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1977 г. избран по конкурсу доцентом МГТУ ГА. С 2003 г. профессор на этой же кафедре. Автор двух монографий, соавтор 5 учебников и учебных пособий для студентов высшей школы, имеет более 100 печатных работ.

ГРИГОРЕНКО Николай Максимович (1934-2004)

В экспедиции Сева. Окончил МВТУ им Баумана, где начал заниматься альпинизмом. В 1955 г. в составе группы под руководством А. Севастьянова совершил восхождение на пик МНР (4Б) и Уллутаучана по Северной стене (5Б). В 1956 г. в составе группы под руководством А. Овчинникова поднялся по Северной стене Главного Домбай-Ульгена (5Б) и совершил траверс массива Домбай-Ульген (5А-5Б). Восхождение на 3-ю Западную вершину Шхельды. В 1958 г. - Памирская экспедиция, присвоение звания «мастер спорта». По окончании института работал в МВТУ на факультете «Э», затем проректором института по физкультурной работе. На руководящих должностях в НПО «Микрокриогенмаш» (г. Омск), «Криогенмаш» (г. Балашиха), «Гелиймаш» (г. Москва). В 1990 г. организовал малое научно-техническое предприятие «Тамирис». Доктор технических наук, профессор, читал лекции в МЭИ.

ДУБИНИН Вадим Алексеевич

(В тексте Дима Дубинин). Родился в 1934 г. Участник экспедиции, взойшел на Восточную вершину пика Победы. Совершал высотные восхождения в составе команды СКАН (спортклуб Академии наук), возглавляемой Е. И. Таммом. Основные спортивные достижения: пик Фиккера с ледника Федченко (3-е место в первенстве СССР, 1960 г.), пик Коммунизма с л. Бивачный (1-е место в первенстве СССР, 1961 г.), первопрохождение восточной стены Хан-Тенгри (со стороны озера Мерцбахера). Окончил МФТИ в 1957 г. Работал в Минрадиопроме. В 1970 г. защитил диссертацию кандидата физико-математических наук. Последние 10 лет работает на предприятии «Кросна», которое разрабатывает системы космической связи, занимается техническими переводами. Женат, имеет троих детей, шесть внуков.

ЕРОХИН Игорь Александрович

Родился в 1924 г., погиб в 1960 г. на зимнем траверсе Домбай-Ульгена. Участник Великой отечественной войны. Капитан Советской армии. Имел боевые награды. Руководитель экспедиции на пик Победы (1958). Совершил восхождение на пик Военных Топографов, руководил траверсом массива пика Победы и восхождением на главную вершину. Руководил тремя совместными альпинидами МГУ-МВТУ. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1954 г. Был начальником электротехнической лаборатории МВТУ.

ЗАХАРЬЕВ Борис Всеволодович

Родился в 1929 г. Непосредственный участник экспедиции. Совершил восхождение на Восточную Победу и пик Военных Топографов. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1956 г. По специальности бурильщик. Участник экспедиции в Антарктиду, разрабатывал бурильные установки для луноходов.

ЗВЕРЕВ Георгий Митрофанович

(в тексте - Юра) - непосредственный участник экспедиции, поднялся на Восточную вершину пика Победы. Родился в 1934 г., выпускник физического факультета МГУ. Ученик нобелевского лауреата академика А. М. Прохорова. В 1957-1964 гг. работал в МГУ, разрабатывал физические основы квантовой электроники. С 1964 г. по настоящее время работает в НИИ «Полюс» имени М. Ф. Стельмаха, создает лазерную технику для обороны страны и народного хозяйства. С 1980 г. - заместитель директора по науке. Лауреат Государственной

премии (1976), Ленинской премии (1983), доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии инженерных наук им. А. М. Прохорова, заведующий кафедрой квантовой электроники МФТИ. Женат, имеет двоих детей и трех внуков.

КАБАЛЕВСКИЙ Александр Николаевич (1934-1984)

В экспедиции участвовал в забросках для участников траверса массива пика Победы и в восхождении на Восточную вершину. Окончил МВТУ в 1957 г. Работал на оборонном предприятии - переводил приборы

с ламп на полупроводники, в Институте проблем управления АН СССР. Кандидат технических наук. В ИНЭУМе участвовал в разработке первых советских вычислительных машин серии СМ для промышленного применения. Автор книги «Малые ЭВМ» (1986). Имеет двоих детей.

КАРПОВ Тибор Петрович (Дима)

Родился в 1934 г., выпускник химического факультета МГУ (1957). Участник экспедиции, взошел на Восточную Победу. В 1960 г. погиб на Кавказе при восхождении на Мижирги.

КОРШУНОВ Борис Степанович (Боб)

Родился 31 августа 1935 г. После окончания летной школы при аэроклубе им. Валерия Чкалова учился в авиационно-технологическом институте (МАТИ), окончил факультет «Самолетостроение». Участник восхождения на Восточную Победу и пик Нансена. Альпинизмом занимается с 1954 г. Совершил восхождения на более 60-ти вершин выше 7000 м (в т. ч. в Гималаях).

Участвовал в экспедициях на Эверест (1999, 2000, 2004), Аннапурну (2005), Дхаулагири (2006), Чо-Ойю (2007). Мастер спорта международного класса. Работал в международных альпинистских лагерях 17 сезонов. Совершил многократные восхождения на семитысячники СССР. «Снежный барс», жетон № 116 (1981). На вершине пика Победы был 8 раз (1981, 1990, 1991, 1993, 1995, 1996, 2001, 2004). До настоящего времени занимается беговыми лыжами, выезжает за рубеж (Италия, Австрия, Финляндия) для участия в лыжных марафонах.

После окончания вуза занимался ракетами «земля-воздух» на Тушинском механическом заводе, построением систем спутникового мониторинга зем-

ной поверхности. Более 30 лет участвовал в качестве испытуемого в исследованиях возможностей человека в экстремальных условиях, проводимых Институтом медико-биологических проблем (директор академик Газенко).

После аварии получил перелом позвоночника в четырех местах. Долго лежал в гипсе, не работали руки и ноги. Смог самостоятельно победить недуг. После этого поднялся на Эверест (1999), Аннапурну (2005), Дхалулагири (2006, до высоты 7700 м) и Чо-Ойю (2007).

В 2006 г. в забеге на Эльбрус от «Бочек» (л. Гара-Баши) показал время 4 ч 58 мин.

Одна из дочерей Б. С. Коршунова была врачом в туристской группе «Метелица». Побывала на Южном и два раза на Северном полюсах.

КОСМАЧЕВ Олег Семенович

Родился в 1936 г. В экспедиции на пик Победы совершил восхождение на пик Фритьефа Нансена. Звание мастер спорта СССР по альпинизму присвоено в 1967 г.

ЛОКШИН Борис Вениаминович (в тексте Боря)

Один из 13 участников траверса пика Победы. Родился в 1935 г. Окончил в 1957 г. химический факультет МГУ. В 1957-1960 гг. - председатель альпинистской секции МГУ. В 1961 г. не смог поехать в горы в связи с рождением дочери. В 1962-1963 гг. работал преподавателем в университете на Кубе. После этого в альпинизм не вернулся, в 1960-х и начале 1970-х годов участвовал в сложных горно-туристских походах по Кавказу и Памиру. Доктор химических наук, профессор, заведующий лабораторией Института элементоорганических соединений им. А. Н. Несмеянова Российской академии наук. Автор около 300 научных работ в области применения методов молекулярной спектроскопии в химии. Имеет двух дочек и двух внуков.

ЛЫСЕНКО Александр Иванович (1933-1960)

Участвовал в восхождении на Восточную Победу. Окончил физический факультет МГУ по специальности «Ядерная физик». Был научным сотрудником Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, учился в заочной аспирантуре. Погиб в лавине 18 июля 1960 г. при подъеме по Северному склону пика Победы (вместе с Осинцевым).

МАЛАХОВ Владимир Дмитриевич

Родился 23 февраля 1933 г. В экспедиции на пик Победы отвечал, совместно с Володей Шполянским, за организацию каравана лошадей, передвижение его в район перевала Чон-Терен и далее до базового лагеря.

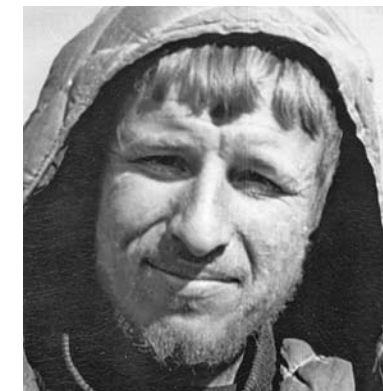
Участвовал в заброске грузов в лагерь на 6200 м для будущего траверса массива пика Победы. В траверсе участия не принимал, за несколько дней до его начала вынужден был вернуться в Москву, где решался вопрос о его переходе на другую работу. Из спортивных достижений: траверс Дых-Тау - Коштан-Тау с подъемом на Дых-Тау по Северо-Западной стене (2-е место в первенстве СССР 1957 г., рук. Игорь Ерохин). В 1962 г. - участник Советско-Британской экспедиции на Памир, где совершил восхождения на пики Патриот и Коммунизма, в том же году выполнил норму мастера спорта по альпинизму.

Окончил механический факультет МВТУ им. Баумана. После окончания два года работал в НИИ Минобороны СССР, затем в течение 15 лет в системе Минвнешторга СССР. С начала 1974 г. был переведен на работу в Торгово-промышленную палату СССР, где в должности зам. начальника управления внешних сношений отвечал за открытие представительств Палаты за рубежом, которых в те годы удалось открыть в 15 странах. За время работы был в трех длительных заграничных командировках (всего около 15 лет) и примерно в 30 краткосрочных в странах Европы, Азии, Америки и Африки. В 1993-2000 гг. - вице-президент АКБ «МАПО-БАНК», с середины 2000 г. на пенсии.

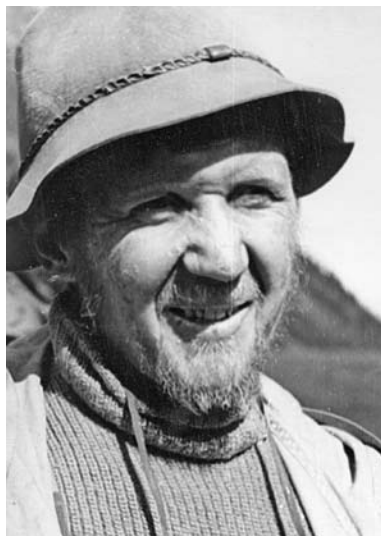
Женат, имеет двоих детей, внука и двух внуков.

МОРОЗОВ Сергей Александрович

Родился в 1931 г. Участник всех трех альпиниад МГУ-МВТУ - 1956, 1957, 1958 гг. В экспедиции на Победу (1958) входил в состав передовой группы. Совершил траверс массива Победы (без подъема на главную вершину).

МУРАВЬЕВ Евгений Александрович

Родился 24 апреля 1931 г в Киеве. Участник всех трех альпиниад МГУ-МВТУ. В экспедиции на Победу (1958) входил в состав передовой группы. Совершил траверс массива Победы с восхождением на главную вершину. Звание мастер спорта присвоено в 1964 г. «Снежный барс», пик Ленина - 1965 г., пик Коммунизма - 1968 г., пик Корженевской - 1978 г. Судил чемпионаты СССР по альпинизму и скалолазанию.

С 1933 г. живет на Урале в Свердловске. Окончил Уральский политехнический институт (УПИ). В настоящее время ведущий научный сотрудник Уральского института металлов.

Кандидат технических наук.

Имеет двух дочек, двух внучек и внука.

НАГИБИН Юрий Петрович

Родился 12 мая 1934 г. в городе Москве. В 1957 г. окончил МВТУ им. Баумана, факультет «М». Распределен во ВНИИ «Геофизика». С 1957 г. до настоящего времени (ноябрь 2008 г.) участвует в создании и организации промышленного производства аппаратуры для нефтегазовой, строительной и горнодобывающей промышленности.

Участвовал во всех альпиниадах МГУ-МВТУ. В экспедиции 1958 г. готовил и сопровождал второй караван. Совершил восхождение на Восточную Победу. Участвовал в организации последнего каравана по эвакуации в составе: В. Чадаев, А. Кабалевский, В. Божуков и др.

Работал инструктором в альплагерях «Безенги», «Адыл-Су», «Домбай» и др. Закончил занятия альпинизмом в 1972 г.

НЕЛИДОВ Анатолий Борисович

Родился в 1932 г. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1956 г. Участник восхождения на Восточную Победу. Окончил МГУ. Работал в НИИ Ядерной физики.

РОМАНОВ Алим Васильевич (1931-2001)

Спортивный врач. В экспедиции совершил восхождение на Восточную Победу. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1956 г. Окончил Рижский медицинский институт.

РОМАНОВ Борис Тимофеевич (1926-2004)

В экспедиции совершил восхождение на Восточную Победу. Окончил 2-й Московский медицинский институт. Заведовал кафедрой Московского государственного медицинского университета. Доктор медицинских наук. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1956 г. С 1962 г. член президиума ФА СССР; в 1980-1984 гг. - президент; с 1985 г. - председатель Федерации альпинизма профсоюзов (федерация решала практические вопросы, касающиеся работы альплагерей, школ, альпиниад). Судья всесоюзной категории по альпинизму.

В 1982 г. тренер Первой советской гималайской экспедиции на Эверест. Награжден орденом «Знак Почета», заслуженный тренер СССР, заслуженный мастер спорта.

РЯБУХИН Александр Григорьевич

Родился 2 июля 1931 г. Мастер спорта по альпинизму (1964), заслуженный тренер РСФСР (1964). Окончил МХТИ им. Менделеева в 1954 г. Профессор кафедры «Физхимия» Южно-Уральского государственного университета. Доктор химических наук (1981).

СКОРОБОГАТОВ Петр Кузьмич

Родился в 1913 г. Руководил группой, которая доставила на ледник Звездочка двух военных радистов и радиостанцию с питанием и велогенератором. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1955 г. В экспедиции был кинооператором.

СОКОЛОВА Ия Борисовна (1927-1960)

Родилась в 1927 г. Звание мастер спорта по альпинизму присвоено в 1956 г. Участник восхождения на Восточную Победу и пик Военных Топографов. Окончила физический факультет МГУ. Работала в лаборатории академика Франка. Занималась треками частиц. Кандидат физико-математических наук. Погибла в связке с Игорем Ерохиным на зимнем траверсе Домбай-Ульгена в 1960 г.

ТУМАНОВ Константин Арташесович (1928-1957)

Председатель альпинистской секции МГУ в 1956-1957 гг. Мастер спорта по альпинизму (1955). Работал старшим преподавателем на физическом факультете, считался ведущим альпинистом в Московском университете в те годы и имел необычайно высокий авторитет у альпинистов МГУ. Отличался скромностью, спортивностью и высокой образованностью. Хорошо знал каждого в секции и был ее душой. Погиб в 1957 г. на спуске с Дыхтау.

ТИХОНОВА Анна Андреевна

Родилась в 1934 г. В экспедиции совершила восхождение на пик Восточная Победа. В 1956 г. закончила физический факультет МГУ и по распределению 3,5 года была служащей Советской Армии - работала в ЦНИИ-108 Министерства обороны (вместе с Димой Дубининым). Принимала участие в разработке и испытании военных заказов. В 1960 г. поступила в Институт кри-

сталлографии АН СССР, занималась исследованием тонких пленок полупроводниковых материалов (сейчас это называется нанотехнологией). Канд. физико-математических наук, старший научный сотрудник. В послеперестроечное время перешла на работу в среднюю школу и три года работала учительницей.

Ходила в сложные водные походы (р. Курейка на полуострове Таймыр).

Имеет первый спортивный разряд по лыжам и спортивному ориентированию.

Имеет двух сыновей-физиков и трех внуков.

ФЕЩЕНКО Геннадий (1932-1960)

В экспедиции совершил траверс массива Победы (без подъема на главную ершину). Участвовал в организации караванов. Окончил МГУ. Работал в КБ-1, где создавались системы противоракетной обороны СССР. Погиб на зимнем траверсе Домбай-Ульгена в связке с Игорем Ерохиным.

ХОХЛОВ Рем Викторович (1926-1977)

Участник экспедиции. Совершил восхождение на Восточную Победу и пик Военных Топографов. Окончил МГУ (1948). С 1952 г. работал в МГУ. С 1965 г. - заведующий кафедрой волновых процессов. В 1973-1977 гг. - ректор МГУ.

Выдающийся советский физик, один из основоположников нелинейной (лазерной) оптики. Академик АН СССР (1974 г., член-корреспондент с 1966 г.), член президиума АН СССР (с 1975 г.), и. о. вице-президента АН

СССР (с 1977 г.). Член КПСС с 1951 г. Депутат Верховного Совета СССР с 1974 г. В 1976 г. - член Центральной ревизионной комиссии КПСС. В 1970 г. - лауреат Ленинской премии. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями. Рем Хохлов отдал альпинизму 20 лет: КМС, медаль первенства СССР по альпинизму. Поднялся на все семитысячники страны, кроме пика Коммунизма. Умер в больнице после неудачного восхождения на его вершину.

ЦИРЮЛЬНИКОВ Аркадий (1930-1960)

Главный врач экспедиции 1958 г. Совершил траверс массива Победы с подъемом на Главную Победу. Из всех участников траверса был лучше всех подготовлен физически. На траверсе его помощь, как врача, понадобилась Адику Белопухову. В экспедиции проводил систематические наблюдения за физическим состоянием спортсменов. Использовал полупроводниковый прибор для анализа крови, который прицеплялся к уху. Прибор на полупроводниках изготовил участник экспедиции

Толя Нелидов. В то время это было большим достижением в медицинском приборостроении. Погиб на зимнем траверсе Домбай-Ульгена.

ЧАДЕЕВ Валентин Маркович

Родился 22 декабря 1932 г. Участник траверса массива Победы и восхождения на Главную Победу. Из спортивных достижений: траверс Дых-Тау-Коштан-Тау с подъемом на Дых-Тау по Северо-Западной стене (2-е место в первенстве СССР в 1957 г.). Окончил МВТУ им. Баумана. После окончания работал на Красногорском оптико-механическом заводе (3 года), учился в аспирантуре у академика В. С. Пугачева.

В настоящее время ведущий научный сотрудник Института проблем управления РАН. Доктор технических наук, профессор, лауреат Государ-

ственной премии СССР (1976). Автор пяти технических книг. Основные научные интересы - идентификация (построение математических моделей) промышленных объектов, адаптивные системы управления и самовоспроизведение механических роботов. Под его руководством защитились 10 аспирантов. Ни в альпинизме, ни в науке административных должностей не занимал, в партиях не состоял. Женат, имеет троих дочерей (две девочки близнецы), троих внуков и внучку.

ШПАГИН Михаил Михайлович

Родился в 1931 г. Участник экспедиции 1958 г. Делал заброски на Восточную Победу. Игорь Ерохин пригласил М. Шпагина и С. Абреимова как мастеров спорта СССР по пулевой стрельбе для снабжения экспедиции свежим мясом горных козлов. За время экспедиции застрелил пять козлов - это около 200 кг чистого мяса. Окончил МВТУ. Много лет работал за границей.

Женат, имеет двоих сыновей, внука и внучку.

ШПОЛЯНСКИЙ Владимир Наумович (1935-2005)

Участник траверса массива Победы от Восточной Победы (без подъема на Главную вершину). Был председателем альпинистской секции МВТУ. Окончил МВТУ им. Баумана в 1959 г. Работал на предприятии «Красная звезда» инженером, ведущим конструктором. «Почетный донор СССР».

Имел трех дочерей и двух внуков.

ЩУКИНА Светлана Николаевна

В экспедиции совершила восхождение на Восточную Победу. Окончила МВТУ им. Баумана.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3	Переговоры о лошадях	75
НАШЕ МЕСТО В МИРЕ	8	Первая охота	77
КОМАНДА ИГОРЯ ЕРОХИНА	15	Встреча радистов	78
Планы	15	Борьба с голодом	80
Формирование команды	15	Авиация (вид сверху)	81
Круглогодичные тренировки	18	Десантирование грузов на Звездочку.	
Альпиада МГУ - МВТУ 1956 г.	18	Взгляд из базового лагеря	86
Альпиада МВТУ и МГУ 1957 г. в Безенги	28	ДВИЖЕНИЕ ОСНОВНОГО СОСТАВА	
Воспоминания Коли Володичева	28	ЭКСПЕДИЦИИ	87
Вертолет	32	Фрунзе	87
Спортивные восхождения	35	Рыбачье	90
Спасательные работы	38	Пржевальск	92
Траверс Дыхтау - Коштантау	43	Дорога из Пржевальска	93
Воспоминания Бориса Локшина	51	КАРАВАН	95
Чешская команда	52	Сбор лошадей	95
Поездка в Чехословакию	53	Кен-Су - конец автомобильной дороги	96
ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ НА ПОБЕДУ	59	Оружие и охота	99
ОТБОР УЧАСТНИКОВ	59	Переправа через Сары-Джаз	102
АВИАЦИЯ (БЮРОКРАТИЯ)	61	Перевал Тюз	105
СНАРЯЖЕНИЕ	64	Охота у Чон-Таша	109
Пуховые куртки	64	Ледник Иньльчек	111
Шекельтоны	64	ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЕЙ	115
Питание	66	Базовый лагерь на 4200 м	115
Оружие без охоты	71	АККЛИМАТИЗАЦИЯ И СПОРТИВНЫЕ	
ЧЕХИ	72	ВОСХОЖДЕНИЯ	123
НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ	74	Штурмовой лагерь на 5500 м	123
ПЕРЕДОВАЯ ГРУППА	74	СНЕЖНЫЕ ПЕЩЕРЫ	130
Задачи передовой группы	74	ВОСХОЖДЕНИЕ НА ПИК ВОЕННЫХ ТОПОГРАФОВ ..	133
Состав передовой группы	74	Восхождение глазами Коли Володичева	133
		Восхождение глазами Вали Божукова	136

ВОСХОЖДЕНИЯ НА ВОСТОЧНУЮ ПОБЕДУ	
И ЗАБРОСКИ	136
Из воспоминаний Владимира Вуйты	137
Из воспоминаний Ани Тихоновой	154
Из воспоминаний Юры Зверева	157
Из воспоминаний Белопухова и Божукова	159
Незапланированный выход за бензином	163
Из воспоминаний Бориса Локшина	164
Из воспоминаний Коли Володичева	166
ТРАВЕРС МАССИВА ПОБЕДЫ	170
НАЧАЛО	170
НА ГРЕБНЕ	171
ШТУРМ	175
СПУСК	180
ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА - ПИК НАНСЕНА	183
ЭВАКУАЦИЯ	185
ПРОЩАЙ, АЛЬПИНИАДА	185
ПРОЩАЙ, ЗВЕЗДОЧКА	187
ДОМОЙ С ВЕЩАМИ	188
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ	190
ТЕПЕРЬ ЭВЕРЕСТ	194
ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ НА ПОБЕДУ	197
Оценка Ерохина	197
Оценка Федерации альпинизма СССР	199
КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ	200
В ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ	208
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИГОРЕ ЕРОХИНЕ	208
Саша Ерохин об отце	208
Стрела, нацеленная на Эверест	215
Неординарная личность	217
Близкий друг	217
Мой Ерохин	220
Максималист	225
Блестящий организатор	227
Стратег	227
ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГИХ УЧАСТНИКАХ	
ЭКСПЕДИЦИИ	228
Ия Борисовна Соколова	228
Володя Шполянский	232
Вано Галустов	237
ИСТОКИ	238
МЫ ПОПАЛИ НА ПОБЕДУ С ЗАВОДА	238
АЛЬПИНИСТСКАЯ СЕКЦИЯ МГУ	239
ВСЕ НАЧАЛОСЬ НА ПАМИРЕ	242
ВНАЧАЛЕ БЫЛИ СЛЕТЫ ТУРИСТОВ	246
ЛИТЕРАТУРА	249
МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТА	249
ПРИЛОЖЕНИЕ	250
ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ ВОЛОДИ МАЛАХОВА	255
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И УЧАСТНИКАХ	257

ПОБЕДА ИГОРЯ ЕРОХИНА

Воспоминания участников
студенческой альпиниады
МГУ-МВТУ
о восхождении
на пик Победы в 1958 г.

ПОБЕДА ИГОРЯ ЕРОХИНА
Подписано в печать 26.02.2009. Формат 60x90/16
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «MinionС».
Печать офсетная. Объем 17,25 п. л.
Тираж 1000 экз. Заказ №

e-mail: balabanoff@list.ru
<http://www.i-balabanoff.ru>
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

2009